

НОВАЯ ПОЛЬША

№6₍₈₇₎

2007

КАК ПОДДЕРЖАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БУМ?

Что содержит пакет Ключки

Чрезвычайно много зависит от людей культуры...

БРОДСКИЙ И МИЛОШ

Люблин, город Чеховича и «Камены»

Адам Поморский о переводах Натальи Горбаневской

Эльжбета Савицкая советует русским переводчикам и издательствам

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6(87)

2007

ИЮНЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Адам Гжешак 3
ЧТО ТАК ГОНИТ-ПОДГОНЯЕТ?

Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ 16
Беседа с Мечиславом Вильчеком

Збигнев Хоцкуба 18
КАК СОХРАНИТЬ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

Марек Пелях 21
ЧЕЛОВЕК, ТАНЦУЮЩИЙ С ОВЦАМИ

ЧРЕЗВЫЧАЙНО МНОГО ЗАВИСИТ ОТ ЛЮДЕЙ КУЛЬТУРЫ... 24
Беседа с Яковом Гординым

Зофья Круль 31
МАГНИТНЫЕ ПОЛЯ

Томаш Петрасевич 33
ЮЗЕФ ЧЕХОВИЧ В ЛЮБЛИНЕ

Юзеф Чехович 34
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Юзеф Чехович 39
ГОРЕЧЬ

Чеслав Милош 40
О ЮЗЕФЕ ЧЕХОВИЧЕ

Казимеж Анджей Яворский 43
СЕРГЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

Оля Хшановская 48
ЧАЙ НА ВЕРАНДЕ

Малгожата Барановская
ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ МАРИЯ ЯНИОН

50

Александр Качоровский
СТРАХИ НА ЛЯХОВ

52

Петр Телеш
СТИХОТВОРЕНИЯ

53

Лешек Шаруга
В ГРОХОТЕ КОЛЕС

60

Адам Поморский
КАК СЛЕДУЕТ ДАТЬ ВЕЩИ — СЛОВО!

61

Эльжбета Савицкая
ЛЮБОПЫТНЫЙ ГИБРИД

65

Барбара Цешевская
ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЙ ЗАВОД В СИБИРИ

66

Анна Селянко
СОЗДАТЕЛИ ОДЕЖДЫ ВЫСОКОГО КЛАССА

67

Тадеуш Корнась
КШИШТОФ ВАРЛИКОВСКИЙ — МРАК И СВЕТ

70

Янина Куманецкая
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

75

Лешек Шаруга
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

78

Магдалена Байер
КЛИНГЕРЫ — ДВА ПОКОЛЕНИЯ БОГОСЛОВОВ

81

Переводчики: Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Е. Шиманская, В. Штокман, О. Цивкач

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 21, 31, 70), Archiwum (стр. 25, 82), E. Lempp (стр. 50), Archiwum Tomasz Miernowskiego (стр. 33), Józef Czechowicz. Archiwum Brama Grodzka (стр. 41)

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Паулина Зеленая

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается под патронажем
Национальной Библиотеки
по поручению Министра Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Адам Гжешак

ЧТО ТАК ГОНИТ-ПОДГОНЯЕТ?

Польская экономика давно уже не была в таком отличном состоянии. В 2006 г. рост ВВП составил 5,8% — огромное ускорение: еще за год до этого нам приходилось радоваться жалким 3,5%. В 2006 г. общий объем польского ВВП достиг 1046,6 млн. зл. (269,7 млн. евро), то есть впервые преодолел порог миллиарда злотых. Это немного больше, чем в Австрии, но все еще в 3,5 раза меньше, чем в Испании, сравнимой с Польшей по размерам. В нашей стране, по данным Евростата (статистической службы ЕС), ВВП на душу населения составляет около 7,1 тыс. евро, на 700 евро больше, чем в предыдущем году.

Много это или мало? Во всемирном масштабе мы принадлежим к зажиточным странам, но наш ВВП — это лишь 54% от среднего по Евросоюзу. Мы, правда, вырабатываем намного больше, чем болгары (3,1 тыс.) и румыны (4,5 тыс.), но другие государства ЕС нас обгоняют. В том числе и ближайшие соседи — венгры (8,9 тыс.), словаки (8,2 тыс.), чехи (11 тыс.). Со «старым» Евросоюзом нас и сравнивать не приходится: Ирландия — 40,9 тыс., Дания — 40,4 тыс., Германия — 28 тыс. евро на душу населения. Это другая лига.

Даже достижение нынешнего среднего показателя ЕС (24,5 тыс.) — задача на годы. В особенности потому, что мы имеем дело с «Польшей двух скоростей», причем это явление усиливается. Сегодня половина польского ВВП создается всего лишь в четырех из 16 воеводств: Мазовецком, Силезском, Великопольском и Нижнесилезском. Одно лишь Мазовецкое воеводство (главным образом Варшава) представляет собой сегодня такой же экономический потенциал, как вся Болгария. Остальные 12 воеводств производят вторую половину ВВП.

Стронулось

Часть аналитиков поспешно исправляет прогнозы в сторону повышения и обещает на 2007 г. 7-процентный рост польской экономики. Что же такого необычайного случилось с нашей экономикой, почему она стала развиваться в таком темпе? У экономистов нет сомнений: это результат совпадения ряда благоприятных обстоятельств. Они редко складываются одновременно, но на этот раз так случилось.

Во-первых, мировая экономика находится в неплохом состоянии и переживает стадию роста. Не оправдались мрачные предсказания кризиса, к которому должен был привести рост цен на нефть. Еще недавно господствовало убеждение, что вскоре цены поднимутся выше 100 долл. за баррель и это повлечет за собой новые неприятные для всего мира последствия. Однако оказалось, что цена нефти стабилизировалась на разумном уровне, и если не случится ничего особо драматического (например новой войны на Ближнем и Среднем Востоке), то она удержится в пределах 50-70 долларов. Сегодня мировую экономику тянут два огромных, быстро растущих «азиатских тигра» — КНР и Индия. Не оправдались (постучим по дереву!) и предсказания, что Америка впадет в рецессию. Это отразилось бы на всех странах мира.

После долгих недомоганий восстановила здоровье Япония, а это, хочешь не хочешь, вторая в мире экономическая держава. В неплохом состоянии и Евросоюз — он развивается в темпе 2,5% в год, быстрее всего за последние пять лет, в чем немалая заслуга принадлежит новым членам. Это для нас особенно важно, и не только потому, что мы член ЕС, но прежде всего потому, что страны Евросоюза — главный покупатель наших товаров и услуг.

Как закалялся экспорт

Экспорт — главный двигатель польской экономики. В прошлом году он вырос на 26%! Мы экспортировали товары и услуги на сумму 87,5 млрд. евро, из этого 77% пошло на рынки Евросоюза.

— Сегодняшние успехи польского экспорта — это частично результат тех трудностей, через которые польская экономика проходила в начале десятилетия, — объясняет Богдан Выжникевич. Сокращение внутреннего рынка заставило тогда польских предпринимателей повернуться к загранице. Это подтверждает статистика: экспортирует уже половина польских предпринимателей, а экономическое положение экспортеров намного лучше, чем у тех, кто придерживается исключительно отечественного рынка.

Столп польского экспорта — автопромышленность. Прошлогодние результаты этой отрасли производят впечатление: она обеспечила нам свыше 14 млрд. евро дохода, т.е. около 16% всего экспорта. Что еще важнее, в этой сфере у нас основательный положительный баланс — иначе говоря, мы больше вывозим за границу, чем ввозим оттуда. Разница составляет уже больше 6 млрд. евро. Экспортируем мы главным образом легковые автомобили (38%). На втором месте — запчасти и компоненты (28%), на третьем — наша новая специальность, дизели (20%). Сегодня мы пожинаем плоды принятых в первой половине 1990-х разумных решений о приватизации и поддержке иностранных инвестиций. Сколько же тогда было гамлетовских сомнений и критических выступлений: мол Бельский завод легковых автомобилей отдаем «Фиату» чуть не задаром, а фирмы, пускающие в ход сборочные предприятия и пользующиеся таможенными и налоговыми льготами, будут паразитировать на польской экономике. Ока-

зывается, за эти годы накопилась критическая масса. За «Фиатом» пришли следующие крупные производители — «Опель», «Фольксваген», «Тойота». За ними — их субподрядчики. Временные сборочные предприятия, создававшиеся поспешно, чтобы удовлетворить нужды разраставшегося во второй половине 90-х польского рынка, превратились в нормальные заводы. Сегодня 95% машин, производимых на польских заводах — а это около 700 тысяч в год, — выезжают за границу, потому что отечественный рынок, пережив спад в начале десятилетия, так от него и не оправился.

И вот парадокс: мы производим новые автомобили и отправляем их на рынки Евросоюза, но в то же самое время ввозим оттуда сопоставимое число подержанных машин. В прошлом году поляки ввезли в страну около 800 тыс. машин — большей частью из Германии, притом эксплуатировавшихся не меньше шести лет.

— Положение все еще далеко от нормального. На польском рынке полагалось бы продавать 600-700 тыс. новых автомобилей в год, а не 200-300 тысяч, как сейчас, — говорит Ромуальд Рытвинский, генеральный директор компании «GS-Опель-Польша». 94% «Опелей», производимых в Гливице (главным образом модель «Зафира») идут на иностранный рынок. Гливице выигрывает за счет высокого качества и более низких, чем в странах «старого» ЕС, производственных затрат. И, конечно, за счет близости субподрядчиков, работающих в Чехии и Венгрии, так как это снижает расходы на транспортировку и складирование.

Так же обстоят дела и у других автомобильных фирм: «Фольксвагены» — «Кадди» и «Транспортер» — с завода в Познани (по последнему «списку 500» «Политики» этот завод — экспортный рекордсмен) прекрасно продаются в Западной Европе. Так же, как и «Фиаты-Панда», производимые в Тыхах. У итальянцев давно не было такой удачной модели. Вскоре там вдобавок будет запущено производство маленького «Фиата-500». Машины Варшавского завода легковых автомобилей продаются на Украине и в России. Большим успехом пользуются автобусы «Солярис» из Болехова. В прошлом году фирма супругов Ольшевских экспортировала 367 автобусов. Это 80% продукции завода «Solaris Bus&Coach».

Усаживайтесь, пожалуйста

Польский экспорт меняется. Нас уже не преисполняют гордостью миллионы тонн каменного угля, который вывозился по цене ниже производственных затрат. Правда, уголь мы продолжаем экспортировать (в прошлом году компания «Венглококс» [«Углекокс»] вывезла 15 млн. тонн угля за 166 млн. евро), но к счастью — все меньше. Зато мы стали четвертой страной в мире по экспорту мебели — позади КНР, Италии и Германии. Наша специальность — «стулья и мебель для сидения».

Мебельщики горды: они создают уже 2% польского ВВП и экспортируют большую часть своей продукции. С 1989 г. экспорт польской мебели вырос в 30 раз. Если бы еще не было трудностей с деревом, вздыхают они. Такие фирмы, как «Правда» из Олеска, которая 80% экспортирует в сеть «Икеа», или «Новый стиль» из Кросно, который недавно открыл свой салон в Лондоне, — прямые, годящиеся для учебника примеры спасительного действия экспорта. Они пустились за границу в начале десятилетия, когда падение конъюнктуры удушил жилищный рынок.

Поддержкой польского экспорта стала и сельскохозяйственно-продовольственная отрасль. По ней еще нет окончательных результатов за 2006 г., но доходы наверняка превысят 8 млн. евро. Мы завоевываем мировые рынки кондитерскими изделиями (пряники, вафли), соками (особенно яблочным), мясом, сырами, шоколадом, замороженными фруктами.

Однако нам не следует впадать в самодовольство, потому что другие экспортируют еще больше. Это особенно заметно, если сравнить показатели объема экспорта на душу населения. В 2005 г., когда мы радовались, достигнув результата 1883 евро, венгры и чехи приближались к пяти тысячам. А это страны, с которыми мы еще можем сравниться. Потому что со «старым» ЕС — уже не можем. Голландия, например, в этом году экспортировала продовольствия — в пересчете на душу населения — на 20 с лишним тысяч евро.

Наше продовольствие попадает главным образом на самые крупные рынки «старого» Евросоюза с подавляющим преобладанием немецкого. Туда идет 27% польского экспорта, в то время как в следующую за Германией Францию — только 6%.

Наша экспортная зависимость от Германии — результат ее масштабов (немецкая экономика составляет 30% всей экономики зоны евро), географической близости (для многих малых фирм в западной части Польши Германия стала естественным рынком сбыта), но еще и немецких капиталовложений в Польшу, которые тесно связывают наши страны. К счастью, положение постепенно выравнивается, и доля немецкого рынка в польском экспорте снижается (за последние пять лет — на восемь пунктов). Растет также, что заслуживает внимания, экспорт в Россию, притом несмотря на плохие политические взаимоотношения. Сейчас это, с точки зрения оборота, шестой рынок сбыта для наших продуктов (свыше 13 млрд. злотых).

Большие покупки

Несколько лет экспорт тянул польскую экономику. Благодаря этому она в неплохих условиях пережила трудный период. Теперь, однако, удалось запустить и второй двигатель — внутренний спрос. Из месяца в месяц мы покупаем все больше. Обычные граждане — потребительские товары. Предприятия — инвестиционные. Хотя эти покупки ведутся в разных местах, обе формы спроса тесно связаны.

— Первые сигналы, свидетельствующие о необходимости капиталовложений, появились в польской экономике уже к концу 2002 года. Однако польские предприниматели необычайно осторожны — они ждали до последнего момента. Всё по-настоящему стронулось с места только в 3-м квартале 2006-го, — объясняет Малгожата Кшиштошек.

Здесь мы имеем дело с элементом естественного конъюнктурного цикла, в котором сначала делаются капиталовложения, а потом они должны с прибылью отработать затраченные на них средства. Фирмы, особенно с отечественным капиталом (иностранцы действуют по более строгим стандартам), затягивают период эксплуатации машин и оборудования за пределы разумного, до полного изнашивания. Сегодня их средний износ составляет 50-60%. А это означает, что многие из них уже близки к технической смерти. Это снижает качество и конкурентоспособность продукции. А кроме того, создает опасность для нас, рядовых граждан, так как среди самого изношенного оборудования — транспортное, т.е. грузовики и автобусы.

Сегодня так дальше продолжаться не может, поэтому предприниматели в прошлом году массово кинулись делать покупки. Готовились они к этому давно, накапливая деньги. Банковские вклады предприятий в последние годы росли в быстрых темпах. Половина средств пошла на новые машины и

оборудование, 30% — на здания, а 20 — на транспортные средства. Капиталовложения в основные средства производства подскочили с 5,8% ВВП в 2005 г. до 16% годом позже. Это неплохо, хотя еще далеко от стандартов современной экономики, где доля капиталовложений доходит даже до 30% ВВП.

Поляк — оптимист

В прошлом году в экономику наконец влилось немало денег, которые начали ее стимулировать. Рост спроса привел к созданию новых рабочих мест. Предприниматели начали искать рабочую силу, потому что за это время немалая ее часть уехала работать в страны ЕС. Тем, кто остался в Польше, надо было платить больше.

— Мы наблюдаем рост требований в области зарплаты, а также меньшую привязанность к работе. Многие поступают на работу с мыслью, что вскоре найдут что-нибудь получше и уйдут в другое место, — говорит Лешек Ямёлковский, вице-президент компании «Биск», производящей оборудование для ванн. (Его, однако, радует быстро растущий отечественный рынок. Видно, что поляки взялись за модернизацию жилья.)

В 2006 г. начисленные зарплаты (за вычетом инфляции) выросли в польской экономике на 4%. Этот процесс продолжается и даже ускоряется. Это, в свою очередь, начало раскручивать конъюнктуру в сфере потребительских благ. Растущие доходы и легкость устройства на работу поднимают показатель т.н. потребительского оптимизма. Более уверенные в своем будущем, мы легче берем кредиты. А это в свою очередь старательно используют банки, предлагая нам — в том числе и лицам с довольно скромными доходами — десятки новых возможностей влезть в долги. Низкая инфляция и снижение процентов побуждают брать кредиты. Из месяца в месяц мы одалживаем все больше: в октябре прошлого года — 3,1 млрд. зл.; в ноябре — 3,5; в декабре — четыре миллиарда. В общей сложности это составило уже свыше 150 млрд. злотых.

— В последние годы мы наблюдаем в наших опросах рост потребительских требований и зажиточности поляков. По нашей оценке, зажиточность семей растет в два раза быстрее, чем ВВП. Видно, наш народ хорошо справляется со своими делами, — говорит социолог профессор Януш Чапинский, возглавляющий коллектив «Социальный диагноз», проводящий ежегодные опросы общественного мнения.

По данным Я. Чапинского, мы тратим гораздо больше, чем зарабатываем. Тайна лежит в теневой экономике, т.е. различных формах незарегистрированной и не облагаемой налогами хозяйственной деятельности. По его оценке, в ней работает около полутора миллионов человек. ГСУ оценивает их доходы в 14,4% ВВП (а эксперты Всемирного банка — вдвое больше).

Мечта о собственном жилье

Предметы мечтаний поляка неизменны: собственная квартира и машина. С машиной дело обстоит просто. Подержанный автомобиль из тех, что массово ввозятся из-за границы, общедоступен. Купить его сегодня может практически каждый, даже тот, кто потом не будет знать, как достать денег на бензин.

С квартирами дело обстоит хуже. Во взрослую жизнь входит поколение демографического пика рубежа 70-80-х, которое ищет свой угол. Другие люди в недвижимости видят хорошее капиталовложение. Жилищные кредиты растут ошеломляюще: за последние десять лет кредиты, взятые на покупку жилища, выросли в 80 раз! — с миллиарда злотых в 1997 г. до 81 млрд. в январе 2007-го. Растут и обороты строительных фирм. СМИ постоянно твердят о жилищном буме. Яцек Белецкий из Польского союза девелоперских фирм смотрит на это более скептически:

— Говорить о буме — преувеличение. Растущие обороты строительной отрасли — это главным образом результат растущих цен. Достаточно поглядеть на статистику квартир, сдаваемых в эксплуатацию. Никакого роста — скорее застой.

В действительности с жильем творится что-то странное. В 2006 г. сдано в эксплуатацию ненамного больше квартир, чем в 2005-м. Рост со 114 до 115 тыс. квартир (всего на тысячу!) не производит впечатления. Даже если добавить неопределенное число квартир, строящихся хозяйственным способом, или фактически заселенных, хотя формально и не сданных в эксплуатацию, все равно трудно говорить о буме.

Как это может быть? У поляков же самые плохие жилищные условия во всем Евросоюзе. Как установил Центр изучения и анализа рынка SAM, всего лишь каждый третий поляк живет в условиях, отвечающих европейским жилищным стандартам. У нас самые маленькие квартиры в Европе: средняя площадь — 69 квадратных метров (ЕС — 75 кв. м). Перенаселение — явление общераспространенное, 35% населения живет в условиях ниже стандартных.

Белецкий долго перечисляет причины, по которым разговоры о жилищном буме — всего лишь языковое упрощение. Девелоперская отрасль продолжает бороться с прежними трудностями. Барьером служат отсутствие планов пространственного развития, фактическая ликвидация государственной помощи тем, кто вкладывает капитал в собственную квартиру, запутанные процедуры. Оказывается, правительственная программа строительства трех миллионов квартир — мечта, далекая от реальности.

Все это приводит к тому, что на жилищном рынке мы встречаемся с типичным барьером предложения: строится гораздо меньше квартир, чем нужно. При резко растущем спросе это может вызвать единственную реакцию — быстрый рост цен. Цены взвинчивает прежде всего отсутствие земельных участков, а вдобавок другие объективные факторы — дорожающие стройматериалы (в особенности сталь и стекловата) и нехватка рабочих рук.

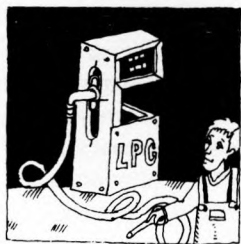
— Когда начнется строительство автострад, трудности со стройматериалами станут драматическими. Уже сегодня достать гравий бывает крайне трудно, — объясняет Яцек Белецкий. По его мнению, ситуация развивается в опасном направлении и может привести к кризису. Рост зарплаты приведет к росту инфляции. Это заставит Совет монетарной политики повысить учетные ставки. Возрастут затраты на кредит, не все сумеют справиться с его выплатой, тем более что банки упростили формальности при выдаче кредитов. Многие молодые люди окажутся отрезанными от возможности приобрести собственную квартиру и уедут за границу. В трудном положении могут оказаться девелоперы, которые останутся с недостроями на руках, так как не будет хватать денег, рабочей силы и клиентов. Это вызовет волну банкротств. Так выглядит мрачный сценарий, если в вопросе жилищного строительства ничего не изменится.

Экономисты смотрят на это спокойнее. Они считают, что спрос породит предложение, хотя это затянется надолго: в жилищном вопросе не спасешься импортом. Они уже замечают первые положительные сигналы: растет число выданных разрешений на строительство. Пока что в повышении цен на квартиры они видят некоторую гарантию, защищающую польскую экономику от растущей инфляции, естественной в периоды быстрого развития. Благодаря тому, что дорожают квартиры, другие цены остаются довольно устойчивыми. Жилищный рынок — как губка: он впитывает излишек наличных денег.

Горячее «made in EU»

Двигатели польской экономики работают на высоких оборотах. Использование производственных мощностей перевалило за 80%, а в некоторых фирмах (например у экспортеров) достигло 86%. В 2006 г., как подсчитало ГСУ, прибыль (финансовый результат нетто) предприятий возросла на 35%.

Все двигатели в значительной мере используют европейское горячее. Резкий рост 2006 г. экономисты называют вторым европейским шоком. Первый произошел в 2004 г., когда мы вступили в ЕС. Перспектива меняющихся предписаний и неуверенность, не станет ли в новой действительности всё дороже, многих предпринимателей толкнула к поспешным капиталовложениям, а обычных поляков — к закупкам. Это стимулировало экономику, но на короткий срок. На протяжении 2005 г. мы осваивались с нашим местом в Евросоюзе и изучали новые возможности. Наконец в 2007-м всё тронулось с места. Мы уже лучше умеем управляться с европейской действительностью.

Вопреки тому, что может показаться, речь тут идет исключительно о деньгах из программ помощи и структурных фондов ЕС, которые вливаются в польскую экономику. Это важный (70 млрд. евро за несколько лет), но преходящий фактор. Их нужно разумно инвестировать (с этим у нас, похоже, есть известные трудности), но нельзя строить на них наше

будущее. Кроме того, речь идет не о прямых дотациях, которыми пользуются польские крестьяне, хотя и этот вид помощи имеет положительное воздействие. Первые исследования показывают, что эти деньги идут не на текущее потребление — немалая часть крестьян рассматривает их как средства на капиталовложения. Это хороший признак, так как в польском сельском хозяйстве таится крупный неиспользованный потенциал.

Самую большую дозу энергии вливает в нашу экономику общий европейский рынок. Без пошлин, без барьеров, без ограничений. Не оправдались страхи некоторых политиков, опасавшихся, что Евросоюз нуждается в Польше исключительно как в рынке сбыта для своих товаров. Оказывается, наоборот: страны ЕС ждут наших товаров, услуг, рабочей силы. Динамика роста экспорта намного выше импорта. Это дает разгон экономике, создает рабочие места (сегодня четверть всех работающих создает блага, предназначенные исключительно на экспорт), стимулирует капиталовложения и потребительский спрос. К тому же участие в общем европейском рынке привлекает в Польшу западных инвесторов — только за прошлый год они вложили в нашей стране капиталов на 14 с лишним миллиардов злотых. Благодаря экспорту и капиталовложениям растут польские валютные резервы. Они уже достигли 46,7 млн. долларов и близки к резервам, которыми располагают США. Это важный элемент экономической безопасности государства.

Наш козырь — большой внутренний рынок, близость Германии и более низкие производственные затраты. Для фирм из стран, не входящих в Евросоюз, дополнительным стимулом оказывается то, что, инвестируя в Польшу, они получают статус предприятия ЕС и доступ ко всему европейскому рынку. Надо, однако, не забывать, что тот же результат можно получить, выбирая Венгрию, Словакию, Чехию и все остальные страны — новых членов ЕС. Мы должны создавать лучшие условия для капиталовложений, а это у нас не всегда получается. В 2005 г. объем прямых иностранных инвестиций составлял 2,1% нашего ВВП, в то время как в Венгрии этот показатель составил 3,9%, в Чехии — 4,8%, а в Эстонии — целых 12,8%.

И все-таки у нас есть успехи — например, недавно мы выдвинулись на ведущее место в Европе по производству современных телевизоров, так как нашу страну приглядели азиатские электронные концерны. С тех пор как мы стали полноправным членом ЕС, они инвестируют у нас без опаски, потому что знают как правила игры ЕС, так и то, что от безумий польских политиков их защищает законодательство ЕС, Европейская комиссия, а в крайнем случае — Европейский суд. Это резко ограничивает самый серьезный риск, который следует учитывать при расчете капиталовложений. Разумеется, полностью от него не избавиться, о чем свидетельствуют примеры голландской компании «Eureko», которая инвестировала в сеть страховых компаний, а сегодня ведет спор с государственным казначейством, или концерна «Arcelor Mittal», чей договор о покупке акций «Польских сталелитейных заводов» тоже начали подвергать сомнению.

Свистать всех наверх!

2007 год нам наверняка удастся проехать, продолжая выжимать газ. В следующем году темпы могут упасть. Оставаясь в рамках автомобильных сравнений, мы достигли момента, когда можно было бы переключиться на следующую скорость.

— Случай нам сегодня представляется неповторимый, — убежденно говорит проф. Лешек Зеньковский из Польской Академии наук. — Мы можем толкнуть польскую экономику на более высокий уровень роста.

Для этого, однако, нужна политическая готовность, а ее не видно (если не считать пропагандистских деклараций). Откладывается реформа государственных финансов и приватизация, сохраняются бюрократические барьеры (ответом на часть этих проблем должен стать мифический «пакет Ключки»*), сохраняются высокие затраты на рабочую силу (помимо зарплаты) — все это ограничивает возможности развития. Найти высококвалифицированную рабочую силу становится все труднее.

* Пакет законов, которые, по заверениям премьер-министра Ярослава Качиньского, облегчат жизнь частным предпринимателям, в том числе сократят число документов и сроки регистрации новых предприятий. — *Пер.*

В последнем международном опросе фирмы «Грант Торнтон» на тему предпринимательства 34% польских фирм сигнализировали трудности с наймом работников. Заметим, что это происходит при 14,4% зарегистрированной безработицы и исключительно высокой доле неработающих в продуктивном возрасте (14,394 млн., т.е. 46%). Поэтому многие эксперты сомневаются в точности данных о безработице — они наверняка завышены по крайней мере на несколько процентов. Это следствие теневой экономики и выездов на работу за границу. Часть этих лиц продолжает регистрироваться безработными. Наряду с этим у нас стоит проблема со структурной безработицей — людьми, давно остающимися без работы и не ищущими ее. Это проблема социальная, потому что эти люди обычно не располагают никакой квалификацией, требующейся на трудовом рынке.

Трудности с рабочей силой приводят к тому, что растет натиск требований о повышении зарплаты. А повышение зарплаты неизбежно ведет к росту инфляции и социальной напряженности. Уже сегодня председатель «Солидарности» Януш Снядек уверяет, что раз конъюнктура взвинчивается внутренним спросом, то работникам следует платить больше, потому что тогда они будут больше тратить. А это еще больше взвинтит конъюнктуру — и т.д. Этакое экономическое перпетуум мобиле. Другая профсоюзная конфедерация уже начала кампанию под лозунгом: «Кто украл твои 36%? Ты работаешь на 43% производительнее, а зарабатываешь на 7% больше!» Союз предпринимателей «Левиафан» пытается доказать, что профсоюзный лозунг содержит фальсифицированные данные: динамика роста производительности труда и рота зарплаток примерно одна и та же. Профсоюзников это вряд ли убедит.

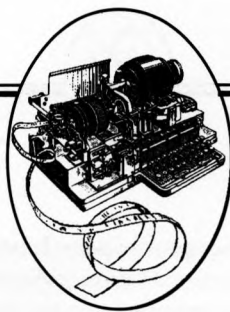
Министерство экономики недавно представило тревожный доклад о результатах массовой трудовой эмиграции поляков. Авторы обращают внимание на то, что это явление выгодно прежде всего странам, принимающим рабочую силу. Для Польши оно означает соответствующие потери, которых не компенсируют деньги, присылаемые из-за границы оставшимся в Польше семьям. По вероятностным подсчетам, исходящим из того, что в 2006–2010 гг. уедет миллион человек, в т.ч. 400 тысяч в Германию, 500 — в Англию, а остальные — в другие страны, выходит, что благодаря этому британский ВВП вырастет на 1,1%, а немецкий — на полпроцента. Потери потенциального польского ВВП составят 3,5% в год.

Трудовая эмиграция будет усиливать и без того серьезные демографические трудности. Выезжает главным образом молодежь (60% — мужчины), что может еще сильнее нарушить и так уже хрупкое равновесие между людьми в продуктивном и пенсионном возрасте. Иначе говоря, будет все больше лиц, получающих пенсии, и все меньше — платящих пенсионные взносы.

Хотя двигатели работают на высоких оборотах, мы едем на тормозе. Нынешняя коалиция представляет этатистское и популистское направление. Для экономики это опасная смесь. Сосредоточенность на трате еще не заработанных денег, идеи ограничения хозяйственных свобод (хотя бы в торговле) и создания все новых контрольных органов, напряженные международные отношения, затрудняющие деятельность экспортеров, конфликты с Евросоюзом, неясная процедура люстрации, которая может усложнить деятельность биржевых компаний, фирм СМИ и финансового сектора, — вот лишь некоторые примеры жгучих вопросов. К этому прибавляются небезопасные экономические решения: кадровая карусель в компаниях Государственной казны, сохранение государственной монополии, особенно в секторе горючего и энергетики.

Польская экономика пока что проявляет поразительную сопротивляемость политике. Однако полностью не испытывать ее влияния она не может. Согласно опросам фирмы «Грант Торнтон», 54% предприятий оценивают политическое положение негативно, а среди экспортеров — даже 63%. Это серьезные тревожные сигналы.

POLITYKA

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ «Вчера по всей стране отмечалась 216-я годовщина принятия Конституции 3 мая. В ознаменование этого события прошло совместное заседание парламентов Польши и Литвы. Оба парламента «почтили память поляков и литовцев, создателей Конституции 3 мая, которая стала наследием Речи Посполитой Обоих Народов, основанном на гражданских правах и свободах». Президент Лех Качинский наградил около 80 человек, отличившихся в борьбе за независимость страны и в развитии национальной культуры, а также вручил приказы о производстве в генералы. Президент подчеркнул, что среди награжденных есть люди левых, центральных и правых взглядов. «Так бывает в нормальном государстве. Ибо Польша одна, а заслуги перед ней можно иметь, исходя из разных убеждений», — сказал Лех Качинский. (*«Жечпосполита»* и *«Газета wyborcza»*, 4 мая)

■ «Вчера, в 64-ю годовщину восстания в варшавском гетто, президент Лех Качинский возложил цветы к памятнику Героям гетто (...) «Это было важное событие в истории польских евреев и Польши. Я приезжаю сюда каждый год уже много лет подряд, независимо от занимаемой должности», — сказал президент. (*«Дзенник»*, 20 апр.)

■ «Тысячи свечей зажгли вчера люди на улицах, по которым проходила граница варшавского гетто (...) «Мы должны чтить память тех, кто во время войны составлял 30% населения Варшавы», — сказал раввин Барт Шуман (...) Против немцев восстало меньше тысячи плохо вооруженных людей. Они сражались до 16 мая. До сих пор жив последний предводитель восстания Марек Эдельман, который принял участие во вчерашних торжествах». (*«Жечпосполита»*, 20 апр.)

■ «Мы, поляки, должны провожать его в последний путь не иначе как с уважением и благодарностью. Вчера от сердечного приступа умер первый президент России. Ему было 76 лет (...) Время правления бывшего партийного функционера, затем бунтовщика и наконец почти царя стало периодом расцвета в России демократии и свободы. Он умел относиться с уважением и к первой, и ко второй». (*«Газета wyborcza»*, 24 апр.)

■ Лех Валенса: «Я уважал Ельцина и восхищался им. Думаю, мир еще не вполне оценил ту роль, которую он сыграл (...) Именно ему Польша и Европа обязаны своим нынешним положением». Президент

Лех Качинский: «Поляки с глубокой скорбью восприняли известие о смерти Бориса Ельцина. Россия и мир потеряли выдающегося политика, но сегодня он вошел в историю. В нашей стране жива память о его заслугах в деле строительства новой России, о его роли в Европе и мире, а также в создании новых стандартов польско-российских двусторонних отношений». (*«Жечпосполита»*, 24 апр.)

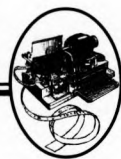
■ «Ельцин посетил Польшу только один раз — в 1993 году. Однако он никогда не считал нашу страну враждебной. В начале периода его правления польские реформы даже представлялись в российских СМИ как пример для подражания. В области польско-российских отношений крупнейшими заслугами Ельцина стали вывод российских войск из Польши и передача Польше документов, касающихся катынского преступления (...) «Ельцин вернул Россию миру и в то же время открыл ей мир, помог узнать его», — сказал бывший министр иностранных дел Стефан Меллер». (*«Дзенник»*, 24 апр.)

■ «Бывший президент Лех Валенса будет представлять Польшу на похоронах первого президента России». (*«Жечпосполита»*, 25 апр.)

■ «Это был второй визит премьер-министра Ярослава Качинского в Брюссель (...) «К счастью, я мог рассказать комиссарам об успехах, больших успехах, которых мы добились (...) Многое еще предстоит сделать, но мы начинаем ускоряться, и этим мы обязаны нашему членству в ЕС», — сказал польский премьер. Баррозу тоже (...) хвалил достижения Польши и евроэнтузиазм поляков». (*«Газета wyborcza»*, 19 апр.)

■ «До конца первого квартала 2007 г. Польша получила из Брюсселя в общей сложности более 13,02 млрд. злотых, т.е. почти 39% всех денег, выделенных на период 2004-2006 гг. (их можно использовать до конца 2008 г.). Этим, в частности, объясняется, почему польская экономика развивается быстрее всего за почти десять лет: в 2006 г. экономический рост составил 6,1% (...) Прошлый год стал также рекордным по притоку прямых иностранных инвестиций (14,7 млрд. долларов) (...) В течение трех лет уровень безработицы снизился с 19,5% в мае 2004 г. до 14,4% в марте текущего года». (*«Газета wyborcza»*, 30 апр. — 1 мая)

■ «Лодзь занимает первые места в составляемых банками рейтингах инвестиционной привлекательности, получает все более высокие кредитные рейтинги, притя-

гивает западные концерны (...) Лодзь наконец-то становится городом с приличной гостиничной базой, хорошими ресторанами и неповторимой атмосферой отреставрированных старых домов и довоенных фабрик (...) По злой иронии ревитализация «красной» или «рабочей» Лодзи идет под руководством Ежи Кропивницкого — одного из лидеров уже не существующего Христианско-национального союза и многолетнего министра в [правых] правительствах Яна Ольшевского, Ханны Сухоцкой и Ежи Бузека (...) В ноябре 2006 г. он был избран президентом [мэром] Лодзи на второй срок». (*«Впрост»*, 15 апр.)

■ «Спрос на землю огромен, а свободных участков на рынке нет (...) В последние несколько месяцев цены растут на 2,5-3% в месяц (...) Средняя цена гектара земли, продаваемой Агентством сельскохозяйственной недвижимости (...) составляет 7374 злотых (...) При покупке частным образом цены могут быть даже в полтора раза выше, и ничто не предвещает, что они будут падать (...) Очереди желающих купить землю выстраиваются по всей стране». (*«Жечпосполита»*, 12 апр.)

■ «По данным Агентства сельскохозяйственной недвижимости, к концу 2006 г. иностранцы имели в собственности 1303 га земли. Больше всего они приобрели в Западно-Поморском воеводстве». (*«Жечпосполита»*, 20 апр.)

■ «Число нелегально работающих в Польше иностранцев осторожно оценивается в 100-300 тыс. человек, однако неофициально Всепольский центр занятости подозревает, что в сезон их может быть почти миллион. Подавляющее большинство — это украинцы, хотя ежегодно они получают не более трех тысяч разрешений на работу». (*«Газета wyborча»*, 28-29 апр.)

■ «По данным Главного статистического управления (ГСУ), за последние 12 месяцев наши зарплаты выросли на 9,1%». (*«Политика»*, 28 апр.)

■ «Совет монетарной политики повысил процентные ставки на 0,25 процентного пункта. Это должно охладить экономику и сдержать инфляцию». (*«Тыгодник повсехний»*, 6 мая)

■ «Согласно опросу ЦИОМа, поляки все больше ценят свое членство в ЕС. Сторонники Евросоюза составляют 86% опрошенных, в то время как в апреле 2004 г. накануне вступления, это решение поддерживали только 69%». (*«Жечпосполита»*, 28-29 апр.)

■ «Ефрейтор Томаш Юра стал 25-м поляком, погибшим в ходе польской миссии в Ираке». (*«Жечпосполита»*, 23 апр.)

■ «Как сообщил министр национальной обороны, польские солдаты задержали двух мужчин, подозреваемых в установке мины-ловушки, от взрыва которой погиб ефрейтор Томаш Юра». (*«Жечпосполита»*, 5-6 мая)

■ «Испанский Сенат выразил протест в связи с законопроектом, лишаящим польских участников гражданской войны в Испании ветеранских льгот (...) Законопроект, лишаящий привилегий бывших бойцов бригады им. Домбровского, внесли в январе депутаты «Права и справедливости» (ПиС) (...) Во время испанской гражданской войны 1936-1939 гг. на стороне республиканского правительства (...) сражалось около 5 тыс. польских добровольцев. В составе интернациональных бригад они создали несколько боевых соединений — в частности, бригаду им. Ярослава Домбровского». (*«Газета wyborча»*, 19 апр.)

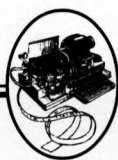
■ «В Перемышле отмечалась очередная годовщина операции «Висла» с участием более десяти тысяч человек из Польши и с Украины. Операция «Висла» была проведена в 1947 году (...) В течение трех месяцев более 160 тыс. человек (главным образом украинцев и лемков) были выселены в западные и северные воеводства. Кроме того, для схваченных членов и сочувствующих Украинской повстанческой армии (УПА) и Организации украинских националистов (ОУН) был создан лагерь. Туда попали 4-6 тыс. человек (...) из которых 160 умерли от тяжелых условий и пыток. Государство конфисковало имущество переселенных, собственность греко-католической Церкви и украинских организаций». (*«Дзенник»*, 30 апр. — 1 мая)

■ «Лех Качинский и Виктор Ющенко подписали в Варшаве совместное заявление, в котором выразили свое мнение относительно операции «Висла» (...) Они пришли к общему выводу, что ответственность за нее несет тогдашний режим и что в последние годы обе страны добились «огромных успехов на пути к примирению»». (*«Жечпосполита»*, 28-29 апр.)

■ Президент Виктор Ющенко: «История оставила нам много вопросов (...) Я благодарен (...) президенту Польши, польским гражданам за возможность почтить те печальные события 40-х годов». (*«Газета wyborча»*, 28-29 апр.)

■ «Уже в 16-й раз из бывшего концлагеря Аушвиц в Биркенау вышел «Марш живых». Пять с половиной тысяч молодых евреев из 18 стран мира и полторы тысячи польских школьников и студентов почтили память жертв Катастрофы (...) Вместе с молодежью в марше приняли участие бывшие узники, а также представители властей Израиля и Польши. Во главе израильской делегации шел министр Рафи Эйтан, легендарный агент «Моссада», который в 1960 г. руководил операцией по поимке в Аргентине нацистского преступника Адольфа Эйхмана». (*«Жечпосполита»*, 17 апр.)

■ «К шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года и к штрафу в размере 600 злотых приговорил вчера краковский суд Йоан-

ну В. за распространение книги Адольфа Гитлера «Майн кампф» (...) В июне 2005 г. нелегально напечатанная книга продавалась в Кракове». («Дзенник», 24 апр.)

■ «Президенты Польши и Грузии Лех Качинский и (...) Михаил Саакашвили открыли в музее Варшавского восстания (...) грузинский памятник. До II Мировой войны в польской армии служило около двухсот грузинских офицеров (...) Удалось установить имена восьми грузин, участвовавших в восстании (...) Четверо из них погибли». («Газета wyborча», 11 мая)

■ «Открытие и освящение Польского военного кладбища в узбекском городе Гузар завершило процесс восстановления кладбищ солдат Польской армии генерала Владислава Андерса — одиннадцати в Узбекистане и двух в Казахстане (...) Организационный центр армии размещался как раз в Гузаре (...) От болезней и истощения умерло почти 3,5 тыс. солдат и в несколько раз больше гражданских лиц, особенно детей. Точного числа не знает никто (...) Умерших хоронили в безымянных братских могилах». («Политика», 21 апр.)

■ Из интервью с проф. Натальей Лебедевой: «В Польше распространено мнение, что в отношении Катыни Россия продолжает что-то скрывать. Между тем, если посмотреть на это с научной точки зрения, то все возможные материалы уже были опубликованы и обработаны. Это сделали совместно польские и российские историки (...) За последние 15 лет российские власти многократно давали понять, как они оценивают катынское преступление (...) Конечно, россияне должны помнить о Катыни, сожалеть о том, что произошло, и просить прощения. Но в то же время меня огорчает, когда другая сторона, вместо того чтобы хранить память об этом преступлении, пытается требовать от России все новых извинений (...) Польские политики иногда переходят границы. Впрочем, российские — тоже. В людях с националистическими отклонениями нет недостатка ни у нас, ни у вас». («Газета wyborча», 23 апр.)

■ ««Ликвидация коммунистических памятников должна осуществляться с дипломатическим тактом, а не в приступе истерии», — сказал архиепископ Вроцлавский Мариан Голембёвский. Так архиепископ прокомментировал слова министра культуры, сообщившего о разработке закона, который позволит очистить города от символов иноземного господства». («Дзенник», 2-3 мая)

■ Александр Гурьянов, руководитель Польской комиссии общества «Мемориал»: «Российскому общественному мнению тяжело согласиться с мыслью, что «солдат-освободителей», которые, как считают в России, проливали кровь на полях сражений с фашизмом, считают оккупантами». («Жечпосполита», 8 мая)

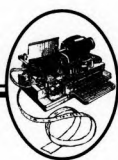
■ Согласно опросу ГфК «Полония», 60% поляков выступают против устранения памятников Красной Армии. 2% опрошенных хотят провести отбор и оставить только избранные. 30% хотят ликвидировать все. («Жечпосполита», 11 мая)

■ Каждый год 2 ноября [в День поминовения усопших] о. Юзеф Санак молится на кладбище солдат Красной Армии в Бельско-Бяле: «Почему я это делаю? Из уважения к тем братьям, отцам и сыновьям, которые не вернулись домой с войны. На эти богослужения всегда приходит молодежь. Кладбище, на котором покоятся останки 11 тысяч солдат, — это место, показывающее, как ужасна война (...) Мы всегда приглашаем на кладбище российского генерального консула из Кракова (...) Как-то раз он даже привез мне бутылку русской пшеничной водки. «Это в знак благодарности за то, что вы на кладбище обращаетесь к молодежи», — объяснил он. Консул сменился, и в прошлом году никто от них на кладбище уже не пришел». («Газета wyborча», 11 мая)

■ «Если кому-нибудь в Польше мешает памятник советским солдатам, то Михал Сабадах охотно возьмет его в свой музей (...) 64-летний поляк, переживший ссылку в Сибирь, основал его в Уневицах близ Злотыи (...) в 1997 году (...) «Я ненавижу коммунизм, но русских люблю. Хочу спасти от забвения кусочек нашей общей истории. Ликвидация памятников не изгладит ее из памяти», — объясняет Сабадах. Множество сувениров оставили ему сами советские солдаты, когда покидали легницкие казармы (...) Вместе с товарищами из Союза солдат Народного Войска Польского он разыскивает следы Красной Армии. Два года назад они наткнулись на остов танка, человеческие останки и орден в форме звезды. С помощью российского посольства удалось установить личность солдата. Вчера российское телевидение НТВ разыскало его семью в Грузии. Через несколько дней Михал Сабадах выезжает на встречу с ней». («Жечпосполита», 11 мая)

■ «Вчера супруги президентов Леха Качинского и Владимира Путина (...) открыли в Санкт-Петербурге Польский дом (...) «Я вдвойне тронута, поскольку в Петербурге родилась моя мама», — сказала Мария Качинская. «Ведь культура нас объединяет», — добавила Людмила Путина. По окончании церемонии состоялся совместный обед». («Дзенник», 14 мая)

■ «Тридцать российских и четверо польских сотрудников правоохранительных органов участвуют в совместных курсах повышения квалификации, организованных экспертами Европола в Легионове близ Варшавы (...) Среди участников — сотрудники Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, МВД РФ, а также полицейские из [польских] Центрального следственного бюро, Центрального криминалистиче-

ского бюро и Главной комендатуры полиции (...) По окончании курсов их ждет экзамен, который будет принимать комиссия экспертов Европола». («Дзенник», 18 апр.)

■ «К срокам лишения свободы от десяти месяцев до одного года и трех месяцев приговорил вчера варшавский суд трех молодых мужчин, которые в 2005 г. избили четверых детей российских дипломатов и отобрали у них телефоны (...) Инцидент вызвал кризис в отношениях Польши с Россией. В результате были избиты наши дипломаты и корреспондент «Жечпосполита» в Москве». («Жечпосполита», 24 апр.)

■ «Четверо бывших офицеров Военной информации [армейской госбезопасности], обвиненных в издевательствах над офицерами Войска Польского (...) приговорены к лишению свободы от 14 месяцев до двух лет (...) Это Мариан Попёлек, Казимеж Турчинский, Збигнев Краузе и Чеслав Свистек (...) Суд пришел к заключению, что с 1949 по 1952 г. они жестоко обращались с арестованными генералами Станиславом Татаром, Стефаном Моссором, Юзефом Куропеской и полковником Марианом Утником, желая добиться от них признания в том, что они были членами несуществующей армейской шпионско-диверсионной организации и занимались агентурной деятельностью в пользу западных государств (следствие курировал полковник Антоний Скульбашевский, советский офицер и начальник главного управления Военной информации)». («Газета wyborча», 20 апр.)

■ «На открывшейся в Торуні выставке фотографий, представляющих сотрудников торунской госбезопасности, за порядком следит охранная фирма, принадлежащая бывшему сотруднику этой службы. А на одной из выставленных фотографий изображен он сам (...) В 80-е годы он был членом специальной группы СБ, которая похищала торунских деятелей «Солидарности», пытала их и угрожала им смертью» («Дзенник», 5-6 мая)

■ «Институт национальной памяти (ИНП) подал в Варшавский районный суд обвинительное заключение против лиц, ответственных за введение в Польшу военного положения в декабре 1981 г., в частности против генерала Войцеха Ярузельского (...) Один из пунктов обвинения — руководство вооруженной преступной группировкой». («Тыгодник повсехный», 29 апр.)

■ «В интервью итальянской газете «Коррьере делла sera» (...) Лех Валенса (...) сказал, что было бы ошибкой судить генерала Войцеха Ярузельского за введение военного положения. «Я против какой бы то ни было вендетты и чрезвычайного правосудия», — сказал Валенса». («Жечпосполита», 20 апр.)

■ Из письма бывшего президента СССР Михаила Горбачева польскому Сейму: «Ярузельский внес немалый конструктивный вклад в продвижение к поли-

тическому примирению и национальному согласию, к первому в Восточной Европе бескровному переходу к демократии в Польше». («Газета wyborча», 20 апр.)

■ «Согласно закону о люстрации, депутаты, сенаторы и евродепутаты должны представить сведения о том, были они или не были сотрудниками госбезопасности ПНР. Срок подачи заявлений истек неделю назад. Заявления подали все, кроме проф. Бронислава Геремека, представляющего в Европарламенте Демократическую партию. По закону депутат, не подавший заявления, должен лишиться мандата. «Никто не имеет права лишить меня мандата, — говорит Герemek, напоминая, что подавал заявление три года назад, когда баллотировался в Европарламент. — Я считаю, что требование еще раз подавать люстрационное заявление под угрозой лишения мандата противоречит принципам правового государства и пренебрегает волеизъявлением 122 тысяч избирателей»». («Жечпосполита», 26 апр.)

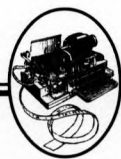
■ «Подобно Брониславу Геремеку бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий отказался подать люстрационное заявление». («Дзенник», 26 апр.)

■ «Когда Бронислав Герemek и Тадеуш Мазовецкий, отказавшиеся подать люстрационные заявления, лишились мест в капитуле ордена Белого Орла, Владислав Бартошевский тоже решил сложить с себя эти почетные полномочия. В четверг вечером об этом сообщила Канцелярия президента». («Дзенник», 12-13 мая)

■ «Фельетонистка «Тыгодника повсехного» Эва Шуманская второй раз в жизни (первый был во время военного положения [когда она отказалась подписать заявление о лояльности]) была вынуждена расстаться с Польским радио (...) Шуманская отказалась писать люстрационное заявление, а, согласно директивам руководства радио, каждый, кто этого не сделает, лишается работы». («Тыгодник повсехный», 29 апр.)

■ «Согласно документу, подписанному вице-премьером Людвиком Дорном, научные работники духовных семинарий и институтов, находящихся в ведении Святого Престола, не должны подавать люстрационные заявления (...) Глава церковной комиссии епископ Тадеуш Перонек добавил, что Церковь ожидает также освобождения от обязанности писать заявления журналистов церковных СМИ». («Тыгодник повсехный», 6 мая)

■ «Вчера Европейский суд по правам человека в Страсбурге пришел к заключению, что на люстрационных процессах Польша не обеспечивает подозреваемым права на защиту. Люстрационная процедура должна гарантировать равные возможности люстрируемому и органу, обвиняющему его в сотрудничестве, — иначе нарушается право на справедливый суд. Так произошло в случае Томаша Матыека». («Газета wyborча», 25 апр.)

■ «Уполномоченный по правам человека обжаловал закон о люстрации в Конституционном суде, подвергнув сомнению, в частности, необоснованное расширение понятия «лица, выполняющего публичные функции» на предпринимателей, журналистов, ученых и работников общественных организаций». («*Тыгодник повсехный*», 29 апр.)

■ Конституционный суд признал не соответствующими Конституции несколько десятков положений закона о люстрации. Обосновывая постановление суда, его председатель Ежи Степень, в частности, сказал: «Люстрация должна служить исключительно делу защиты демократии. Она должна не утолять жажду мести, но обеспечивать справедливость и учитывать права человека (...) Борясь с пережитками тоталитарной системы, государство должно руководствоваться принципами демократического правового государства — иначе оно будет не лучше тоталитарного». Суд, в частности, существенно ограничил число лиц, подлежащих люстрации. Из этого списка вычеркнуты: научные работники, ректоры и проректоры частных вузов, директора негосударственных школ, президенты частных акционерных обществ, журналисты, издатели частных СМИ, судебные исполнители, эксперты-аудиторы, налоговые консультанты, члены правлений спортивных обществ. Суд признал неконституционным отстранение от должности лиц, избранных на выборах, за неподачу люстрационного заявления. Кроме того, он вычеркнул из списка институтов, рассматриваемых как органы госбезопасности, цензуру и управление по делам вероисповеданий. («*Газета выборча*», 12-13 мая)

■ Согласно опросу ЦИОМа, 79% поляков рады тому, что есть Конституционный суд; 2% — нет. 88% считают, что суд заботится о соблюдении конституции; 4% придерживаются противоположного мнения. Кроме того, 80% опрошенных считают суд беспристрастным, а 81% — профессиональным. («*Газета выборча*», 12-13 мая)

■ Тадеуш Мазовецкий: «Что касается архивов госбезопасности, то напомним слова Ежи Гедройца, который говорил, что их надо закрыть на 30 лет». («*Тыгодник повсехный*», 29 апр.)

■ Лешек Бальцерович: «Тринадцать, пятнадцать, пять лет назад Польша не была так разделена, как сейчас (...) Великая заслуга Тадеуша Мазовецкого и его правительства состоит в том, что не было попыток достичь политической выгоды, сея ненависть». («*Тыгодник повсехный*», 29 апр.)

■ «Тадеушу Мазовецкому, первому некоммунистическому премьер-министру Польши, исполнилось 80 лет». («*Тыгодник повсехный*», 29 апр.)

■ «В нем [Мазовецком] смешивались осторожность и смелость, упорство и готовность к компромиссу (...) Даже ошибаясь, он оставался бескорыстным

(...) Он уже вошел в историю как один из отцов-основателей независимого государства». (Петр Заремба, «*Дзенник*», 18 апр.)

■ Адам Михник: «Тадеуш Мазовецкий всегда был убежден, что существует несколько очевидных истин. «Оппортунизм всегда будет отличаться от неконформизма, — писал он, — свобода от принуждения, неравенство и привилегии от эгалитаризма, племенной этноцентризм от открытости к человеческому обществу, поддержка творческого развития человека от усыпления в нем ответственности». Выбор позиции был для него важнее мировоззренческих деклараций». («*Газета выборча*», 18 апр.)

■ «Месяц назад правительство Ярослава Качинского было наименее популярно с момента создания: его поддерживал каждый четвертый поляк, а каждый второй относился к нему отрицательно. Однако, согласно опросам ЦИОМа, уже в апреле оценки правительства немного улучшились — теперь его поддерживают 27% опрошенных. На 4% уменьшилось и число его противников». («*Дзенник*», 13 апр.)

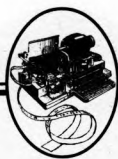
■ «Бывший депутат от Союза демократических левых сил и министр строительства Барбара Блида покончила жизнь самоубийством при задержании ее сотрудниками Агентства внутренней безопасности (АВБ). Оппозиция (...) потребовала создания следственной комиссии (...) и отставки координатора спецслужб. Директор АВБ отправлен в отпуск, а против шести сотрудников возбуждено дисциплинарное производство». («*Тыгодник повсехный*», 6 мая)

■ «Президиум Верховного совета адвокатов решительно протестует против беспрецедентного и регулярного в последнее время превышения власти службами, призванными обеспечивать безопасность граждан». («*Газета выборча*», 26 апр.)

■ В Польше появилась новая политическая инициатива — «Движение за демократию». Идею декларации движения подписали почти сто человек, самые известные из которых — Александр Квасневский, Вислава Шимборская, Богдан Лис, Владислав Фрасынюк, Влодзимеж Цимошевич и Станислав Цёсек. Их объединяет протест против правления «Права и справедливости». («*Жечпосполита*» и «*Газета выборча*», 2-3 мая)

■ «Сейм принял изменения к закону об образовании. В сентябре каждый ученик государственной неполной средней школы и гимназии пойдет в школу в форме (...) Учителя получат статус государственных служащих (за нападение на них будет грозить до 10 лет тюрьмы)». («*Тыгодник повсехный*», 22 апр.)

■ «Сейм отклонил все варианты поправок к конституции, направленных на защиту жизни с момента зачатия (...) Один из сторонников поправок, маршал Сейма Марек Юрек, заявил, что он отказывается от своего поста и уходит из Пис». («*Тыгодник повсехный*», 22 апр.)

■ «Новым маршалом Сейма избран Людвик Дорн — ранее вице-премьер». (*«Тыгодник повсехный»*, 6 мая)

■ «После выхода из ПиС депутат Марек Юрек основал новую партию «Правые Речи Посполитой». (*«Тыгодник повсехный»*, 29 апр.)

■ «Согласно мартовскому опросу ЦИОМа, 80% поляков считают, что Сейм работает главным образом ради славы партий и политиков, а не на благо Польши». (*«Дзенник»*, 20 апр.)

■ Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 27-28 апреля, на выборах в Сейм «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 29% голосов (что дало бы ей 185 мест в Сейме), ПиС — 27% (176 мест), «Самооборона» — 8% (50 мест), «Левые и демократы» — 7% (47 мест). Остальные партии не преодолели бы 5-процентный избирательный барьер и не вошли бы в Сейм. (*«Жечпосполита»*, 4 мая)

■ Иерархия престижности профессий в Польше согласно европейскому опросу, проведенному Институтом философии и социологии ПАН по сто-балльной шкале: профессор университета — 83,7; врач — 80,6; учитель — 77,6; шахтер — 77,0; медсестра — 75,4; директор завода — 73,6; заводской инженер и информатик — по 73,2; кадровый офицер в чине капитана — 72,4; владелец крупного предприятия — 72,0; полицейский — 70,2; священник — 69,5; водитель городского автобуса — 68,6; фермер, владелец средних размеров хозяйства — 67,5; квалифицированный рабочий — 66,0; владелец маленького магазина — 65,1; продавец — 63,9; референт в офисе — 62,8; уборщица — 61,6; министр — 60,3; неквалифицированный рабочий — 60,1; депутат Сейма — 52,9. (*«Политика»*, 14 апр.)

■ Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог: «Отсутствие предметной критики в публичном дискурсе — самый бросающийся в глаза элемент нашего политического пейзажа. Вместо аргументов используются полные резких эпитетов обвинения (...) Если даже мысль и родится, ее заглушают криком и ругательствами по адресу того, кто осмелился высказать критическое замечание. Из-за этого морализаторского языка каждая попытка решить даже конкретную проблему превращается в перебранку. Польские СМИ полны политических дрызг, которые ведут друг с другом сторонники и противники братьев Качинских». (*«Дзенник»*, 12 апр.)

■ «В 2006 г. в опросе ЦИОМа большинство поляков впервые заявило, что устало от демократии, т.е. от постоянных склок, и что эта система его не устраивает». (*«Политика»*, 21 апр.)

■ «Смешные сто миллионов славян» — так называется новая книга Ежи В. Борейши, изданная Институтом истории ПАН. Лех М. Нияковский пишет о ней: «Книга эта также предостерегает, напоминая, что нельзя игнорировать харизматические личности, даже если они провозглашают параноидальную и интеллектуально несвязную картину мира. Слишком многие разочарованные граждане могут признать ее своей и объявить хорошей программой на трудные времена». (*«Нове ксёнжски»*, май)

■ Славомир Мрожек: «Польша теперь — достаточно демократическая страна, чтобы у меня не было поводов для опасений». (*«Дзенник»*, 17 апр.)

■ «Незначительное с виду решение, принятое Белостокским воеводским административным судом по делу о строительстве объездной дороги вокруг Августова через долину Роспуды, может иметь большое значение. Суд отменил согласование, в котором министр охраны окружающей среды предоставил дорожникам свободу выбора трассы будущей дороги». (*«Тыгодник повсехный»*, 6 мая)

■ Из интервью с Тимоти Гартоном Эшем, британским историком и политологом, исследователем современной истории Центральной Европы: «В первый раз я приехал в Польшу в 1979 г., вскоре после паломничества Иоанна Павла II. Атмосфера была невероятная. В порабощенной Польше я обнаружил свободных людей. Они жили на каком-то высшем этапе духовности, благодаря которой они действительно не боялись. Они думали вперед (...) Сегодня я смотрю на Польшу и вижу нормальное потребительское общество. Я рад этому». (*«Ньюсуик-Польша»*, 13 мая)

■ «Марта Качинская, дочь президента Польши, вышла замуж за Мартина Дубенецкого, поморского деятеля Союза демократических левых сил (...) Это второй брак Марты Качинской. С первым мужем она развелась в конце прошлого года». (*«Газета wyborcza»*, 23 апр.)

■ «Бригада, утеплявшая дом, без разрешения срубила райскую яблоню (...) Президент Варшавы наложил на жилищный кооператив штраф в размере 33 тыс. злотых, а кассационная коллегия поддержала это решение. Высший административный суд подтвердил, что решение было правильным. От яблони пурпурной декоративной, именуемой в народе райской (...) остался только пенек». (*«Жечпосполита»*, 11 апр.)

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ

*Беседа с Мечиславом Вильчеком, министром промышленности
в последнем коммунистическом правительстве,
подготовившим первый либеральный закон об экономической деятельности*

— В последнее время о вас говорят довольно много.

— Не так уж много — было время, когда говорили гораздо больше.

— Вы ощущаете удовлетворение от того, что Роман Ключка, под руководством которого правительство собирается отрегулировать экономику, ставит в пример ваши реформы?

— Меня радует, что вообще кто-то берется за это дело. И я вижу много сходства, ибо как сегодня, так и тогда было сильное сопротивление переменам.

— Но ведь нынешнее правительство ясно заявляет: мы вернем экономическую свободу.

— Заявления — это одно, а действия и царящая атмосфера — совсем другое. Мы по-прежнему наблюдаем борьбу между гражданином и государством. Власти относятся к предпринимателю так же плохо, как и при коммунистах. Правительство хочет подчинить своему влиянию как можно больше сфер жизни, всё контролировать. Бизнесмен стал синонимом жулика, и чем большего он добивается успеха, тем более опасным бандитом считается.

— Вы автор записанного в законе принципа, согласно которому всё, что не запрещено, разрешено. Вы считаете, что есть смысл его вернуть?

— Моего закона просто так не вернуть, ибо сейчас у нас положение сложнее. Но эту золотую максиму стоит повторить: она выражает то, чего сегодня больше всего не хватает, — разрешение восторжествовать духу предпринимательства, частной инициативе.

— Частной инициативе тоже случается грешить — обманывать, эксплуатировать. Как найти равновесие между необходимым вмешательством государства и свободой?

— Государство должно доверять гражданам. Если мы поймали кого-то, кто украл велосипед, мы же не считаем, что все крадут велосипеды. А в отношении предпринимателей такой механизм переноса ответственности на всё сообщество весьма распространен.

— Предыдущее правительство уже предпринимало попытки отрегулировать экономику. Они не удалась: чиновничье лобби оказалось слишком сильным.

— Когда меня назначили министром промышленности, в этом ведомстве работали 700 человек. Зачем столько? Я велел уволить половину. Потом обо мне с сарказмом писали, что я избавился от тех, кто умнее меня... Но знаменательно, что с того времени армия чиновников постоянно растет. Хуже всего, что ни один из чиновников не чувствует себя обязанным помогать предпринимателям, зато ощущает себя хозяином положения. Они утверждают, что заботятся о деле, но чаще всего это лишь забота о собственном кармане. Поэтому они противостоят переменам, которые нарушают статус-кво.

— Сознательно ли уничтожали бизнес все сменявшие друг друга правительства?

— Не думаю — просто они забывали, что малому предпринимательству надо помогать. Малый бизнес определяет силу экономики, его надо холить и лелеять, защищать от крупного бизнеса (например, мелкую торговлю от сетей гипермаркетов). Но ни одно правительство не желало ему помочь — ни законодательно, ни финансово.

— Что бы вы рекомендовали той команде, которая сейчас работает над вопросом экономической свободы?

— Прежде всего придерживаться главного правила: раз у нас рыночная экономика, то будем руководствоваться в этой сфере принципами либерализма. Следует также осознать, что социальной справедливости не было, нет и не будет, да и надобности в ней нет. Желудки у нас у всех одинаковые, но один человек старается что-то делать, а другой — лежит и ждет, пока кто-то на него работает. Давайте заботиться о тех, кто старается.

— А если конкретнее?

— Во-первых, ограничить проверки. Я знаю такие фирмы, где выделено постоянное помещение для инспекторов всех мастей, которые там про-

сжижают целый год. Если в акционерном обществе проводится проверка, она должна иметь конкретную цель, а не заниматься поисками, пока что-нибудь не найдется.

Во-вторых, упростить предписания, например налоговые. Недопустимо, чтобы законы можно было толковать произвольно. Чиновники либо толкуют их не в пользу предпринимателя, либо ждут финансовой «благодарности».

В-третьих, ограничить участие государства в экономике.

По-моему, было бы достаточно подготовить несколько законов, регулирующих основные вопросы. Цель их — защита интересов предпринимательства, а не чиновников.

— Вы говорили также об особом отношении к малым предприятиям.

— Да, это ключевой вопрос. Не имеет большого значения, открываем мы фирму за 15 минут, за день или за целый месяц. Важно то, что происходит потом. Думаю, следовало бы создать, например, систему кредитования для начинающих предпринимателей. Откуда взять деньги? Не давать дотаций государственным гигантам, которые всё проедают. Западные страны, хотя и развитые, постоянно используют программы поддержки малых и средних предприятий, так как там создается больше всего рабочих мест. Следует также нацелить государственные учреждения на поддержку малого предпринимательства. Если проверка выявила нарушения, то чиновник обязан помочь решить проблему или дать время с ней справиться, а не потирать руки и сразу же налагать draconianские штрафы. К малым предприятиям и требования следует предъявлять малые, по крайней мере на старте.

— Если говорить о требованиях, то многие из них продиктованы предписаниями Евросоюза.

— Это верно, Евросоюз отличается перепроизводством бюрократии, но заметим, что эти предписания имеют смысл. Они направлены не

против предпринимателя, а в защиту интересов потребителя. Предписания относительно санитарных норм и качества необходимы. Это вопрос

более высоких стандартов. Но, повторю еще раз, государство должно помочь выполнять эти требования, а не заниматься уничтожением фирм.

— Вернемся к прошлому. Как вам удалось сломить сопротивление властей [ПНР]?

— Власти находились под сильнейшим давлением: карточки, пустые полки, недовольство в обществе. Со страху они решились исправлять социализм путем введения рыночных механизмов. Тогда законы допускали, чтобы частный сектор в экономике составлял до 10%, мы же хотели достичь 50-и. Подготовленный мною закон был весьма либеральным, он ликвидировал множество абсурдных ограничений. И пробудил дух пред-

принимательства. У нас получилось.

— Все были довольны?

— Не все. У меня был знакомый столяр. Заглянул я раз к нему и вижу, что он какой-то грустный сидит. Спрашиваю, что случилось. Он рассказывает, что все его подмастерья ушли и пооткрывали собственные фирмы. Так рождалась конкуренция.

— Осуществим ли план Ключки?

— Я верю в добрые намерения Ключки, он разбирается в том, что делает. Хотелось бы верить, что у него получится, но иногда я опасаюсь, как бы его не обвели вокруг пальца. Почему? Потому что нынешнее правительство не чувствует себя припертым к стене, экономика прекрасно работает, а следовательно, никто не ощущает на загривке дыхания кризиса. Но несмотря ни на что я всё-таки оптимист — экономике нужны еще два миллиона малых фирм.

Беседу вела Анна Чесляк-Врублевская

Збигнев Хоцкуба

КАК СОХРАНИТЬ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

Экономика Польши набирает обороты. С начала 2005 г. ВВП ежеквартально растет ускоренными темпами. Два года тому назад они составляли 2,2%, а в последнем квартале прошлого года — 6,3%. Как пишет профессор экономики Варшавского университета, у большинства авторитетных исследовательских институтов прогнозы на текущий год совпадают.

В текущем году рост будет по меньшей мере таким же, как в 2006-м, а может быть, и выше. Недавно высокопоставленные сотрудники министерства финансов упоминали о возможности достижения семипроцентного роста и длительного сохранения этого уровня. Где же тогда «лимит скорости» роста польской экономики, как долго она будет ускорять свое развитие? А может быть, торможение нынешнего цикла развития бизнеса произойдет уже в 2008 году? Ведь конъюнктура переживает свои взлеты и падения, и противостоять воздействию этой всеобщей закономерности нелегко.

Откуда берется наш рост?

Самое простое объяснение нынешнего экономического оживления, которое охватило всю Центральную и Восточную Европу, — это как раз гипотеза, касающаяся конъюнктурного цикла. Экономическая активность подвержена колебаниям, и мы временно оказались на гребне волны. Несет она и наших соседей: в Словакии в прошлом году отмечены внушительные темпы прироста ВВП — 8,3%, несколько хуже выглядит Чехия, у которой рост минимально превосходит уровень Польши — 5,9%. Лидерами оказались малые прибалтийские страны — Латвия и Эстония, их темпы роста составляют около 11%. Только Венгрия, переживающая в последние годы экономические трудности, выглядит на этом фоне слабее — темпы роста ее экономики составили 4%. По сравнению со старыми членами Евросоюза это очень хорошие результаты. В комментариях появляются мнения о том, что Центральная Европа придает ускорение всей экономике ЕС.

Можно представить себе и другое объяснение. Назовем его гипотезой «критической массы реформ». Экономика большинства стран нашего региона, в том числе и Польши, на протяжении полутора десятков последних лет была коренным образом реформирована. В значительной степени заменена сама конструкция экономических институций: свободный рынок и его механизмы обеспечивают перераспределение резервов, индивидуальное предпринимательство и частная собственность формируют новую структуру стимулов экономической деятельности, под их воздействием экономика стран нашего региона становится эффективнее и динамичнее. Вступление в Евросоюз прибавило нашим странам политической и социальной стабильности, а требования интеграции заставили привести более половины предписаний, действующих в отечественных фирмах, в соответствие с европейскими. Отношение государственных и политических структур к бизнесу стало доброжелательней. Широким потоком поступают прямые иностранные инвестиции. В Польше их объем составил в истекшем году рекордную сумму — около 15 млрд. долларов. Однако огромные институциональные преобразования, несомненно произошедшие в Центральной и Восточной Европе, не принесли ожидаемого результата в виде повышения уровня благосостояния и потребления. Население в странах нашего региона дорого заплатило за переустройство жизни общества, но еще не получило ожидаемых благ. Может быть, как раз теперь настает этот момент. Может быть, именно сейчас преодолевается критическая масса перемен, а реформированные экономические структуры начинают работать гармонично и динамично, генерируя рост в соответствии с человеческими потребностями и чаяниями? Кое-кто из авторитетных экономистов предсказывал, что по завершении экономического переустройства в этой части мира вырвется наружу динамическое развитие.

Мы не знаем точных причин нынешнего оживления. Если первая гипотеза соответствует истине, то нынешняя фаза высокого роста может угаснуть довольно быстро — в 2008 или 2009 году. Как недавно напомнил Алан Гринспан, оценивая шансы развития американской и мировой экономики, нормальный цикл конъюнктуры относительно короток. Однако если справедливо второе объяснение, то мы сможем наблюдать высокие темпы роста ВВП на протяжении гораздо более длительного периода.

В погоне за благосостоянием

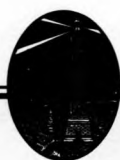
Дадим волю фантазии. Допустим, что (как любят выражаться экономисты) экономический рост Польши будет высоким и длительным — 5% в год. Допустим также, что темпы роста экономики высокоразвитых европейских стран — членов «старого» ЕС — будут неуклонно составлять 2% в год. При нынешнем ВВП на душу населения (по данным Евростата за 2005 г. он составил в Польше 11,7 тыс. евро, а в старых членах ЕС — 25,4 тысячи) потребуется около 30 лет, чтобы преодолеть разделяющее нас экономическое расстояние, измеряемое объемом внутреннего продукта на душу населения. Гипотетическое время погони за благосостоянием сокращается почти наполовину, если допустить, что темпы роста ВВП в Польше составляют 7% в год. Насколько реалистичны оба этих варианта погони, продолжающейся в зависимости от обстоятельств 30 или 15 лет, сказать трудно. Пути и схемы экономического развития стран не до конца детерминированы. Рост — это функция большого количества факторов и воздействий, а в истории мировой экономики известны цивилизационные скачки, которых нельзя было заранее предвидеть, хотя задним числом они казались понятными. Повсеместно приводимый пример Ирландии, страны, сравнительно отсталой еще 25 лет назад, а ныне демонстрирующей самый высокий в Европе уровень ВВП на душу населения, показывает, что распределение богатства в мире не задано раз и навсегда, что сочетание благоприятствующих факторов и обстоятельств может вырвать страну из экономической стагнации и вывести ее на путь развития и благосостояния.

Может быть, Польша вступила как раз в ту фазу роста, которая ведет ее к зажиточности и богатству. Если гипотеза о критической массе реформ соответствует истине, то это означает скачок экономики на более высокий уровень возможностей производства.

Формирование институций

Хотя на реформирование польской экономики затрачены огромные усилия, а результаты, достигнутые во многих сферах, можно считать удовлетворительными, всё же остается сделать очень многое. В частности, в сфере экономических институций, или, как говорят экономисты, правил игры. Институции — это определенные правила, соблюдаемые в поведении, образе мыслей и действий и в силу обычая или закона становящиеся обязательными в данном сообществе — в бизнесе, промышленности, экономике. Их экономические функции схожи с правилами игры, поэтому они устанавливают допустимые рамки поведения, определяют санкции за их нарушение, но главное — создают стимулы экономической деятельности, что имеет принципиальное значение при выборе образцов для развивающейся экономики. Не углубляясь в детали, достаточно отметить, что эффективные институции обеспечивают мощные стимулы экономии и инвестирования, развития предпринимчивости и инновационности, то есть высокой экономической активности, которая в результате приводит к быстрому экономическому росту и повышению благосостояния. В то же время ничтожный прогресс, застой или просто экономический упадок во многих случаях можно объяснить порочной институциональной структурой экономики.

Понимание значения этих институций для экономического роста получает всё большее распространение. С момента присуждения Нобелевской премии по экономике Дугласу Нурту прошло уже почти 15 лет, на протяжении которых его экономическая теория по праву заняла свое место в пантеоне царицы общественных наук. Всемирный банк после временного увлечения так называемым вашингтонским консенсусом стал поборником тезиса, согласно которому стабильный экономический рост невозможен без эффективных институций. В его публикациях все чаще отмечается, что экономический успех — производная от таких показателей, как качество государства, его защищенность от коррупции, высокие стандарты управления предприятиями, эффективное регулирование рынков, а также стабильность в обществе, связанная с социальным обеспечением и снижением уровня безработицы и нищеты. В своих исследованиях экономисты подчеркивают, каким большим значением для эффективности и конкурентоспособности экономики обладают качество судопроизводства по экономическим делам и преодоление административных барьеров как при учреждении, так и в ходе деятельности предприятий.

Для оценки влияния институций на функционирование и рост экономики нужны критерии их качества. Разработаны многочисленные показатели, среди которых наиболее известны индекс свободы ведения экономической деятельности, разработанный Всемирным банком, и индексы экономической свободы американского фонда «Heritage» [«Наследие»] и канадского Института Фрейзера. Существуют и другие показатели, с помощью которых оценивается качество управления государством и отдельным предприятием, определяется степень коррумпированности, уровень соблюдения этических принципов в бизнесе и т.д. Из опубликованных в последнее время вышеназванными организациями рейтингов следует, что качество экономических институций в Польше по сравнению со многими другими странами довольно низко. В рейтинге Всемирного банка Польша заняла 75-е место в списке из 175 стран, при этом последнее место среди новых членов Евросоюза. В самом начале этого рейтинга фигурируют Сингапур, Новая Зеландия и США. В том, что Польша оказалась на столь низком уровне, сыграли свою роль такие факторы и обстоятельства, как серьезные барьеры (количество процедур, время, финансовые затраты) при открытии новых предприятий, трудности со взиманием задолженностей с хозяйствующих субъектов, обусловленные, в частности, затягивающимися судами при разрешении споров, чрезмерная регламентация деятельности, а также сложная система налогообложения. Такая картина с действующими в Польше институциями в сфере бизнеса вырисовывается на основе показателей, которые приводит «Heritage».

Необходимость реформ и модернизации экономических институций в Польше совершенно очевидна. В этом отдают себе отчет сами предприниматели, знают об этом и представители государственной администрации. Недавно был представлен «пакет Ключки» (см. статью в этом номере — *Ред.*), цель которого — расширить свободу экономической деятельности в Польше. Во второй польской программе реформ (на 2005-2008 гг.), имеющей целью реализацию лиссабонской стратегии, в качестве приоритетных предусмотрены меры, направленные на то, чтобы повысить качество принимаемых законов, усовершенствовать судопроизводство по экономическим делам, облегчить вложение капиталов в строительство, упростить административные процедуры и снизить затраты на ведение экономической деятельности. Обещанные министром финансов реформы в сфере государственных финансов, в том числе снижение самых высоких налоговых ставок, — меры весьма желательные. В верном направлении идет и обещанная в правительственной программе реформа регулирования, цель которой — принципиально упростить и упорядочить законодательство, а также внедрить современную методологию при оценке результатов регулирования, основанную на процедурах, принятых в ЕС. Однако реальные успехи вышеназванных начинаний пока невелики. В результате завершение институциональной реформы становится огромным, но до сих пор не использованным шансом на дальнейшее повышение динамики польской экономики и увеличение ее потенциального продукта. Оно дало бы нам и возможность закрепить нынешние тенденции к сохранению высоких темпов экономического роста на протяжении по меньшей мере нескольких лет.

Свободный рынок и предпринимчивость

Фундаментом рыночной экономики служат две ценности: свобода и предпринимчивость. Свобода — ограниченная нормами морали и права, а предпринимчивость — получающая свою динамику, в частности, от стимулов, лежащих внутри институциональной структуры экономики. Эти две ценности и в то же время две силы пока еще в польской экономике надлежащим образом не сформированы и не использованы, поэтому необходимо завершить построение институций. Однако это окажется трудным или вообще невозможным, если те, кто определяет экономическую политику, не признают истину, согласно которой система, основанная на простых и прозрачных правилах, на ясных и быстро исполняемых законах, гораздо эффективнее, чем система запутанных и усложненных правил, даже если эта последняя дает более широкие возможности властям, действующим по своему усмотрению. Экономическую динамику порождают свобода и предпринимчивость — под властью справедливых законов и ограниченного, но сильного государства.

 RZECZPOSPOLITA

Збигнев Хоцкуба возглавляет программу макроэкономического мониторинга в Институте экономических наук ПАН, в рамках которой публикуются макроэкономические прогнозы для Польши. В 1999-2005 гг. возглавлял Институт экономических наук ПАН.

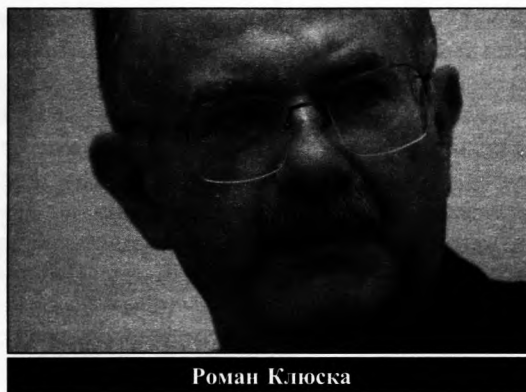

Марек Пелях

ЧЕЛОВЕК, ТАНЦУЮЩИЙ С ОВЦАМИ

Если бы Романа Клюски не было, его следовало бы придумать. Только человек, который воспротивился коррупции, поплатился за это тюрьмой, читал «Дневник» сестры Фаустины и разводил овец, мог представить экономическую программу «Права и справедливости».

19 марта стало для Романа Клюски днем славы. Имеющий слабое представление об экономике Ярослав Качинский говорил с ним в прямом эфире из здания варшавской Фондовой биржи. Клюска не смог приехать из-за болезни, но появился на экране. Сидя на фоне камина, он говорил о том, что нужно сделать, чтобы облегчить жизнь польским предпринимателям. Набор этих благих пожеланий был назван «пакетом Клюски». Конечно же, бизнесмен наверняка хочет, чтобы его слова стали реальностью, но это уже зависит от политики. А политика разочаровывала его всю жизнь.

Роман Клюска

■ Гуральский ум

Клюска родился 53 года назад в Бжеско близ Нового-Сонча в не слишком состоятельной семье. Его отец был директором государственного магазина, мать — продавщицей. Родителей он всегда называл не иначе как «папочка» и «мамочка». Он рос спокойным и тихим ребенком, но с раннего детства у него проявилась деловая жилка. Свои первые деньги он заработал, продавая по 5 злотых фотографии со школьных экскурсий и праздников. Бизнесмен до сих пор помнит гдээрровский фотоаппарат, который он купил благодаря этому за 8,2 тыс. злотых. Он даже помнит, что аппарат назывался «Pentacon 6 TL». С самого начала Клюска был человеком честолюбивым. Например, он решил, что будет говорить по-английски, и ради этого выучил весь словарь. Совсем по-другому изучал он экономику: открывал оглавление учебника и, глядя на названия глав, размышлял об их содержании. Потом он проверял, что там написано на самом деле, и радовался, что его гуральский ум приходит к тем же выводам, что и серьезная наука. Он окончил с отличием кибернетику и информатику в краковской Экономической академии. Все экзамены он старался сдавать как можно быстрее, чтобы вернуться к своему хобби — парусному спорту. Благодаря ему он познакомился и со своей будущей женой Анной, которая была членом того же яхт-клуба.

Окончив академию, Клюска сразу занялся компьютерами. Он старался внедрять их на своем первом месте работы — Новосондецком авторемонтном заводе. Однако это было не так-то просто. Из-за того, что он не был членом ПОРП, ему пришлось долго ждать назначения на должность директора по экономике. Когда же его в конце концов назначили, он решил сделать из социалистического завода «вторую Японию». Под впечатлением от управления в стране цветущей вишни он, руководствуясь девизом «малое прекрасно», разделил большой завод на 23 маленьких, а зарплату поставил в зависимость от результатов. Его выжили профсоюзники, у которых результатов не было, так как они вечно сидели на собраниях.

■ Ключка и малина

Увольнение с работы оказалось для него лучшим выходом. Ходят слухи, что, уже будучи неприлично богатым владельцем «Оптимуса», он пришел к своим заводским товарищам и поставил им водку за то, что они его выжили. Однако его фирма возникла не на пустом месте. Вначале была... малина. Ключка покупал ее в магазине, раскладывал по маленьким баночкам и продавал на рынке в четыре раза дороже. В 1988 г. на чердаке у родителей он основал «Оптимус». У него было 12 долларов и трое компаньонов. А еще был «Вартбург», на котором он ездил в Берлин за компьютерными деталями. Там он прикидывался назойливым покупателем и заставлял продавцов разбирать компьютеры IBM, а сам записывал, из каких частей они сложены и от каких поставщиков. Однако его фирма не раскрутилась бы так быстро, если бы не гениальная по простоте идея.

Ключка собирал компьютеры не за свои деньги, а за авансы, которые он получал от знакомых директоров. Он предлагал им выгодную цену, брал деньги и только после этого выполнял заказ. Зарабатывал он и на разнице валютных курсов, покупая на торгах более дешевые доллары. Эффект был мгновенный. Через два года он заработал первый миллион. В 1993 г. «Оптимус» захватил уже 40% польского рынка и был крупнейшей компьютерной фирмой в Центральной и Восточной Европе. Ключку называли «польским Биллом Гейтсом». Действительно, в очках, джинсах и рубашке он выглядел, как основатель «Майкрософта» — только потолще. Однако жил Ключка очень скромно: где только мог, ездил в вагонах второго класса, в дорогу брал с собой бутерброды, чтобы не есть в ресторанах. Злые языки говорят, что даже компьютер, подаренный сыну на Рождество, он купил в рассрочку.

У работников «Оптимуса» никогда не было профсоюзов — президент заявил, что он сам «лучше всех блюдет их интересы». Несмотря на это фирма процветала и становилась все более перспективной. В 1996 г. Ключка за миллион долларов создал интернет-портал onet.pl. Он вкладывал деньги также в мультимедиа и сколотил состояние на фискальных кассах, которые привез из Японии и усовершенствовал. Кроме того, он по своему обыкновению разделил одну большую фирму на семь маленьких, каждая из которых обладала значительной независимостью.

■ Патриотизм и обращение

Тем более удивил он всех, когда в апреле 2000 г. поспешно распродал свою империю. Роман и Анна Ключка продали свои акции за 261,7 млн. злотых, хотя в действительности они стоили в два раза больше. Ключке не нужно было платить налоги, но он уперся и велел обменять акции на облигации государственного займа, чтобы пополнить госбюджет несколькими миллионами. «Я хотел дать пример, создать хорошую атмосферу. Сегодня патриоты не воюют. Сегодня патриотизм — это когда ты платишь налоги», — объяснял он позднее.

Лишь некоторое время спустя он сообщил, что истинной причиной продажи фирмы было его бессилие перед коррупцией. Ключка утверждал, что перед оглашением результатов крупнейших польских конкурсов с него требовали взятку. Он не мог с этим смириться и потому продал дело. Однако через два года, в 2002 г., он был задержан по обвинению в незаконном возмещении налога на добавленную стоимость при продаже компьютеров, предназначенных для школ. Рано утром в его дом ворвались сотрудники Центрального следственного бюро, сковавшие его наручниками. В расстроенных чувствах, с дрожащими руками его привезли в краковскую прокуратуру на многочасовой допрос.

Бизнесмена посадили в следственный изолятор, по телевизору его лицо показывали с черной полоской на глазах, а газеты писали о преступлениях Романа К. Он вышел на свободу, заплатив рекордный залог — 8 млн. злотых, — и начал долгую борьбу за свое доброе имя. «Государство продемонстрировало мне всю свою силу. Может, меня хотели выбить из колеи, чтобы я был поговорчивее? Я чувствую себя так, будто столкнулся с организованной структурой, которая может настичь и уничтожить каждого», — сетовал Ключка в интервью «Газете wyborчей». Эти слова окончательно подтвердились лишь в 2004 г., когда с него сняли все обвинения. Он требовал 1,4 млн. компенсации за финансовые потери, но получил только пять тысяч. Впрочем, спустя еще несколько лет перед ним извинился замминистра финансов. Однако до этого Ключка заявил, что «сегодня гражданин нужен власти только для того, чтобы она могла срывать на нем злость», получил Премию им. Киселевского и стал символом борьбы с нечестными чиновниками, которыми управляют нечестные политики.

После всех этих перипетий он уже не захотел возвращаться в большой бизнес. К тому же он сильно изменился под влиянием религиозного опыта. После несчастного случая на горнолыжном курорте он лежал дома со сломанной ногой. Единственным печатным изданием в пределах досягаемости был дневник сестры Фаустины. Он начал его читать и многое понял. «У меня никогда не было чувства неполноценности. Я сознавал силу своего мозга, управлял крупнейшей компьютерной империей в этой части Европы, которую сам же и создал. Во мне было много самонадеянности», — признался он в интервью «Газете краковской». И добавил, что размышления девушки, закончившей три класса, совершенно его преобразили. Не найдя в этом тексте никаких противоречий, он пришел к выводу, что все это, должно быть, правда. Естественным следствием этого стало финансирование строительства храма Милосердия Божия в Лагевниках, строительство дома престарелых и основание издательства «ProDoKs», печатающего главным образом католические книги.

■ Трудный хлев

Однако самым ярким примером перемен, произошедших с Ключкой, стал его уход в сельское хозяйство. Его новым увлечением стала ягнятина. Он открыл, что это вкусное и здоровое мясо, хоть в Польше его и недооценивают. В деревне Лосе близ Криницы он построил хлев, привез туда из Германии овец восточнофризской породы и даже начал раздавать их бедным соседям.

Он хочет, чтобы окрестности Нового-Сонча были полны овец, чтобы там не было бросовой земли и безработицы. Горные поля он хочет засеять посевным рыжиком — неприхотливым растением, из которого можно делать биотопливо и корм для скота. Ключка даже принял участие в популяризации здоровой пищи. Однако он вовсе не потерял контакт с действительностью. Наоборот, он хочет зарабатывать буквально на всем. У него, новоиспеченного овцевода, было много времени, чтобы это обдумать.

Например, он пришел к выводу, что в свое время ему было проще построить крупную компьютерную фабрику, чем теперь — хлев. Его раздражало глупое законодательство и всемогущество чиновников. Быть может, именно это склонило его к флирту с политикой.

«Я всю жизнь последовательно сторонился политики, и сегодня нет такой силы, которая могла бы меня к ней привлечь», — заявил Ключка в 2003 году. Двумя годами позже он передумал и появился в клипах, использованных в предвыборной кампании «Права и справедливости». Как истинный крестьянин он поддержал партию, которая выступила против введения в деревне подоходного и кадастрового налогов. Однако после победы Пис на выборах он отказался от предложенной ему должности министра. Не захотел он быть и экономическим советником Ярослава Качинского. Если верить журналистским спекуляциям, он даже отказался от кресла премьера, ибо некоторое время о нем говорили как о потенциальном преемнике Марцинкевича.

Похоже, что роль овцевода и экономического гуру все-таки подходит ему больше. «Система очень сложного законодательства ограничила конкуренцию. У малого бизнеса почти нет шансов стать средним, а у среднего — крупным. Поэтому сейчас крупные предприятия чувствуют себя в Польше хорошо. Без сильной конкуренции дышащих им в затылок более мелких фирм не может быть истинного свободного рынка», — жаловался Ключка месяц назад в интервью газете «Жечпосполита». Еще раньше он говорил, что самым справедливым был бы 15-процентный плоский налог, а для фирм — налог с оборота вместо налога на прибыль. Первое звучит как программа «Гражданской платформы», второго требует «Самооборона». Должно быть, Ключка, поддерживающий Пис, рассчитывает, что Ярослав Качинский не сориентируется и рано или поздно внесет эти изменения. Трудно сказать, будет ли тогда их автор дальше пасти овец или, влекомый ностальгией, вернется в большой бизнес.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО МНОГО ЗАВИСИТ ОТ ЛЮДЕЙ КУЛЬТУРЫ...

Беседа с Яковом Гординым

— Можно ли говорить о массовом полонофильстве в вашем поколении?

— Ну да, наверное, можно. Не знаю, насколько массовом, но сильный элемент полонофильства, скажем, в 1960-е годы, в первой их половине во всяком случае, действительно был. И это понятно. Во-первых, польские фильмы, замечательные фильмы Вайды, необычайно привлекательные своим трагическим благородством. Во-вторых, вообще судьба Польши для всех, кто представлял себе взаимоотношения Российской империи и Польши, для тех, кто в то время, о котором я говорю, был настроен, так сказать, антиимперски и антисоветски, конечно, была неким символом. Это постоянное стремление к свободе, эта жертвенность, это желание быть самостоятельными вопреки всему — конечно, все это очень привлекало. Но, скорее всего, это все-таки была Польша из литературы, Польша из искусства в большей степени, чем реальная Польша, которую, естественно, знали не очень хорошо. Я, например, в Польше ни разу в жизни не был.

Потом для меня было важно отношение к Польше Иосифа Бродского, с которым мы обсуждали это. Для Бродского Польша действительно была символом свободы и сопротивления. И, конечно же, немалую роль позднее сыграли его переводы с польского. «Польское знамя» Галчинского — замечательные стихи. Думаю, что они и на польском очень хороши. А по-русски в переложении Бродского они просто потрясающие. Я помню, как он их читал как-то уже после ссылки на вечере новых переводов в Союзе писателей. Людям просто становилось дурно от эмоционального напора, от напора страсти, который и у Галчинского заложен и который еще удесатерялся чтением Иосифа. Так что да, Польша была для нас важна.

— Можете ли вы назвать кого-нибудь, кто так же сильно «болел» Польшей, кроме Бродского?

— Пожалуй, только Бродский, насколько я помню сейчас. Может быть, я что-то запамятовал, но кроме Бродского с такой страстью, пожалуй, не относился никто...

Хотя... был человек, тоже уже покойный, увы, — Александр Леонович Грюнберг, замечательный востоковед и один из крупнейших специалистов по Афганистану, много бывавший в Афганистане. Он очень хорошо знал польский язык, очень Польшу любил. Саша необычайно красиво говорил по-польски и пел польские песни под гитару по-польски. Вообще язык шикарный, когда его используют хорошо.

— А какую-нибудь польскую прессу вы лично выписывали?

— Нет, я же не знаю польского языка.

— Расскажите, пожалуйста, что же тогда это за история с журналами «Шпильки» и «Пшекруй», которые были переданы, если я не ошибаюсь, вами в музей Анны Ахматовой в корпусе документов архива Иосифа Бродского времен его ссылки в Норенской?

— Ну да... Это вы имеете в виду переправление их в ссылку Бродскому?

— Да-да. Именно это. Они все в его пометках. Они были выставлены недавно на большой биографической выставке Иосифа Бродского в музее Ахматовой.

— Я не помню, кто именно, то ли Эра Коробова... Кто-то из общих наших знакомых девушек их получал. Очевидно, тогда можно было выписать их*. И для Оси, конечно, там, в Норенской, это было большое удовольствие. Но я не думаю, чтобы эти журналы играли какую-то основополагающую роль

* Прим. Н. Горбаневской: В одном своем интервью (Катовице, 1993) Бродский говорит, что «Пшекруй» выписала ему в ссылку я (о чем я к тому времени уже успела забыть). То есть журнал ему не пересылали, а он прямо получал его по подписке. В этом и некоторых других интервью он говорит также, что учился польскому по «Пшекруй». Когда я то же самое говорила польским эмигрантам, они смотрели на меня с изумлением, и я смущалась — много лет спустя авторитет Бродского меня поддержал.

в его духовной жизни. Тем не менее он это любил. И он язык учил, читал по-польски. Я помню, как он читал мне как раз Галчинского «Заговоренные дрожки» по-польски, а потом в своем переводе. Мне трудно сказать, не зная языка, но мне казалось, что он очень элегантно и гладко читает по-польски.

— Если говорить о ключевых событиях в Польше в XX веке, то когда вы о них узнавали? Как воспринимали? Начать хотелось бы со II Мировой войны.

— Да, это тоже очень серьезный сюжет. Но о Катыни мы узнали все-таки гораздо позже... И когда узнали, это было, конечно, потрясением и еще большее отвращение к власти вызывало. Хотя уж, казалось бы, мера преступлений была такова, что тут... одним преступлением больше, одним меньше — но это было особенно отвратительно. Хладнокровный расстрел даже не военнопленных, а интернированных офицеров, с тем чтобы обескровить будущую Польшу, на которую Сталин собирался наложить лапу. Это, конечно, было чудовищно. Что касается событий войны, тоже все было важно. Как раз об этом я знал довольно много, потому что меня интересовала история II Мировой войны, и не только отечественной, но и войны в Европе. И вот такая, опять-таки жертвенно-трагическая роль польских формирований, которые воевали на стороне союзников, конечно, не могла оставить нас равнодушными. Все мы смотрели «Пепел и алмаз». Вайда жил в социалистической Польше и, естественно, был связан определенными условиями, но даже сквозь это были видны его подлинные симпатии. И была очевидна трагедия польского Сопротивления. В Польше ведь, в общем-то, было посвободнее, чем в России, чем в Советском Союзе, поэтому польские кинематографисты могли себе больше позволить. И «Пепел и алмаз» относился к сфере духовно-идеологической, в которой и наше сознание тоже формировалось. Обреченные люди, которые убивают, не желая убивать, потому что страшная историческая ситуация их перемалывает и заставляет это делать, — это, разумеется, накладывалось и на наши представления о гражданской войне, на то, что было у нас. Когда я читал о гибели польских батальонов под Монте-Кассино, которые штурмовали почти невозможную для захвата немецкую позицию вместе с американцами, но они шли впереди, то, конечно, вспоминалась картина, которую Пушкин описывает в письме к Вяземскому... При том, что Пушкин как раз полонофилом не был, но вот этот жертвенный героизм поляков во время восстания 1830-1831 гг. он, конечно, прекрасно понимал. И у него есть, как многие помнят, в письме Вяземскому лета 1831 года очень страшный пассаж, и горький, и страшный. Он описывает одно из сражений и польских кавалеристов, поющих «Еще Польша не згинела» под русским огнем. И пишет приблизительно следующее: «Все это, конечно, прекрасно в поэтическом отношении, но, тем не менее, их надо задавить». Пушкин был человеком вполне определенных установок, он считал, что отделение Польши чрезвычайно опасно для России. И для Польши. «Славянские ручьи сольются в русском море». Он был уверен, что гораздо органичнее единое государство, а польский мятеж считал авантюрой. Тем не менее, «все это прекрасно в поэтическом отношении, но...». То есть несмотря на все его поэтические симпатии к этим людям, то, что он называл «силой вещей», перевешивало. Нужно было действовать рационально, как он считал. Так что судьба, польская судьба и в XVIII веке, и XIX веке, и во время Варшавского восстания, о котором мы, конечно, знали... И мы знали, что советские войска стояли на противоположном берегу Вислы... Вот недавно была передача, один из сюжетов Сванидзе, из замечательных этих его «Исторических хроник», — о Рокоссовском, и там рассказывается об этом. Сталин удержал войска Рокоссовского (а Рокоссовский родился в Варшаве), который мог сходу форсировать Вислу и оказать помощь восставшим. Более того, я впервые узнал, мне это как-то не попадалось нигде, но Сванидзе я :бсолютно доверяю, потому что

Яков Гордин

все эти хроники на документальной основе, — узнал, что к восстанию в Варшаве призвало московское радио! Прежде всего московское радио. То есть Сталин спровоцировал это восстание, рассчитывая, очевидно, на то, что Армия Людова, то есть прокоммунистические, просоветские формирования, будут играть там существенную роль и что с Миколайчиком, премьером польского правительства в изгнании, который приехал в то время в Москву, он договорится. А Миколайчик твердо отстаивал независимые позиции Польши, и поэтому было решено бросить поляков на произвол судьбы...

— **Какие из событий после 1953 г. для вас были интересными, что запомнилось?**

— Ну, конечно, вся история рабочего сопротивления. В то время, в 70-80-е годы, мы (я имею в виду свой круг) были людьми достаточно взрослыми, с определенной идеологией. И, конечно, мы с огромным интересом и волнением следили за тем, что происходит в Польше, прекрасно понимая, как это соотносится с нашей ситуацией.

— **А как это соотносилось?**

— Если бы удалось выбить такую большую по европейским масштабам страну, как Польша, из соцлагеря, это сыграло бы огромную роль. Почему так давили несчастных чехов? Потому что нужен был прецедент. Если бы был выбит один камень из этого монолитного здания, то все могло начать сыпаться. А принципиальные изменения в соцлагере неизбежно влекли за собой изменения и в России. В ту или иную сторону: или закручивание гаек, или, наоборот, вынужденная либерализация. И поэтому вся эпопея 70-х годов: приход Герека, попытки как-то договориться с рабочим движением, — и потом начала 80-х годов: «Солидарность», Валенса, и военное положение, и Ярузельский — конечно, за всем этим мы следили, ловя зарубежные голоса, насколько это было возможно. Мы жили целой компанией — наша семья, семья Игоря Ефимова, иногда еще приезжали к нам друзья, — в псковской деревне. Там ловить было гораздо легче. Совершенно так же, как в 1968 г., когда мы тоже жили на Псковщине, и во время чешских событий по маленькой нашей «Спидоле» было гораздо проще поймать «Свободу» или другие «голоса»; в сельской местности это было проще, чем в городе, где все было забито насмерть. Информация доходила. И польская тоже, мы были вполне в курсе того, что там происходило.

— **Вы думали, что у нас возможно что-нибудь подобное?**

— Мой прогноз, должен признаться, был противоположный. Я ждал закручивания гаек, поскольку была очевидна деградация экономики. Уже в 70-е годы — скачкообразное ухудшение снабжения продовольствием, особенно в провинции. Да в общем это ощущалось и в Ленинграде тоже, какие-то вещи приходилось сюда возить из Москвы. Когда я ездил по делам в Москву, то мне заказывали некоторые продукты, как это ни смешно. А уж из провинции в Москву, в Питер ездили за всем. И вот деградация экономики была очевидна, было понятно, что бесконечно это продолжаться не может. Нефтяной фактор нами не так осознавался тогда. Но, надо сказать, дело ведь было не только в этом. Недавно я был на маленьком «круглом столе» в университете по поводу возможных взаимоотношений нашей научной и прочей элиты с диаспорой — тоже научной. И, в частности, там был такой разговор: один очень серьезный ученый-астроном утверждал, что если бы не падение цен на нефть, то мы бы и сейчас жили прекрасно в социалистическом обществе. Что, конечно, абсолютно неверно, потому что нефть нефтью, цены ценами, а деградация экономики шла гораздо более глубокая. И я-то полагал, что когда уже дойдет до предела, то начнется ужесточение режима. Были соображения у людей, что тогда наступит сталинский террор массового типа, для того чтобы удержать голодную страну. Я в это не верил, потому что для массового террора уже ресурсов не было и людей не было, которые бы на это пошли. Ведь все-таки в 30-е годы еще была масса озлобленных людей. Это была инерция и гражданской войны, и расслоения 20-х годов, подавления нэпа, коллективизации — из всех этих катаклизмов выходили миллионы людей, готовых на все. В 70-80-е годы общество было довольно равнодушно настроено, сугубо скептически по отношению ко всему. Эти настроения были и в правоохранительной системе, без всякого сомнения. И поэтому я не думал, что будет массовый террор, но что будет закручивание гаек и индивидуальное выбивание протестующих, более широкое, чем было при подавлении диссидентского движения, когда арестовывались десятки и, в конечном счете, сотни людей. Здесь, думал я, счет пойдет на тысячи и на десятки тысяч, но не на сотни тысяч и не на миллионы. И на этом полуголодном уровне

как-то более или менее все стабилизируется на какое-то время. Но оказалось, что я был неправ. Сработали разные факторы, в том числе и личный фактор Горбачева. Потому что уж если бы пришел Романов на его место, как предполагалось, то ситуация, очевидно, была бы другая. Но и кончиться все это могло гораздо катастрофичнее, чем кончилось в реальности. Могло ли нечто подобное польским делам возникнуть здесь? Нет. Не было такого массового рабочего движения. Именно рабочего движения, причем движения общего — рабочего и интеллигентского — быть не могло. Ведь в Польше очень большую роль сыграла польская интеллигенция. Там же был создан Комитет защиты рабочих, в который вошли ведущие оппозиционные интеллектуалы. Я не думаю, что в Советском Союзе что-либо подобное могло произойти. Ведь Польша все-таки была как соцстрана гораздо моложе. И там сохранилась, жива была политическая традиция, которая уже умерла в России. Считайте, с 1948 г. Польша стала реально социалистической. И то там была какая-то видимость двухпартийности, довольно широкая частная собственность, не было колхозов в том виде, в каком это было у нас. Совсем другая психологическая ситуация. Нет, все-таки в Польше сопротивление было хорошо организовано, поэтому оно было фактически бескровным. Если бы в России дело дошло до массовых волнений, а оно могло дойти, то, конечно, это было бы страшнее, катастрофичнее, бессмысленнее. Нет, никто-никто из сколько-нибудь разумных людей не думал, что Россия может пойти по польскому пути. Но в Польше это удалось, потому что даже после введения военного положения было ясно, что к прошлому возврата нет. И что это может повториться в любой момент. И режим Ярузельского — это был уже совсем другой режим... Вот смотрите, лидеров «Солидарности» и вообще сопротивления даже не посадили, их интернировали. Они в довольно щадящих условиях находились после ареста. А уж у нас, будьте спокойны, чтобы что-нибудь подобное произошло... Мы же помним 1962 год, хрущевские либеральные времена — и события в Новочеркасске, когда рабочую демонстрацию просто расстреляли из танковых пулеметов. Нет, Польша и мы были разные. Но опять-таки повторяю, удача движения «Солидарность» тогда сыграла бы огромную психологическую роль для Советского Союза. Она-то, собственно говоря, и сыграла. Даже неудача в тот момент «Солидарности». Тем не менее это уже были подступы к разрыву системы вообще.

— Был ли кто-нибудь среди ваших знакомых, известных вам людей, кто бы всерьез задумывался о развитии какого-нибудь рабочего движения здесь? Можно ли применить польский опыт здесь? И как? До практического применения доходили разговоры?

— Нет-нет, нет. Надо сказать, что у нас, не хочу никого обидеть, но и рабочий класс уже был другой. Этого польского чувства солидарности и польского осознания своей силы, в общем-то, не было. Когда началась перестройка и когда к ее исходу пошли такие обвальные события, все равно сколько-нибудь активного рабочего движения не было. Но, правда, в 1991 г. в августе началось активное противостояние. И во время колоссального митинга на Дворцовой площади в 12 часов 20 августа, который собрал тогда Собчак, пришел Кировский завод почти в полном составе. Огромная колонна рабочих-путловцев прошла по Невскому и пришла на площадь, это был самый замечательный момент. Момент апофеоза. Вышел лидер кировцев на трибуну и сказал: «Кировский завод восстал!» Но для того, чтобы Кировский завод восстал против советской власти, понадобилось ее фактическое крушение. Поэтому нет, надежд на рабочее движение — у нас во всяком случае — не было.

— Мне бы хотелось немножко об эмоциях и впечатлениях поговорить. Чем была Польша в 1980-м?

— До активного движения, до «Солидарности» Польша все равно была литературным феноменом, объектом культурных симпатий. Хотя были движения 70-х годов, но они были подавлены, и казалось, что все там опять устоялось. Тем более что не очень-то мы и знали, что на самом деле происходит в рабочей и интеллигентской польской среде — все-таки информации было немного. Поэтому сколько-нибудь серьезной роли до появления «Солидарности» в нашей эмоциональной и идеологической сфере Польша не играла.

— А события августа 1980-го?

— Это было, конечно, надеждой, очень сильно действовало. Особенно по контрасту с тем мраком, который с середины 70-х годов здесь царил. Самое глухое время. Конечно, это была надежда. Но не потому, что это будет пример и здесь произойдет нечто подобное, а потому, что мир вокруг, ближний

мир, начинает стремительно меняться. И, в конечном счете, это не может не повлиять и на ситуацию у нас. И вообще было приятно, что кто-то может жить по-другому. А тем более поляки, которые столько натерпелись от соседней империи.

— **У вас не было чувства зависти?**

— Не знаю насчет зависти. Была скорее не столько зависть, сколько было обидно за свою страну. Обидно было. Чего завидовать? Люди рисковали головами, что ж им завидовать? А вот обидно за свое общество действительно было.

— **Чувство досады или все-таки неполноценности?**

— Неполноценности — не знаю, это слишком сильное и несколько патологическое ощущение. Скорее досады — действительно, это более точное определение.

— **Было ли у вас когда-нибудь чувство вины перед поляками?**

— Нет, не буду врать. Нет, я не чувствовал себя в ответе ни за Екатерину II, ни за Николая I. Да в общем и за Сталина тоже, честно говоря. Нет, чувства вины не было. Было огромное ощущение сочувствия, конечно. Но, пожалуй, не чувство вины. Я вообще не сторонник понятия коллективной вины, особенно на больших исторических пространствах. Для этого, очевидно, нужен катаклизм типа немецких 30-40-х годов, когда действительно масса общества вовлечена в преступления. Все-таки и в России XVIII-XIX веков, и в России XX века массового вовлечения в преступления против Польши, пожалуй, не было. Были даже полонофильские настроения, довольно сильные в пушкинское время. Скажем, известно, как резко оценил Вяземский пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину». Он записал в дневнике чрезвычайно обидные для Пушкина и Жуковского вещи. Были и среди декабристов полонофилы. Были и люди другого типа, но, скажем, Лунин был вообще влюблен в Польшу. Так что был довольно сложный расклад сил. Понимаете, мы ведь по сию пору не очень знаем на самом-то деле, что происходило в нашем обществе в советское время. Этот миф о всеобщем энтузиазме, которого, естественно, не было, потому что он питался кинороликами, где люди дружно и яростно копали лопатами землю. А что это за люди? Эки это или свободные люди? В общем, никто уже себе даже в 50-60-е годы не представлял этот феномен энтузиазма 30-х годов. Известно, какая колоссальная доля этих энтузиастов работала за колючей проволокой и строила нашу индустрию. А вот каков был подлинный расклад? Были ли сильные антисталинские настроения? Ну, были. Конечно. Но какой процент? Можно, правда, сослаться на некий «социологический» эксперимент, который был поставлен во время войны. Около миллиона советских людей служили в немецких формированиях. Но, с другой стороны, непонятно, сколько из них были убежденными антисталинцами, а кого жизнь заставила. Правда, точно так же было и в 50-60-е годы. Настоящего социологического знания о нашем обществе у нас нет. Сейчас мы гораздо лучше себе это представляем, потому что действительно есть социология. А тогда ведь социологии не было. И поэтому говорить о коллективной вине, не представляя себе коллективных устремлений, мне кажется, опасно.

— **Из тех качеств, которые традиционно связывают с польским характером, что вам наиболее симпатично в поляках? Может быть, у вас были какие-то личные контакты?**

— Нет, личных контактов у меня было сравнительно немного, и главным образом это были журналисты, с которыми мы беседовали на разные темы. Но определить их характеры мне было бы сложно. Все были очень симпатичные люди. А если заняться исторической ретроспекцией и представить себе судьбу Польши, стиль поведения поляков, то, конечно, нужно было бы упомянуть независимость и свободолюбие, которое иногда в государственном отношении приводило Польшу к довольно тяжелым последствиям. Потому что не удавалось выстроить государство, которое могло бы достаточно эффективно сопротивляться внешнему давлению. Это, собственно, один из элементов польской трагедии. Это стремление к независимости, свободолюбию, ощущение собственного достоинства, то, что очень часто раздражало русских людей. Ну, достаточно вспомнить Достоевского. Да и не только его разговоры о польском гонимом, о польском завышенном самолюбии. Тут дело было не только в национальном характере. Когда поляк попадал в Россию, то, конечно, он ощущал за собой, тем более если это были польские интеллигенты, польские интеллектуалы, он ощущал за собой историю своей страны, историю взаимоотношений Польши и России. Поэтому, очевидно, некая форсированность поведения присутствовала.

Кстати, надо сказать, что поляки сыграли немалую роль в кавказской ситуации и с той, и с другой стороны. Были поляки-офицеры, которые прекрасно воевали против горцев. Их было довольно много. И поляки-чиновники, жившие на Кавказе. Были даже доносы относительно того, что «слишком много поляков» в Тифлисе и на Кавказе вообще. Это были не только ссыльные. Хотя были, конечно, и ссыльные. Но некоторые из участников восстания 1830-1831 гг., попав на Кавказ, потом выслуживались, получали офицерские чины. Есть воспоминания этих людей. Была, очевидно, категория поляков-военных, свободолюбцев, которые отправлялись на Кавказ для того, чтобы отрабатывать военный опыт на всякий случай, так сказать, на будущее. Воевали они хорошо. Но была и категория поляков, которые воевали с другой стороны. Были люди, которые пытались организовать сопротивление на Западном Кавказе, среди черкесских племен — адыгов — на Черноморском побережье. Там было довольно много поляков. Ну, во всяком случае десятки. Это были добровольцы, которые через Турцию отправлялись воевать с русскими войсками на стороне горцев. И была даже идея такая, очень смелая, именно там, в кавказских горах, основать польское правительство в изгнании под защитой черкесских племен. Все это понятно: считалось, что успешное сопротивление горцев оттягивает имперские силы от западных границ. Действительно, на Кавказ тратились огромные ресурсы и финансовые, и человеческие. И таким образом Кавказ был естественным соратником, союзником польских инсургентов. Был тогда знаменитый человек — полковник Лапинский, который около двух лет провел у черкесов, пытаясь помогать в военном отношении. Но, надо сказать, горцы не очень к этому всерьез и с симпатией относились, поэтому все усилия Лапинского ушли в песок. Везли оружие туда, опять-таки через Турцию. Так что «Поляки на Кавказе» — это особая, очень любопытная тема. Польша и Кавказ — это два очага постоянного напряжения на западной и на юго-восточной границе. Этот сюжет недостаточно разработан у нас.

— **Сохранилось ли какое-то диффузное влияние Польши на Россию сегодня?**

— Думаю, что сохранилось. Мы, как это ни странно, в культурном отношении хуже знаем, что происходит в Польше, чем знали в советское время. Мы обсуждали это неоднократно со здешними представителями Польши. Есть целый ряд идей, как исправить эту ситуацию. Сейчас мы планируем выпустить номер «Звезды», целиком посвященный польской культуре. Я надеюсь, что это удастся, и тогда мы постараемся представить современную польскую культуру во всех жанрах, включая философию, богословие, так же как мы сделали с американской и немецкой культурой. И с той и с другой стороны масса мифов, обид. Достаточно вспомнить этот безумный праздник 4 ноября, чтобы понять, какая каша в головах у тех, кто что-то решает в этой сфере.

— **По-моему, унтер-офицерская вдова опять сама себя высекла и получила в ответ фашистские митинги и марши в стране.**

— Насколько она себя высекла, Бог ее знает. Потому что я не знаю, насколько тех людей, которые принимали это решение, травмировало то, что произошло в Москве. Полагаете, они напуганы? Думать надо было головой, тогда и напуганными не будут. Все это идиотизм, начиная с самого выбора события. Люди не очень представляли себе, что же происходило 4 ноября. Дата условная, условная абсолютно, потому что все смещено по календарю, и не на 13 дней, как известно, тогда другое было смещение. Но, кроме того, если вы это выбрали, тогда организуйте нечто, а не отдавайте на откуп чёрт знает кому. Глупость сделать — это мы хорошо умеем, а как-то ее немножко микшировать — это пусть делает кто-то другой.

— **Но все-таки. Первый раз в моей жизни, и в вашей тоже, 7 ноября был обыкновенным рабочим днем.**

— Это само по себе приятно, конечно. Но выбрали бы уж день Куликовской битвы, гораздо более важное событие, чем захват казаками Китай-города и Кремля, где, кстати говоря, кроме поляков сидели русские бояре, которые, как известно, пригласили Владислава на престол, и Михаил Романов, которого тоже оттуда извлекли.

— **Есть ли что-то в поляках и в польской истории, что, на ваш взгляд, сомнительно и может вызвать претензии?**

— Насчет польской истории не могу сказать. История, особенно последних двух столетий, конечно, чрезвычайно трагическая. И какие тут претензии предъявишь? Ну, существует у историков, например, такая точка зрения, что восстание 1830-1831 гг. было не очень разумной акцией. Польские инсургенты

поверили Европе, которая совершенно не склонна была воевать из-за них с Россией, а устоять против России в длительной войне польская армия в шестьдесят тысяч человек была неспособна — Россия могла выставить в случае надобности полмиллиона. И то поляки воевали несколько месяцев очень жаростно. Существует опять-таки точка зрения, что и восстание 1863 г. было обречено по целому ряду причин. Оно было в военном отношении оснащено еще слабее, чем восстание 1830 года. Там была хорошо обученная польская армия, которую всячески пестовал цесаревич Константин, фактически гвардейские полки. А восстание 1863 г. планировалось как широкое народное восстание, которое не произошло в ожидаемом масштабе, поскольку крепостное право в России было отменено. И поэтому, насколько я понимаю, от польского крестьянства идеологи восстания достаточной поддержки не получили. В 1831-м это кончилось уничтожением польской конституции и принципиальным изменением статуса Польши. Во второй раз опять-таки были довольно серьезные ужесточения. Кроме того, наши государственники и тогда, и теперь обижены на Польшу 1863 года, потому что, как они не без основания считают, восстание очень существенно повлияло на торможение либеральных реформ в самой России. Так что тут могут быть разные точки зрения. Хотя импульс психологический у поляков абсолютно понятен. Это постоянное стремление вырваться из-под опеки и почувствовать себя не квазигосударственным образованием второго сорта, а полноценным государством, которым Польша длительное время была, одним из самых мощных в Центральной Европе. Что касается моих претензий, мне кажется, что сейчас — и это происходит не только с поляками — совершается политико-психологическая ошибка. К России предъявляются претензии за Советский Союз. И это, мне кажется, неверно. Все-таки то, что произошло и в Прибалтике, дай им Бог всяческих успехов, и в Польше, в значительной степени было стимулировано Россией. Именно демократический переворот в России конца 80-х — начала 90-х годов дал возможность этим странам стать тем, чем они хотели стать на протяжении — кто десятилетий, кто столетий. Поэтому такая форсированная неприязнь к России как таковой, а не к российской власти, которая проявляется время от времени, мне кажется ошибочной, неверной. Ну и, естественно, надо стараться на культурном уровне регулировать отношения. Что мы и попытаемся делать в силу наших малых возможностей. Я абсолютно не склонен допускать существование неких национальных черт характера: все поляки с гонором, а все русские — лентяи. Нет. Так что никаких индивидуальных претензий нет. А политика — вообще дело запутанное. Общественное сознание — тоже достаточно туманная сфера. И чрезвычайно много зависит в этом отношении от людей культуры. И с той, и с другой стороны.

*Беседу вела Татьяна Косинова
Записано 19 ноября 2005 в Санкт-Петербурге*

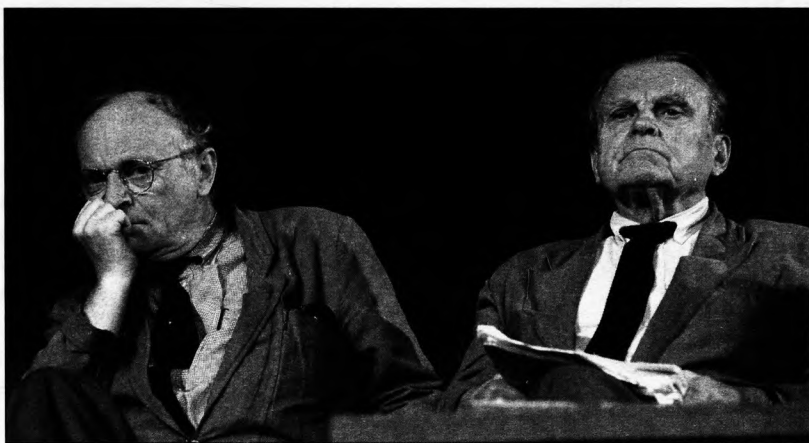

Зофья Круль

МАГНИТНЫЕ ПОЛЯ

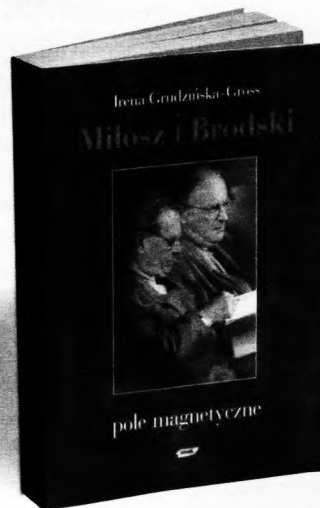
Книга «Милош и Бродский. Магнитные поля» — это попытка найти ту точку, в которой дружба и поэзия переплетаются и с тех пор остаются под взаимным — для обоих поэтов весьма много значащим — влиянием.

Причем это «магнитное поле», создающееся вокруг поэзии, многоаспектно. Поэтому книга Ирены Грудзинской-Гросс прежде всего становится повествованием об особой дружбе двух поэтов, Милоша и Бродского, которая началась с письма Милоша Бродскому в 1972 году, анализируемого автором в прологе к книге. Приветственное и утешающее письмо, посланное сразу после

того, как русский поэт прибыл в США, стало символическим началом их дружбы; потом на него часто ссылались и приводили из него цитаты, не всегда, кстати, в согласии с оригиналом. Легенды обладают той особенностью, что со временем появляются все новые их варианты. Здесь, впрочем, трудно — что подчеркивает автор — говорить о дружбе в общепринятом смысле слова. Бродский считал Милоша учителем, Милош к Бродскому как к младшему всегда относился несколько свысока. Их дружба была скорее сознательно поддерживаемым «проектом», вписывающимся в романтическую модель дружбы поэтов, нежели естественным, непосредственным чувством. Это не значит, что она была неискренней, — попросту она разыгрывалась на другом уровне.

Наряду со сходством биографий и поэтических путей польского и русско-го поэтов, сходством, действительно важным для понимания истории литературы XX века, тем сходством, на которое мы с готовностью — иногда, может быть, несколько через силу — ссылаемся, следует отметить также и то, чем они друг от друга отличались. Милош, укорененный в генеалогии семьи, в истории своей страны, и Бродский, отщепенец, целенаправленно поддерживавший свое отчуждение; Милош, принимающий мир, и бунтующий Бродский; спокойный тон стихов Милоша и ирония Бродского. Так же они отличались и в личной жизни. Нервный Бродский и Милош, который, как вспоминает Ирена Грудзинская-Гросс, вел себя так, будто у него всегда есть время. Отличный образ этих различий дает манера обоих читать свои стихи. Медленное, сторонящееся всякой патетики чтение Милоша и повышенное, гипнотическое пение Бродского. Старый мудрец и пророчествующий пиит.

Первое письмо Милоша было, таким образом, не только частным делом, установлением личного контакта. «Магнитное поле», о котором здесь идет речь, обладает и более широким аспектом. Поэты, как шутил Милош, — это еще и «коллеги по работе», члены одного цеха. Если «республика поэтов» возможна, ей следовало бы опираться как раз на такую дружбу. И письмо Милоша было написано не затем, чтобы утешить опечаленного человека, но затем, чтобы утешить поэта, чтобы помочь ему преодолеть то, что не позволяет ему работать, победить меланхолию соответствующим образом понимаемой и так ценимой Милошем дисциплиной труда. Дисциплиной, строящейся не на механических жестких правилах, а на выработке определенной интеллектуальной твердости, которая — несколько в стороне от обузданной ею интуиции — должна быть главной творческой силой. «Все то, что я писал в те времена, / сводилось неизбежно к многоточью», — писал Бродский вскоре после своей эмиграции. И Милош, возможно, был озабочен именно тем, чтобы показать младшему поэту, как вычеркнуть из стихов это меланхолическое многоточие, остановить нетворческую тоску. Как вернуть себе свободу письма. Как принять этот бросаемый поэту-эмигранту вызов. В конце концов, литература, как писал Гомбрович, должна быть крутым яйцом, а не яйцом всмятку.

Наряду с тем, что находится «там», «на родине», наряду с чувством отдаления, которое — если с ним обходиться как надо — тоже может стать творческим, должно появиться еще и любопытство к тому, что находится «здесь», прямо за окном. Только сдержанность, навязанная меланхолии, может преобразить ее в эту столь нужную поэтическую творческую силу. Следовательно, изгнанник должен стать частично гражданином своего нового мира. Как Милош, так и Бродский хорошо это понимали. Их дружба на почве поэтического «цеха» была основана еще и на этом общем — и не для всех столь очевидном — понимании.

Однако автор ставит куда более глубокие вопросы о связи дружбы и поэзии. Как вытекает из собранных ею источников, многие читатели обоих поэтов считали себя их друзьями. Справедливо ли такое их мнение? Ирена Грудзинская-Гросс приводит в этом контексте отрывок из стихотворения американской поэтессы Джейн Хиршфельд, стихотворения-воспоминания о Милоше: «...я сижу у реки / и думаю, / как сильно ты любил реки, / как тебя порадовал бы вид / этих уток, / поворачивающих голову вверх, / против течения, яро гребущих лапками...» Похоже, что этот отрывок прекрасно передает самый глубокий смысл поэтической дружбы, которая необязательно должна быть дружбой между поэтами. И самый глубокий смысл книги о Милоше и Бродском. Может быть, поэтическая дружба состоит в том, чтобы вот так вместе глядеть на уток, плывущих против течения. В глубоко интимном совместном переживании, в одновременном восприятии мгновения на самом глубоком уровне, на каком его можно воспринять. Такая дружба в идеальном случае возникает — пусть на мгновение — и между поэтом и читателем.

Это заглядывание за кулисы поэзии и дружбы, чем автор занимается мастерски, соединяется с огромным количеством приводимых в разных главах книги воспоминаний, включая и ее собственные; цитат из стихов, эссе и интервью с Милошем и Бродским; событий, важных для этой эпохи литературной жизни. В главах, которые следуют за прологом, посвященным знаменитому письму, автор сопоставляет «параллельные жизнеописания» Милоша и Бродского (сравнение с Плутархом взято из предисловия Томаса Венцловы); сравнивает времена их молодости, отношение к женщинам и их понимание поэзии; рассказывает об обстоятельствах эмиграции, о проблемах, с которыми это было связано: отношение к оставленной стране, к языку, к новому месту жительства; наконец, она описывает смерть и похороны обоих поэтов, которые в литературном мире стали событием.

Таким образом, «Милош и Бродский. Магнитные поля» — это значительно больше, чем только повествование о дружбе двух поэтов. Это книга, которая открывает некоторые подспудные правила, мелкие события, отношения, обстоятельства уже минувшей эпохи. Ее многочисленные «магнитные поля». Запутанные сплетения на вид не слишком важных вещей, которые в результате складываются в то, что позже мы называем великим.

Томаш Петрасевич

ЮЗЕФ ЧЕХОВИЧ В ЛЮБЛИНЕ

Когда мы думаем о Чеховиче, у нас перед глазами сразу встает Люблин — родной, горячо любимый город поэта. В Люблине 15 марта 1903 г. родился Юзеф Чехович, один из самых выдающихся польских поэтов. Здесь он и погиб 9 сентября 1939 г. во время немецкой бомбежки. Родному городу поэт посвятил немало прекрасных стихов и прозаических текстов. В Люблине он работал учителем и редактором журналов. Приведем слова Владислава Панаса, видного исследователя творчества Чеховича:

«Это один из величайших польских поэтов XX века. Его имя и творчество следует рассматривать рядом с именами и творчеством Лесьмяна, Херберта, Ружевица, Милоша. Он принадлежит к тем немногим в истории нашего города, чье значение вышло за городские заставы и стало общепольским. Город, небогатый выдающимися художественными талантами, в лице Чеховича дождался художника высочайшего класса. Это достаточная причина его (и нашей) славы и хвалы. Введя родной город в великую поэзию, Чехович сделал его воистину бессмертным. Уйдут в небытие деятели и их дела, разрушатся здания, устареют некогда современные технологии, потеряют актуальность научные открытия, быстро пройдет временная популярность, но то, что поставил поэт, — парафразируя великого философа и другого великого поэта — будет стоять всегда».

Русскому читателю может быть интересен тот факт, что Чехович был влюблен в русскую литературу, а его любимым писателем был Федор Сологуб. Поэт переводил на польский стихи Лермонтова, Блока, Есенина, Пастернака.

Самое важное и самое известное произведение Чеховича, посвященное Люблину, — «Поэма о городе Люблине», цикл из семи стихотворений, соединенных поэтической прозой. Герой поэмы — Скиталец, на одну ночь возвращающийся в родной город. Как легко догадаться, Скиталец — это сам Юзеф Чехович, который, когда писал «Поэму» (1934), жил уже в Варшаве.

Память о поэте продолжают лелеять в его родном Люблине. С 1960-х существует Литературный музей им. Юзефа Чеховича, а на месте его гибели поставлен памятник. Продолжают издаваться его стихи, проходят конференции, посвященные его творчеству. В особенности плодотворной в этом отношении была сотая годовщина со дня его рождения. Исключительную роль в пропаганде творчества Чеховича играет издательство Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской, которое постоянно выпускает — на самом высоком издательском уровне — произведения поэта. Вот уже несколько лет одно из важнейших люблинских культурных учреждений — «Городские ворота — Театр НН» — проводит в день рождения поэта «Чеховичевские чтения». «Поэму о городе Люблине» читают приглашенные — известные фигуры люблинской общественной жизни. На столетие Чеховича удалось пригласить крупнейших польских поэтов, которые по очереди читали отрывки из «Поэмы». Среди них были, в частности, Чеслав Милош, Вислава Шимборская, Рышард Криницкий. Их чтение было записано и издано на компакт-диске. Прибавим, что в память каждого чтения «Поэмы» ее текст печатается на традиционном печатном станке с набора, который каждый раз делается вручную. В 99-ю годовщину со дня рождения поэта так было напечатано 99 экземпляров книги, в сотую — сто и т.д.

Сам печатный станок был сооружен в 1903 году — он ровесник Чеховича.

Из содержания «Поэмы» следует, что ее действие, то есть прибытие Скитальца и его путь через Люблин, происходит во время июльского полнолуния. Это подсказало идею в каждое июльское полнолуние проходить по маршруту «Поэмы». Прогулка начинается около десяти часов вечера и продолжается часа три. В тех местах, которые описаны в «Поэме», участники «скитания» останавливаются и читают соответствующие отрывки.

В 2007 г. пройдет уже седьмая такая прогулка. Подчеркнем, что каждый раз «скитальцам» сопутствовала полная луна.

Юзеф Чехович

Перевод
Владимира Штокмана

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ТЮРЬМА

сужаются зрачки дня
прикрыты ресницами елей
от мысли до мысли от пня до пня
ходишь во тьме еле-еле

у хаты касаясь цветастым платком навеса
женщина в подсолнухах бельё развешивает

стадион бетонный кипит океаном рук
когда гибкий бич к финишу в беге приходит

по простору вод зеленому как изумруд
пароход в дыму мчится к белой погоде

всё всё есть на земле

в больнице измятые койки пылают крапивой
вслед зубастой горячке плаваясь лениво

над тонким как стебель столбиком чисел
астрофизик гордо лик свой возвысил

колота молотком по железу в бездне небес
кровельщик на небоскрёбе словно архангел повис

всё всё есть на земле
так много
всё всё
так мало

Я — ВИНТОВКА

я забыл о чудный август со вчера
как открыла дверь в кино та пора

стенка в трещинах светлее серебра
голова звездой снова станет зря

артиллерия из труб бетонных грянь
хватит сумерки фальшивые встречать
цедит мудрые слова обычный день
в их ушах лишь ученик я опять

в тишине стихи так сладко дрожат
словно чёрный шмель в туннеле гаража

до таких других времён дожить бы мне
когда стал бы я винтовкой по весне

ПРЕЛЮДИЯ

1.

чуть рассвело грянули птицы с латунных полей
женщина стройная ясностью мир озарила

2.

колокола ненасытные колыбели музыки
вспоминать забывать вспоминать

3.

о розы дыхание словно ребенка лицо
о флоксы по пояс утопшие в низкой траве
маковым темным цветком я взмахну
и исчезну лишь недвижимый маковый запах вдохну

4.

олень стоит у ключа струйка шепчет ave

Rys. Paulina Zielona

ЯБЛОКО ЖИЗНИ

уходит год за годом от рук что пишут строчки
чтоб разогнать видений сумбурный хоровод
цветам я отдал сердце а очи чёрной ночи
я ухожу как годы и труден мой уход

однажды дым взовьётся над бездной мироздания
войду смиренный старец в немеркнущий огонь
я жил двойною силой любви и ожидания
и не сбегу — жизнь ляжет как яблоко в ладонь

ПОД ПЕПЛОМ

затем ли ты пепельная круговерть
чтоб имя моё с гранита стереть

головы головы окутаны сном
чёрный козёл ведёт к заросли маков
я видел в бездне скрипичной дневной
застыла ласточка знаком

в сгусток сплавлены тёмные тени
ритмом охвачены формы и линии
паркого пекла прозрачные стены
пылают огнями кроваво-павлиньими

золоторogie женщины
вышли из моря желая утех
в можжевельнике пламя вещее
красное пламя шелестит на кусте
до каких же ещё границ разметаться
чтобы не пахли болотным гнильём
вихрь пепельного танца
сотри с гранита
имя моё

О НЕБЕ

Уже и не слышно агнцев бегущих
к другим рассветам ушли влажные тучи
а в пустом павильоне небес опадает пыль голубая
сквозь штрихи проводов как сквозь фильтр протекая
сыплется полдень сухой шершавый и жёсткий
над фигурками аэропланов и хладом кварталов фабричных

Стоит петь ему славу будь оно нашим или заморским
так прекрасно оно пронзённое вертикалями дерзкими труб
заводов кирпичных
а порой
оно над лесами далёкими сталью звенит голубой
первозданное и огромное
когда наполняется дымом застыв у белого города
когда знает само что оно — хлеб насущный дневной
стоит петь ему славу
Полдень всегда светло одинаков
пополудни балки свои прогибает роняя куски штукатурки мокрой
в детстве они прогибались до самой моей головы
и кто-то шептал мне оттуда сынок мой

БУМАЖНЫЕ СИЛУЭТЫ

губы то ли молчат то ли что-то бормочут невнятно
погода ни к чёрту дрянная погода
ноги ходят идут на дорогу туда и обратно
истосковались по ним доски дубового пола

осень поздняя сад опустел и поля опустели
белый шёлк облаков измят грубым ветром
руки в тоске по работе на стол опустились
ждут инструмента

а овечьи ножницы на гвозде —
мудрую руку что ими разрежет
дождливую серость бесцветного дня
.....

ПЕРВЫЙ СНЕГ

в саду вечернем неживые листья
как слёзы с чёрных падают дерев
глядят на небо луж застывших лица
ветра поют свой сумрачный напев

сад занесён сыпучим полумраком
бездонным хладом дверь крыльца сквозит
свет наверху в окошке одиноком
там нищета и там ребёнок спит

чуть слышно люлька вторит колыбельной
постукивая мерно в тишине
а кто-то в дверь горстями сыплет белым —
идёт густой и светлый первый снег

МУЗЫКА ЗОЛОТОЙ УЛИЦЫ

Небо меняется. Вечер еще не утих,
ветер бессонный колышется зыбко,
словно неба шатёр шелестит.
Ветер — уже и не ветер — улыбка.

На улице Доминиканской хоры —
девушки славу поют Богородице.
Им с Архидьяконской вторит
скрипок печальный народец.

Зданий безмолвие музыкальное
натянута тетивую
на радуги дужку хрустальную
у костёла над головою.

И вдруг тишина зазвучала,
тронута бронзовым звонким перстом.
Колокол предвечерний,
пролившись мощью металла,
начал бить под костёльным крестом:

раз — и два — и три — — —

Юзеф Чехович

Перевод
Натальи Горбаневской

ГОРЕЧЬ

Голову что седеет а сияет как семисвечник
под порханьем серебряных ленточек ветра
несу по дну переулков по нише
ласточки над речкой
щебечут это мало иди же

так ходить так смотреть сцены сны карнавалы
разбитые стекла синагоги
пламень пожирающий корабельные канаты
пламя любви
нагое

так выслушивать рев голодного люда
а это не то что плач голодных людей
опускается вечер мира сего
ноздри чуют кровавый удой
из горячего потопа докатившего досюда
спросим друг друга кто для чего

чудесно размноженный на нас на всех
буду в себя стрелять и гибнуть много раз
я что с плугом к борозде прирос
я законовед при фолиантах
задыхаясь от крика газ
я уснувшая в лютиках желтых
и факелом живым ребенок
и бомбой в почетных скамьях пораженный
и повешенный поджигатель
и черный крестик в черном списке

о жатва жатва гула и блеска

успеют ли реки извивы от братской крови оторжаветь
пока столиц колонны опять восстанут надо мною
налетит тогда ласточек замять
свистнет крыло у виска птичьей темнотою
иди же иди же дальше

Чеслав Милош

Перевод
Натальи Горбаневской

О ЮЗЕФЕ ЧЕХОВИЧЕ

Из «Поэтического трактата»

*Иная связь Чеховича с землею.
Укропа грядки, ветхие застрехи,
Как зеркальце — привислинское утро.
Разносит эхо по росе куваяк
Вальков да прачек подле ручеечка.
Он малое любил, он сны собрал
Земли аполитичной, беззащитной.
О птицы и деревья, от забвенья
Могила Юзя в Люблине храните.*

Юзеф Чехович (1903-1939)

(Из книги: Чеслав Милош, История польской литературы до 1939 года. Краков, «Знак», 1999)

Юзеф Чехович родился в Люблине в бедной семье. В учительской семинарии он изучал педагогику, а затем работал учителем в маленьких городках и в деревне. Широкое знание литературы приобрел самообразованием. Дебютировал он сборником стихотворений «Камень» (1927), уже свободным от влияний «Скамандра». Хотя Чехович, если говорить о метре и ритме, был неортодоксален, вся его поэзия фактически обращалась к традициям «мещанского лиризма» XVII века и народных песен. Те черты, которыми характеризуются обе эти традиции в поэзии: как бы детскую нежность, приглушенную мелодию, нежелание употреблять какое бы то ни было ритмическое стаккато (чуждое самой природе польского языка), — Чехович воскресил в своей поэзии с большим успехом и подобно Титусу Чижевскому доказал, что фольклор может оказывать на поэтов-авангардистов животворное влияние. Первым переводя некоторых тогда малоизвестных иностранных поэтов-авангардистов (Мандельштама, Джойса, Т.С.Элиота), он знал, как черпать из старых мадригалов и народных песен их эмоциональный тон, не подражая ни их рифмам, которые он употреблял изредка, ни их делению на строфы. В его стихах присутствует идиллическая Польша, милая, деревенская, даже если их действие происходит в декорациях города. Голос самого поэта, шепчущий, едва слышный, не похож ни на что из того, что можно услышать в западной поэзии, а поскольку он использовал скрытые созвучия, присущие одному только этому языку, то Чехович непереволим. Его стихи можно сравнить с камерной музыкой, которую делает волнующей контрапункт мрачных философских и метафизических проблем. Его сборники поэзии, в которых чувственные грёзы и поэтические мифы выражают его тревоги: «день как каждый день» (1930), «баллада с той стороны» (1932), «в молнии» (1934), «ничего больше» (1936), «человеческая нота» (1939; Чехович не пользовался ни заглавными буквами, ни знаками препинания), — можно включить в «катастрофическое» течение. Предчувствие всеобщей гибели и нависшей над ним собственной смерти бросает на его идиллические пейзажи особый свет. Он был убит бомбой в своем родном Люблине в возрасте всего лишь 36 лет.

Предисловие

(к книге: Юзеф Чехович. Стихотворения. [Варшава], ПИВ, 1997)

Я был свидетелем начала славы Юзефа Чеховича, длительного ее отлива после войны и возвращения поэта на принадлежащее ему место в каноне польской литературы. Для меня он до сих пор существует как человек, с которым мы были связаны дружбой и некоторое время вместе сидели и работали в одной и той же комнате отдела планирования программ Польского радио на площади Домбровского в Варшаве.

Когда говорят о межвоенной поэзии, ее принято делить на скамандритов и авангардистов, что несколько вводит в заблуждение. Ни в одну из этих групп (даже если применить довольно сомнительное понятие «второго авангарда») не уместятся такие замечательные поэты, как Адам Важек, Владислав Себыла, Анна Свиршинская и Константы Ильдефонс Галчинский. Их породила та польская магма, в которой постоянно что-то пускало ростки и главной чертой которой была нищета. Точно так же вне классификаций остается и Юзеф Чехович.

Сегодня трудно осознать, каким великим переворотом было появление в 1918 г. новых поэтов, названных вскоре — от названия журнала «Скамандр» — скамандритами, и как сильно на них нападали за стихи, которые сегодня кажутся нам старосветскими. Они возмущали профессоров и литературных критиков, привыкших к поэтике «Молодой Польши» и единственным «бардом» считавших Яна Каспровича. Тем более должна удивлять неприязнь «Скамандра» и союзных ему «Вядомостей литерацких» к младшему поколению, которое они обвиняли в восполнении отсутствия таланта так называемой современностью. Эта борьба поколений началась вместе с появлением дебютантов в конце 1920-х. Дата публикации первого сборника стихов Чеховича «Камень» (1927) здесь знаменательна. Знал ли Чехович, что так же назывался первый сборник стихов Осипа Мандельштама? Мог и не знать, хотя влияние русской поэзии на его ранние стихи весьма ощутимо. Есенин и Маковский — а не Мандельштам — считались тогда первыми поэтами. Отметим ради анекдота, что главным гонителем Чеховича в «Вядомостях литерацких» был ротмистр Кароль А. Заводзинский, сторонник метрической и рифмованной русской поэзии и ее «напевности». Другой поэтики он не признавал, а Чехович оскорблял его вкус своим разрывом с регулярным метром и (о, ужас!) тем, что начинал свои стихи с малой буквы.

Чеховича породила провинция и чисто польская бедность. К счастью, в родном Люблине он нашел друзей и даже начинал в коллективе, в группе, издававшей журнал «Рефлектор». Вообще дружба и опека людей, как-то уже устроенных, играла большую роль в его биографии. У него не было денег продолжать образование после учительской семинарии, и ему рано пришлось начать работать учителем, сначала в белорусской деревне Слободка, потом на Волыни и в Люблине, но его стихи заметили и ему помогли перебраться в Варшаву и поступить в Институт специальной педагогики.

Больше всего помогал ему известный в истории театра режиссер Вилиам Хожица. Должен напомнить, что политическое деление в Польше на пилсудчиков и «национальных» правых было крайне резким. Известно, что легионы Пилсудского были созданы вопреки мнению большинства, и затем это большинство впало в гнев, когда друг Пилсудского Габриэль Нарутович был избран президентом Речи Посполитой голосами социалистов и иноверцев. Этот гнев довел до убийства президента в 1922 году. Чехович сам был пилсудчиком, и к лагерю «санации» — а дело было как раз после [произведенного Пилсудским] майского переворота 1926 года — принадлежали его покровители. Юлиуш Каден-Бандровский, хроникер легионов, печатал Чеховича в своем «Глосе правды литерацком». Вилиам Хожица свел его с «Дрогой», редактором которой был теоретик «легионерского лагеря» Адам Скварчинский. При этом журнале было выпущено несколько сборников стихов поэта (тогда это было не так-то легко). Хожица раздобыл и какие-то деньги на поездку Чеховича во Францию, а затем поручил ему редактировать «Пьон», в общем поддерживавший «санацию».

Об этих политических связях Чеховича в ПНР не писали по понятным причинам. Признаюсь, впрочем, что и я, когда писал о Чеховиче, обошел стороной эти дружеские связи, ибо «санация» проиграла, подавшись после смерти Пилсудского как раз тому массовому нажиму, от какого отреклась некогда легионерская песня («Не хотим уж от вас признанья...»). Вдобавок поражение государства в 1939 г. бросало

Старый Люблин в фотографиях
Юзефа Чеховича

тень на все так называемое «правление полковников». Эта негативная оценка, на мой взгляд, преувеличена, и добросовестность заставляет напомнить, на чьей стороне был Чехович. В конце концов, «легионерский лагерь» представлял добрую волю интеллигенции, стремившейся к независимости до 1914 г., той интеллигенции, против которой стояла сила национальной инерции.

Мою дружбу с Чеховичем характеризовали восхищение и уважение к старшему поэту, который в нашей юмористической ложе присвоил себе титул Императора Энциклопедии, меня назначив Страшным Братом, то есть надзирателем, видимо по причине моего упрямства. Ни в его счастливый период на Повислье, когда его квартира в Доме польского учительства притягивала к себе поэтов из знаменитой общей комнаты на Дobreй, ни позднее, когда он жил на ул. Нарбутта, я не расспрашивал его о слишком личных делах, оставляя ему инициативу признаний. Его гомосексуализм в кругу друзей не подлежал обсуждению — все попросту принимали, что он живет со Стефанеком. Правда, в те времена такие сексуальные пристрастия нередко вызывали враждебность общественного мнения, и момент осознания своей инаковости, должно быть, был у него нелегким, но мы об этом никогда не говорили. Он не принадлежал к несносному роду «геев», которые без устали гонятся за новыми приключениями, и его моногамная связь никому не вредила. Не говорили мы с ним и о его любовных стихах, в которых фигурировали женщины. Зато он часто возвращался к своему клейму, наследственному заболеванию. Как я тогда понимал, это были последствия сифилиса у его предков, вроде бы угроза слепоты, но теперь я думаю, что больше всего он боялся сумасшествия. Что, пожалуй, важно, так это то, что в его поэзии есть не только интенсивное предчувствие катастрофы, войны и собственной смерти, ибо одновременно он сражался со своей судьбой изо дня в день, считая себя человеком заклеянным, постоянно на краю бездны. В соединении с его мягкостью и добродушным юмором это создавало особый ореол — как бы смирения и ласковой меланхолии. Тем не менее мы неплохо веселились в нашем кабинете на радио, где разгоняли скуку, сочиняя смешные стишки или выскакивая заложить за воротник в «Деликатесы» на Маршалковской (пожалуй, первое такое соединение гастронома и бара в Варшаве). Чехович, правда, был малопьющий, не могу себе его вообразить и с сигаретой — всегда вижу его с толстой искривленной трубкой.

Из польской провинциальной бедности он выбрался благодаря самообразованию и безудержному чтению. Его любознательность открывала всё новые явления и новых авторов. Он знал русский и украинский, позже особенно интересовался французской поэзией, хотя с французским языком был не в ладах. Он начал изучать английский и был, пожалуй, единственным литератором в Варшаве, который где-то достал «Критерион», элитарный журнал, издававшийся в Лондоне Т.С.Элиотом. Этого поэта он вдобавок переводил первым в Польше (если не считать профессора Вацлава Борового).

Я ценил его поэзию, потому что ее красота появлялась как-то вопреки логике и, я бы сказал, вопреки логике его развития как поэта. Я не очень-то понимаю, как могли родиться некоторые его стихотворения, те, которые можно назвать шедеврами. Хорошее мастерство обычно обеспечивает т.н. хороший уровень, но тут речь шла о чем-то большем, о дарах свыше, как будто для того, чтобы подтвердить тезис Томаса Манна о связи искусства с болезнью. Вероятно, поэтому вокруг Чеховича нарастала легенда, он становился, как говорят сегодня, культовым поэтом, которому подражало множество молодых, чьи имена ныне забыты.

Друзьям была известна амбиция Чеховича: возглавить атаки молодежи на бастионы «Скамандра» и «Вядомостей литератских». Он пробовал это с виленскими «Жагарами» и краковской «Линией», принимал участие в «Наезде Авангарда на Варшаву» в 1934 году. Как я уже упоминал, понятие авангарда было тогда довольно расплывчатым. Следовало искать другого названия для кристаллизующейся новой плеяды, в которой он сам был уже старейшиной. Это произошло, когда он вступил в союз с начинающим критиком Людвиком Фриде и они вместе основали журнал «Пюро». Фриде старался определить, что характеризует поэзию нового поколения, не вмещающегося в прежние рамки, и называл имена: Юзеф Чехович, Анна Свиршинская, Станислав Пентак, Чеслав Милош, Ежи Загурский, Александр Рымкевич. Вышел только один номер журнала. Это происходило уже перед самым сентябрем 1939 г., и весь тираж второго номера сгорел примерно тогда же, когда в люблинскую бомбежку 9 сентября погиб Юзеф Чехович.

О его поэзии много писали и много еще будут писать. Я сумел бы более или менее показать, откуда она вытекает, какие принимает притоки. Дело, однако, в том, что мне не особо хочется. В его творчестве я предпочел бы видеть драгоценную руду, из которой ему удалось выплавить и таинственным образом высечь несколько золотых предметов. И они будут жить так долго, как долго будет жить польский язык.

**Казимеж Анджей
Яворский**

СЕРГЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

У довоенной «Камены» было немало сочувствующих, которые своим бескорыстным сотрудничеством содействовали ее развитию и благодаря которым журнал выходил регулярно до самой войны. Но были среди них и те, кого связало с журналом нечто большее, чем сочувствие, те, кто был ей предан как настоящие друзья. Кроме соучредителя Зенона Васневского (что, разумеется, совершенно понятно) и моего старого друга Тадеуша Бохенского к ним принадлежал и один русский — проф. Сергей Кулаковский.

Сын профессора Киевского университета, он изучал славянскую и романо-германскую филологию в Киеве и Петербурге, потом преподавал на Педагогических курсах в Киеве, прежде чем стал там же ассистентом в университете и на высших курсах. Защитив в 1921 г. докторскую диссертацию, он получил место доцента в Московском университете. Повышал квалификацию в Лейпциге и Париже (в Сорбонне), а в 1926 г. стал доцентом кафедры русской литературы Свободного народного университета в Варшаве и преподавателем русского языка в Варшавском университете. В дальнейшем к этому прибавилось преподавание в Высшем коммерческом училище, Школе политических наук и в Политехническом институте. После войны Кулаковский был доцентом Лодзинского университета, в Лодзи он и скончался в 1949 году.

Две пачки, почти 140 писем, — плод многолетней переписки между мной и Сергеем Кулаковским. С польской поэзией в Варшаве он встречался уже давно, особенно близок был к группе «Квадрига». Станислав Рышард Добровольский даже посвятил ему вакхическое стихотворение «Призыв поэта к Сергиушу Кулаковскому» с выразительной концовкой: «Нынче, прежде чем уснем, выпьем еще раз с ними — Сергиуш! нет ничего лучше мая! Сергиуш! такой Варшавы не найдешь на всей земле» [перевод дословный], а в шуточной вийоновской балладе перед уходом в армию, «прощаясь с покидаемыми друзьями», рядом с Константы и Малишевским поэт называет и «Сергея». Здесь, в Варшаве, из-под пера Кулаковского вышел сборник «Современные польские поэты» (см. «Новая Польша, 2005, №5 — ред.), опубликованный берлинским издательством «Петрополис» в 1929 году. Его статьи, характеризующие отдельные «школы» и поэтов и иллюстрированные переводами Михала Хороманского (да, да, [начинавшего как русский поэт и ставшего польским прозаиком] Михала Хороманского, автора «Белых братьев» и «Ревности и медицины»), которому он в этой книге уступил место как переводчик, свидетельствуют о хорошем знании современной польской поэзии. Не только, впрочем, современной, что доказывает изданная в 1930 г. тем же «Петрополисом» и посвященная академику Ф.Ф.Зелинскому книжечка «Ян Кохановский», содержащая статью о поэте и несколько переводов его стихов (три фразы [эпиграммы] и два трена, которые переводчик [совершенно верно] назвал «плачами»)).

В «Камене» Кулаковский впервые выступил в №7 со статьей о Максимилиане Волошине, а в 10-м, мицкевичевском номере я поместил его переводы на русский язык отрывков из «Книг паломничества»; с тех пор он часто печатал в журнале статьи о русской поэзии (последней, уже в 1946 г., была статья «Три любви Александра Блока»).

Много лет спустя я перечитывал его письма с настоящим волнением. Мы начали переписываться по-польски, но вскоре по моей просьбе перешли на русский. Для меня это было хорошей тренировкой. Я просил его отмечать ошибки в моем русском, но он (видимо, из вежливости) заверял меня, что я пишу совершенно правильно. Много пользы вынес я из этой переписки, так как его частые и обширные письма (к сожалению, написанные крайне неразборчивым почерком) изобиловали множеством любопытных подробностей, касавшихся как его собственной жизни, так и литературы. Прошло уже много лет с тех пор, как он их писал, и не будет нескромным привести здесь интересные отрывки из

них*, а он был со мной исключительно откровенен. В сентябре 1935 г., не предвидя, что предсказанное им в шутку может сбыться (хоть и несколько иначе), Кулаковский писал: «Я рассчитываю, что если Вы станете предметом исследований какого-нибудь ученого в 1979-80 году, то он не издаст моих писем, если бы они сохранились в архиве. Ибо «что в имени тебе моем...», как сказал Пушкин, обращаясь в Одессе к гр. К.А.Собаньской».

В связи с планируемым мною номером «Камены», посвященным Татрам, он вспоминал (14 окт. 1934) свое детство: «Я понимаю Вашу любовь к горам. Помню Кавказ. Дикость. Суровость. Недоступность. В дикой долине у нас была фантастическая вилла с 500-летними каштанами и ореховыми деревьями, куда медведи приходили среди бела дня, чтобы отрясать груши, посаженные при Николае I черкесами, которые о Николае I, конечно, не имели понятия. Как раз в тех краях сражались А.И.Одоевский и А.А.Бестужев-Марлинский. Этим великолепием восхищался В.И.Иванов (знаете — поэт и переводчик, маэстро и маг, который учил многих и воспитал Мих. Кузмина). Он спорил с моим отцом, переводя Эсхила за нашим письменным столом из цельного ореха, которому тоже было 200-300 лет. Воистину фантастическое тогда там было окружение. (...) Отец мой, серьезный ученый, известный во всей Европе (да и в Америке), отдыхал там, выращивая в настоящей чаще персики и груши (для винограда — слишком высоко). Все это было первобытное и нетронутое, как во времена Алексея Михайловича, московского царя, который установил разумные отношения с Европой».

Замечания Кулаковского о поэтах сочны, лапидарны, иногда язвительны (он писал о Цветаевой, Гумилеве, Ахматовой, Пастернаке, с которым дружил, Маяковском, Есенине, молодых эмигрантских поэтах). Его любимые поэты — Анненский, Блок, Мандельштам, Волошин, Гумилев. О некоторых он пишет так (8 марта 1935): «Поэт этот (речь идет об Анненском — *прим. мое*) выражается по-своему и говорит свое. Нельзя в таком интимном и простом языке, каков он всегда у Анненского, отыскивать простоту Ахматовой, а в его пафосе — пафос Мандельштама. Но интонационность разговорного языка Анненского несомненно открыла русской лирике новые возможности. А за ними начал заикаться Пастернак с надсознательной мудростью музыканта. И когда другие надели на себя фрак Гумилева, желтую кофту Маяковского, пиджак Пастернака, оказалось, что одежда сидит не слишком хорошо. Кто-то там перешил одежду, как Сельвинский, притом довольно неплохо. Но «великая поэзия» и «великое искусство» той эпохи не вернулись, а под рубашкой, фраком или пиджаком явилось тело живого человека, который сразу обнажил свою растерянную душу. Тогда начали кричать об идейности, но поэзия ее не выносит и считает (не совсем справедливо) варварством. Вот несколько мыслей о постсимволическом периоде русской поэзии 1910-1925...» Эмигрантских поэтов он упрекает в чрезмерной партийности: «Среди эмигрантов или, если Вы предпочитаете, зарубежников был действительно выдающийся — Диксон, но он умер несколько лет назад». «Ходасевич (12 апр. 1935) — это человек неимоверно педантичный, смотрит исподлобья и потому ценит интерес к своей особе. Пошлю ему экземпляр с письмом; это тоже реклама для «Камены»».

Именно от Кулаковского я узнал, что не я первый изобрел название журнала «Камена»: под тем же названием в 1919 г. в Харькове вышел один номер журнала под редакцией Георгия Шенгели, третьестепенного постсимволиста. Кулаковский же пересказал мне в 1935 г. разговор с неким Фефербергом, поставщиком журналов и книг, повторившим слова профессора Бенешича о «Камене»: «Можно читать только «Вядомости литератке» и вашу (т.е. Кулаковского) «обожаемую» «Камену»». А она была для Кулаковского действительно «обожаемой»: ««Камена» мила мне как крепкий кораблик на бушующем море» (19 ноября 1934). «Ваша «Камена» — дело героическое, и важнее всего, что Вы вкладываете в нее сердце. А без сердца ничто не движется. Так говаривал 20 лет назад один профессор философии, повторял и я, а Осип Мандельштам много лет спустя прекрасно написал: «И море, и Гомер — все движется любовью»» (7 февр. 1935). «Хочу Вас еще раз заверить, что «Камену» я очень люблю, а также предпочитаю ее многим достойным журналам (не терплю достоинства и снобизма, который свидетельствует о «парвеню» — *«intrus dans tous les cas [втируша во всех случаях]»*)» (12 февр. 1935). «Вас

* Отрывки из писем Сергея Кулаковского приводятся в переводе с польского: оригиналы (написанные, как можно понять из очерка, большей частью по-русски) нам недоступны. — *Пер.*

удивляет, что я так рвусь писать в «Камену», снова хочу сказать, что Вы (тут комплименты по моему адресу — *прим. мое*) и Ваша «Камена» талантливы и скромны. В этом есть такое благородство, такой аристократизм (не в истертом значении этого слова), что Вы привлекли к себе уже многих, и многие еще придут (...) Кроме того, «Камена» культурна. Это редкость в наше время» (2 марта 1935).

Как радовался этот друг «Камены», услышав какое-нибудь лестное мнение о ней, особенно если хвалил серьезный человек! Тогда он с радостью сообщал мне: «После двух лет перерыва в переписке получил открытку от библиографа, знатока и редактора собрания сочинений Блока (с его женой я в течение этого времени переписывался); этот Д.М.П. получил теперь ряд материалов, которые я послал его жене; он меня благодарит, но прежде всего за мицкевичевский номер «Камены»; открытка (...) из Архангельска, где он находится в ссылке. Выходит, Вас «знают даже в краю эскимосов, лопарей и чукчей»» (12 февр. 1935) — так шутливо он заканчивает свое сообщение. Или: «Дочь Ф.Ф.Зелинского Вероника, любительница символистов, прочитала моего Блока (речь идет о статье Кулаковского — *прим. мое*) и переводы; очень хвалила; Ф.Ф., узнав, что «Камена» выходит (а он помнил ее с прошлого года; удивительно, что он узнал — он, у которого столько работы и такие горы присылаемых книг), похвалил и пожелал «этому культурному журналу» расцвета».

Желая, чтобы о «Камене» знали как можно больше, Кулаковский в многочисленных письмах неустанно добивался, чтобы ему присылали несколько, даже, может, полтора-два десятка экземпляров одного и того же номера, чтобы раздавать членам Академии литературы (Серошевскому и Зелинскому), профессору Шоберу или отправлять в Советский Союз — в музей Блока, Д.М.Пимесу в Архангельск, Ремизову и другим на Запад. Он был в самом деле «послом» «Камены» в Варшаве.

А как часто я получал от него удачные советы, как часто помогал он мне, посылая нужные материалы или свои статьи! Это его заслуга, что на второй год выхода «Камены» я отметил столетие первого издания финской «Калевалы» и 85-летие со дня смерти Фельмана, эстонского собирателя песен и преданий, составивших национальный эпос «Калевипоэг». И на следующий год он помогал мне иллюстрировать свою статью о латышских поэтах переводами, прислав маленькую антологию латышской поэзии в переводах на французский.

О том, как бескорыстно был он предан журналу, свидетельствуют и такие волнующие моменты, как например тот, что описан в письме 1935 года: «Я так перетрудился, что как раз когда писал статью для Вас, плохо себя почувствовал, позвал соседей на помощь и упал в обморок (...) Написал половину статьи, которую не кончил. Уверяю Вас, мне крайне неприятно, и я неловко чувствую себя перед Вами, но, пожалуй, сил уже не хватит». А в другой раз, желая вовремя прислать другую статью, он, закончив ее в пол-одиннадцатого вечера, поехал на такси на Восточный вокзал, чтобы бросить в почтовый вагон за десять минут до отхода поезда на Хелм.

Узнав о финансовых затруднениях издательства и желая как-то прийти на помощь, он писал в марте 1935 года: «Меня беспокоит Ваш пессимизм относительно будущего «Камены». — Неужели такой нужный и серьезный журнал должен угаснуть? У меня, к счастью, есть еще один комплект за прошлый год. Если бы Вы могли прислать мне шесть номеров этого года, я бы занес это *лично* Серошевскому (президенту Академии литературы) и попросил его прийти на помощь. (Сколько нужно — 100 злотых в месяц?) Поскольку журнал известен и имеет значение, может быть, что-то удалось бы. А кроме того, еще заинтересованность «регионализмом». Кроме того, я поговорил бы с Каден-Бандровским, Зелинским, Налковской — членами Академии, и Стаффа стоило бы «завоевать». За успех не ручаюсь, но купить не купить, а поторговаться можно. Дело *предложил бы от себя лично*». В это время я получил пособие из люблинского Союза культурного труда, и по моей просьбе Кулаковский оставил свое намерение.

Нелегко жил Сергей Юлианович — такой близкий мне человек, хоть виделись мы только раз в Варшаве. Одиноким, чуждым, единственным обществом в его холостяцком скиту был его любимый кот Пус, о котором он иногда упоминал в письмах, в шутку называя его своим «незаконнорожденным сыном». Он постоянно, особенно после 1938 г., беспокоился о судьбе брата: «В декабре он исчез, т.е. его нет в предыдущем месте, известий не получаю ни от него, ни от кого другого. Это очень странный человек, ему 41 год и душа ребенка, он очень упрям в отношении каждой своей мысли и придуманных

предположений (...), вытащить его я в свое время не мог, так как он защищался руками и ногами. И никакие разумные доводы, мои и других людей, которые там находились, не могли помочь. Поэтому мое положение по отношению к нему всегда было такое, что выхода не было — лопни... умри... ничем не поможешь. Вот почему его исчезновение, которое он предвидел всю осень, привело меня в отчаяние». А годом позже Кулаковский писал: «Вы спрашиваете о моем брате (...). Я так ценю Ваши слова, Ваши чувства ко мне. Доходили известия от декабря-января, что он находится в доме инвалидов в Архангельской области. Из всех, кто там живет, этот от рождения больной человек мне по крови ближе всех и потому единственный. За этот вопрос обнимаю Вас».

Несколько лет Кулаковский работал над книгой «50 лет русской литературы (1884-1934)», которую с трудом удалось издать перед самым началом войны у Гёзика, и на каких условиях! — гонорара никакого, 400 злотых он сам заплатил за корректуру, а экземпляры (авторских он не получил) был вынужден покупать по десять злотых... Борясь с финансовыми трудностями, под влиянием разных неприятностей и одиночества, а может, и ища утешения в рюмке, он нередко впадал в крайний пессимизм. «А знаете ли Вы, — писал он мне 15 января 1935 г., — иногда я верю в то, что есть люди, которые (уже от рождения) носят какой-то мрак в своей душе, мрак, которым дают других и пригнетают к земле. Тогда жизнь становится страшной, а когда еще наступит ряд неприятных обстоятельств, то под ногами открывается какая-то пропасть».

После войны жизнь Кулаковского стала еще тяжелее. Совершенно обнищавший, лишившийся после Варшавского восстания всех своих книг, он наконец осел в Лодзи доцентом местного университета. Попросту из ничего он создавал кафедру русского языка и литературы, собирая для нее богатую библиотеку. Он восхищался молодежью. «У меня бывает слушателей от ста до двухсот человек — и все такие хорошие, такие умные. Чересчур заумным я иногда показываю их дурость. И помогает». Работы у него было множество, потому что кроме университетских лекций — курсы русского языка во всех высших учебных заведениях, организация учительских курсов, участие в экзаменационных комиссиях. В Лодзи он чувствовал себя очень одиноко. Случались с ним неприятности, притом устроенные людьми, которые многим были ему обязаны, а теперь заболели манией величия: «Как много моих бывших друзей стали теперь великими и забыли о бывшей дружбе». О некоторых из них он говорил весьма горько и в своей чрезмерной чувствительности, может быть, судил их не всегда справедливо. «Работы у меня было, есть и будет множество, но самое неприятное — здешние провинциальные настроения и бесконечные сплетни. Иногда я чувствую себя как будто в эпоху Салтыкова-Щедрина в Вятке, где он был в ссылке и которую называет Крутогорском».

Единственным человеком, с которым он тогда охотно общался, но встречался только за обедом, был профессор Улашин — «лучший польский лингвист, глухой, очаровательный. Ему 73 года, в Киеве он был слушателем моего отца, когда мне было всего четыре года. Он в положении, подобном моему: «умираю — и умереть не могу». С ним есть о чем поговорить».

А здоровье все больше отказывало Кулаковскому. Он сломал руку, мучился болями желудка — и физически, и психически чувствовал себя все хуже. «Я еще жив, но чую, что смерть близка. Восстание и все, что было после него, убило меня». «В связи со смертью Блока (тогда он писал о Блоке — *прим. мое*) и Гумилева вспомнились мне былые годы, такие богатые культурными переживаниями, вспомнил множество друзей из разных кругов, потерю своего культурного достоинства — и снова неотлучная мысль о смерти, снова не хочется писать, снова бесцельность существования. Так днем и ночью. Полный мрак. В душе хаос. (...) Со здоровьем моим все хуже. Жизнь в норе, которая называется номером 42 гостиницы «Монополь», — это не жизнь, только ночлег. Никакой опеки... Из-за недостатка сил и времени ни с кем не живу. Впрочем, и неохота».

Это гнетущее настроение слегка поправилось, когда профессор нашел комнату у своей университетской ассистентки. Она окружила его заботой, и он чувствовал себя не таким одиноким. Несколько укупила и его и поездка в Поляницу.

В январе 1949 г. Кулаковский заболел воспалением легких. Еще в последнем письме ко мне он нашел сердечные слова о «Камене»: «...до войны она была Вашим героическим начинанием, а теперь она Ваше героическое детище».

В марте того же года я получил от студентки Кулаковского известие о его кончине. Два месяца он пролежал в больнице. Врачи диагностировали туберкулез, плеврит и воспаление желчного пузыря. В согласии с его желанием останки были перевезены в Варшаву и погребены на православном кладбище в районе Воля. На похороны пришли... шесть человек, в том числе ректор Тадеуш Котарбинский.

Последнее письмо Сергея Юлиановича ко мне кончалось словами: «Не забывайте обо мне». Нет, я не забываю этого хрупкого, доброго и несчастливого человека, преданного друга «Камены». От него остались десятки писем и два стихотворения. Одно начинается словами:

*Впредь хочу в страну я без названья,
Где только слово: умереть...*

Второе — экспромт на возобновление «Камены», когда начался седьмой год ее издания:

*Хвала вам, девяти Каменам,
Но на седьмой ты начал. Что ж?
Ведь шесть прошли. И переменам
Подвластен мир, что так похож*

*На блеск иных миров, играя
В созвездьях пышного огня.
И вот — Олимп (преддверье рая);
Амброзия летит звеня.*

*А вы, мой друг, подставьте чаши
И лейте хладную, как лёд,
Амброзию за счастье наше
И за Орла, его прилёт,*

*Который клетком тревожным
Пробудит мир. И на века
Создаст и чудо так возможным.
Что перейдёт веков тоска.*

Это единственное стихотворение, целиком посвященное «Камене» — и написанное по-русски.

Глава из книги «В кругу Камены». Люблин, Люблинское изд-во, 1965

Казимеж Анджей Яворский (1897-1973) во время I Мировой войны жил в Сумах и Харькове. Вернувшись в Польшу, изучал польскую филологию в Люблинском католическом университете, по окончании которого работал учителем. В Хелме, где он жил, в 1933 г. основал ежемесячный журнал «Камена», регулярно выходивший до 1939 г. и ставший одним из ведущих в Польше литературных журналов. Во время немецкой оккупации вел подпольное преподавание, затем был арестован и отправлен в Заксенхаузен. После войны возобновил издание «Камены». Автор нескольких сборников стихотворений (в основном до 1939), трех томов воспоминаний. Высоко ценился как переводчик чешской, украинской, белорусской и особенно русской литературы. Переводил, в частности, стихи Александра Блока, Вячеслава Иванова, Сергея Есенина, прозу Тургенева и Паустовского и «Былое и думы» Герцена.

Оля Хшановская

Перевод
Натали Горбаневской

ЧАЙ НА ВЕРАНДЕ

Она плакала всю ночь.

Ей говорили, что он легко ранен в голову, что его повезли в больницу. Обещали, что все будет хорошо. Велели остаться с перепуганными детьми в доме дядьки.

Она молилась всю ночь. За его жизнь. Не для себя. Для детей.

Утром она увидела, как открывают настежь ворота. Завыла. Это знак, что умер кто-то из родных. Она с самого начала чувствовала, что ей не говорят правду.

В тот вечер они сидели на веранде и пили чай.

Была середина лета, жаркие дни, полные работы. Раиса обихаживала корову и кур, смотрела за огородом, который позволял накормить всю семью. Саид был строитель. В Чечне, разрушенной двумя войнами, он не жаловался на нехватку работы.

Выходил он обычно рано, возвращался к вечеру и еще упрямо помогал ей по хозяйству. Вначале она пробовала не соглашаться: что люди скажут? Какой уважающий себя мужчина помогает жене в домашней работе? Но он не обращал на это внимания. Неважно, что скажут люди. Она — вот что важно.

И она привыкла. И к тому, что вопреки семейным обычаям, на рассвете он часто вскакивал первым, разжигал печь и подавал ей чай. И к тому, что при родителях и приятелях позволял себе нежности с детьми. Баловал и двухлетнюю Макку, и грудного Саида-Магомеда. Рассказывал всякие истории и ладонями отбивал ритм чеченской народной пляски. Дети смеялись и подпрыгивали в такт.

Больше всего она любила эти летние вечера. Они пили чай и строили планы на будущее.

Саид был способен рассказывать целыми ночами. Особенно когда чувствовал, что она беспокойна. Он умел заговорить любой ее страх. Всё превращал в шутку. Как будто вокруг не было никакой войны.

Он был ей больше чем мужем — он был ее лучшим другом. Такое нечасто случается.

Они поженились под Новый год уже во вторую чеченскую. Поздно — ей было почти двадцать семь.

Раньше она была безумно влюблена в другого парня. Писала ему стихи по-чеченски. Они собирались жить вместе. Тогда-то она и познакомилась с Саидом. Он просил ее выйти за него замуж. Никогда, подумала она.

Началась вторая война, и ее жених пошел воевать. Он погиб в первые недели войны. Она не могла прийти в себя. Ей хотелось быть такой, как героиня ее любимого предания, одного из тех, что изустно передаются из поколения в поколение, но она не нашла в себе сил.

Эта история рассказывает о древних временах — уже тогда предки Раисы воевали с захватчиком за независимость Чечни. Один юноша женился на своей избраннице, а на следующий день героически погиб, защищая жителей своего аула, окруженного отрядами врага. Молодая вдова не позволила себе отчаиваться. Она остригла волосы, переделалась в мужское платье, села на коня и во главе сформированного ею отряда еще долго, пока не погибла героически, наносила врагу мощные удары.

Раису парализовала не только боль о потере любимого. Вторая чеченская война оказалась не такой, как первая. Не такой благородной. Размылись границы между борцами за свободу и бандитскими группами, жаждущими власти и воюющими друг с другом. Иногда оказывая услуги федеральным властям. Она не хотела жертвовать собой ради недостойного дела. И не надела пояс шахидки.

Тогда снова появился Саид. Снова попросил ее выйти за него. Она себе не представляла, что могла бы еще кого-то полюбить, и сказала ему это. Он не настаивал. Не пытался похитить ее. Приходил изредка и предлагал — жизнь. Она к нему привязалась. И со временем поняла, что никогда раньше на самом деле не любила.

В тот вечер они сидели на веранде и пили чай. Уже несколько дней было довольно спокойно. Иногда издали доносились отголоски выстрелов, но к этому они за десять лет войны привыкли. Перестали их слышать.

Саид во вторую войну не воевал. Он не хотел убивать. Даже во имя независимости своего народа. Он предпочитал строить. Сам построил их дом на развалинах своего родного дома в Чечен-Ауле. Все в нем еще пахло свежестью, когда он привез Раису из Атагов. В хозяйстве немедленно завелись бездомные кошки, Саид лнул ко всему живому.

Их дом стоял на краю аула. Поэтому они чаще других подвергались нападкам российских солдат. Во время «зачисток» не имеет значения, где стоит дом или даже живут ли в нем молодые мужчины. Под видом облавы на партизан федеральные наемники прочесывают каждый уголок каждого хозяйства, грабя все, что представляет для них малейшую ценность, и уничтожая то, что ценно для жителей. Бьют, унижают, под любым предлогом похищают мужчин и женщин, а в лучшем случае требуют выкупа за то, что не похитили их, не сожгли корову, не взорвали машину, не изнасиловали жену, сестру или дочь.

Их дом стоял на краю аула, и оголодавшие федералы являлись к ним независимо от «зачисток», перетрясали копилку, приказывали доставать для них выпивку, в неизысканных выражениях оценивали красоту Раисы, не воздерживаясь даже тогда, когда она была совсем на сносях. Когда были очень пьяные или находили меньше запасов, били Саида.

За два месяца до того вечера они избили его до потери сознания, когда он по дороге домой заступил за ребенка, над которым они измывались. Били Саида прикладами по голове, по почкам, топтали тяжелыми армейскими сапогами. Она его еле спасла. В больницу везти не могла: если бы они узнали, могли бы вернуться и добить. Три ночи приходил дружелюбно настроенный врач, потом она сама его перевязывала. Саид был сильный и здоровый. Выкарабкался.

В тот вечер они сидели на веранде и пили чай. Вдруг раздались шаги, и на крыльцо вошел сосед. Манас был начальником местной промосковской милиции. Своих в милицейской форме чеченцы боялись обычно еще больше, чем русских. О Манасе, однако, говорили, что он помогает землякам. Он вычеркивал некоторые фамилии из списков на розыск, предупреждал о «зачистках».

Манас пришел попросить Саида возвести ему крышу в новом доме. По кавказскому обычаю Раиса пригласила его зайти на чай. Вынесла мужчинам чай и угощение и пошла укладывать Макку. И задремала возле нее. Разбудил ее плач сынишки. Она вынула его из кровати и пыталась успокоить, но мальчик заходился плачем все громче. Саид позвал с веранды, чтобы Раиса принесла ребенка. Саид-Магомед утих, как только оказался на руках у отца.

«Прочти ему молитву!» — сказал Саид, отдавая ребенка матери. Это были последние слова, которые он сказал Раисе.

Она уложила мальчика. Услышала, что Манас прощается. Встала и вышла на порог, чтобы по обычаю проститься с гостем.

Мужчины были уже возле машины. Тогда раздались первые выстрелы. Она кинулась с крыльца к Саиду. «Вернись! Дети!» — крикнул он. Она опомнилась и бросилась обратно. Открытое окно спальни выходило на улицу. Раиса схватила детей и спряталась с ними в углу комнаты, где окна выходили в сторону аула.

Стрельба тянулась добрых два часа. Явилось, должно быть, много народу. Манас был до зубов вооружен и яростно защищался. Она понимала, что пришли за ним. Только не знала, кто они — партизаны, устроившие самосуд предателю, или русские солдаты, которые раньше или позже избавлялись от тех, кто свое отслужил и слишком много знал. Но Саид? Обычай предписывал защищать гостя до последней капли крови — будь то друг или враг.

Пытаясь перекричать хаос, она звала на помощь соседей. Те прибежали, когда все уже утихло. К мужу подойти ей не позволили. Не хотели, чтобы она увидела изувеченное тело. Сказали, что Саид легко ранен, что его отвезут в больницу. Силой отвели ее в дом дядьки.

Она плакала всю ночь.

И по сей день плачет.

Малгожата Барановская

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ МАРИЯ ЯНИОН

Профессор Мария Янион хочет описать мир не таким, каков он есть, а воспринятым заново через романтизм. Вдобавок она прирожденная учительница. Своих учеников она хотела бы научить их собственному пути в мир. Не за границу, а в не имеющий границ мир человеческого духа.

Сегодня виден невероятный масштаб ее трудов, которые составляют целую библиотеку. Сегодня повсюду встречаешь ее учеников — профессоров, писателей, литературных критиков и массу учителей. Некоторые люди подходят к ней, чтобы спросить, как она этого добилась. Как она заработала авторитет, как заинтересовала и привлекла столько людей к литературе как науке и как сути жизни? Да только ответа не существует. Такого не запланируешь, такому не сможешь подражать. Надо родиться с такой неисчерпаемой жизненной силой и необычайной страстью.

Этот великий разгон, который толкает ее создавать всё новые и новые произведения, обновлять значения и трудиться не покладая рук, характеризовал ее, пожалуй, с детства. Сохранились ее тетрадки военного времени, куда она примерно с 12 до 16 лет записывала прочитанные книги. Известно, что этих книг набралось 1039 — вся мировая и польская классика из богатой виленской библиотеки. Мария Янион, как всегда, стремилась к совершенству.

Профессор отличается чрезвычайной готовностью к диалогу. Она помогает студентам кристаллизовать не ее, а их собственные взгляды. Помню, профессор Малгожата Черминская, учившаяся у Марии Янион в Гданьском университете, сказала мне: «Ты не знаешь, о чем ты думаешь. Спроси у Учителя». Интересно, что множество людей считают себя ее учениками, хотя формально таковыми не были.

Ученики ее слушают, но и она слушает учеников. Будучи специалистом по XIX веку, Мария Янион живо участвует в жизни XX-XXI веков: ориентируется в поп-культуре, в музыке, включая новые тренды, прекрасно знает кино и пишет о нем, знает студенческие моды разных годов поступления и хорошо знает альтернативные течения. При этом Мария Янион — одна из главных фигур польского феминизма. Ее истолкование романтизма всегда обращено к нашей современности, к ее романтической, но и антиромантической линии, представленной, например, творчеством Тадеуша Ружевича или Мирона Бялошевского.

Занятие специфической герменевтикой привело ее к изучению существования. Перед лицом ее трагического мировоззрения, изложенного, например, в книге «Живя, мы утрачиваем жизнь» (2001), мы стоим пораженные. Но та же книга кому-то может принести катарсис. А ведь мы не того ждем от книги о литературе.

Янион утверждает, что ее узкая научная специальность — польская поэзия на родине в 1831-1863 гг., то есть поэзия «малых романтиков», таких как Винцентий Поль, Теофиль Ленартович, Роман Зморский. Их стихи — своего рода патриотический песенник, богатым фоном которого был польский пейзаж. По мнению Марии Янион, в основе научного развития лежит добросовестная специализация в какой-то хорошо очерченной области. У меня об этой специализации есть как нельзя более романтическое воспоминание. Вместе с профессором Марией Жмигродской, приятельницей Марии Янион, мы втроем поехали в Черск. Жмигродская — соавтор Янион по книгам «Романтизм и история» (1978, 2001) и «Романтизм и существование» (2005). Об авторах и героях романтизма они разговаривали, как о хороших знакомых. По дороге обе Марии укоряли сами себя и меня: эти каких-нибудь тридцать километров от Варшавы нам следовало бы пройти пешком, как ходили романтики. Однако и на маленьком

«Фиате» тоже удалось добраться. В Черске мы сначала забрались на крутой склон у подножия замка. Вовсю шелестели желтые и коричневые листья, так как мы оказались среди деревьев. На склоне я видела двух достопочтенных дам, одну из них (Жмигродскую) замечательно рыжую. Я чувствовала, что съезжаю по листьям, но профессор Янион достала маленький, изданный в XIX веке томик в красной обложке и начала читать нам «На руинах замка в Черске» Романа Зморского. Довольно быстро мы сменили склон на внутренний двор замка и там выслушали окончание поэмы, глядя сверху на великолепный пейзаж. Волшебный день. Никогда не забуду того, что тогда происходило.

У каждого читателя книг Марии Янион есть среди них любимые. Для очень многих крайне важной стала серия «Трансгрессии» (1981-1988) — плод гданьских семинаров, всегда под редакцией Янион и одного из участников семинара. По тем временам это было нечто неслыханное, да и сегодня нет ничего подобного. Это, собственно говоря, новый жанр, соединение дискуссий на семинаре с цитатами и произведениями, связанными с темой семинара по польской и всемирной литературе, притом с фантастическими подобранными иллюстрациями — репродукциями живописи, фотографиями. Отдельные тома — это «Каторжники эмоциональности», «Отщепенцы», «Лица», «Маски», «Дети». Читатели того времени были зачарованы этими книгами и картиной семинара, которого нигде кроме Гданьска нельзя было себе представить. Какие удивительные это были темы на фоне серого, хотя тоже драматичного тогдашнего социализма. Изучение вещей, не вмещающихся в голову, трансгрессий, людей, оцениваемых как «иные», обсуждение экстремальных ситуаций, таких как смерть, безумие или охота на демонов и вампиров, рассмотрение границы между высоким искусством и китчем, истолкование литературных грёз — всё это никак не помешало студентам Янион очень быстро оказаться на Гданьской судоверфи, в самой гуще августовских событий 1980 года. Они знали, что такое свобода. Обученные с пониманием относиться к индивидуализму, они не сталкивались с особыми трудностями, когда нужно было делать выбор; были они обучены и мышлению в рамках общественных категорий, которого Янион не избегает, всегда оказываясь в центре событий.

Сегодня Мария Янион ведет в Варшаве семинар, куда, собственно говоря, любой может прийти. Там появляются бунтующие художники и художественные критики, иногда ученые-нефилологи, люди разного возраста. Все ведут себя так, будто с уважаемым и близким им учителем прохаживаются под колоннадой форума, где некогда прохаживались античные мыслители. Они чувствуют, что происходит нечто важное. Сложилась уже и варшавская легенда о семинарах Марии Янион.

Никто из филологов так сильно не затронул воображение целых поколений. В конце концов, все ее творчество можно назвать историей воображения. Никто не умеет, идя от истории литературы или истории идей, охватить своими истолкованиями такое огромное пространство. Чем бы ни занималась Янион, это всегда превращается в пульсирующую жизнью современность.

Всю жизнь она работает в Институте литературных исследований Польской АН. Недавно мы праздновали восьмидесятилетие профессора. Она сформировала новую школу изучения романтизма. Указала новые пути и темы гуманитарных наук. За это Мария Янион награждена, в частности, Большой премией польского Фонда культуры за 1999 г., премией нью-йоркского Фонда А.Южиковского (1980). В 1994 г. она стала доктором *honoris causa* Гданьского университета.

В своей увлекательной новой книге «Необычайный славянский мир» (2006) Мария Янион на основе произведений романтиков дает истолкование разделения славянского мира на восточный и западный. Ограничивая христианские традиции латинским обрядом, мы обедняем их. Автор полагает, что комплексы польской неполноценности и сверхценности, истоки которых она находит в том, что славянское развитие шло двумя путями, можно лечить сознанием того, кто мы есть. А Польша — одновременно и Восток, и Запад. Разве это не современность? А о чем мы думаем после того, как для нас открылась Европа?

Что сыграло решающую роль в том, что Мария Янион стала такой, какова она есть? Не только вышеперечисленные черты, но прежде всего ее очень сильная личность. Это личность харизматическая. Это человек, крайне живо на всё откликающийся. Люди, подпавшие под влияние этой личности, не раз видели, как совершенно спокойно сидящая Мария Янион вдруг вдохновленная какой-то идеей, становилась захватывающим существом. «Захваченные» ею навсегда останутся ее учениками.

**Александр
Качоровский**

СТРАХИ НА ЛЯХОВ

«Необычайный славянский мир» Марии Янион

— пример того, как полякам не надо лечиться от комплексов

Мы уже тысячу лет европейская нация, а Польша, можно считать, — часть Запада. Чего ж нас мучат комплексы перед западноевропейцами, и чего ж мы по-прежнему вынуждены гнаться за ними? Популярный ответ звучит так: из-за москалей! Мало того, что они угнетали нас в эпоху разделов и топили восстания в крови, вдобавок они еще внушали нам вслед за Пушкиным, что наше известное соперничество — это заурядный «спор славян между собою, домашний старый спор». Ничего удивительного, что славянский мир вызывает у нас не самые приятные ассоциации. Новая книга Марии Янион «Необычайный славянский мир» в значительной мере представляет собой попытку подорвать эти стереотипы.

По мнению автора, выдающего знатока польского романтизма, нам, чтобы освободиться от мучающего нас комплекса неполноценности перед Западом, надо прежде всего перестать втолковывать себе и другим, что у нас нет ничего общего с Востоком. Открыть в поляке славянина, а в русском — европейца.

Трудность состоит в том, что в нашем мышлении слово «Европа» почти тождественно Западу, а Россию признать частью Запада невозможно. Пришлось бы отвергнуть мышление в категориях Восток—Запад, а польское мышление о России (и о Польше) опирается на эту дихотомию. Янион доказывает это, подвергая критическому анализу «Империю» Рышарда Капустинского. По ее мнению, эта книга выдающегося репортера — замечательный пример метода «ориентализации» России, используемого в Польше на протяжении многих поколений, то есть такого ее описания, которое доказывает, что эта страна полностью отличается от Запада (Янион ссылается на известную работу Эдварда Саида «Ориентализм»). Польские авторы всегда, даже имея самые лучшие намерения, все равно придут к выводу, что «умом Россию не понять» (а значит, для верности лучше держать ее на расстоянии).

Капустинскому достается за то, что он поддался антироссийским стереотипам. Тот же упрек ставит Янион концепции Центральной Европы. По ее мнению, эта концепция консервирует самые худшие навыки нашего мышления: русофобию и обычно вытекающее из нее чувство культурной и цивилизационной неполноценности по отношению к Западу. Оно выражается в том, что на первый план мы выдвигаем черты, которые должны свидетельствовать о нашей укорененности в Европе (например, польскую барочную архитектуру, неизвестную в России), и замалчиваем любые восточные элементы (такие, как православные церкви на территории Польши). Между тем в глазах Запада мы недостаточно — и никогда не будем достаточно — западны по той простой причине, что мы славяне, как и русские. По той же причине мы никогда не будем достаточно западными и в глазах русских — настолько, чтобы они соизволили принять нас за настоящих европейцев.

И все-таки из этой ловушки есть выход. Достаточно признать, что Россия — часть Европы. Тогда тот факт, что у нас много общего с русскими, перестанет делать из нас второсортных европейцев.

Трудно отказать Марии Янион в смелости и размахе: «Необычайный славянский мир» — это ни более ни менее как набросок альтернативной картины польской культуры от ее истоков до современности. Это такая картина истории, где считается вероятным, что первые литургии на польских землях служились не по-латыни, а по-славянски (как это происходило в позднее латинизированной Моравии) и что бунт Маслава, подавленный в XI веке Казимиром Обновителем, был не восстанием язычников, как принято считать, а отчаянной попыткой защитить родимый славянский обряд в Мазовии. Это картина польскости, которая не отказывается от своего славянского родства и культурных связей с Россией, но находит в них интригующее вдохновение. Это картина национальной традиции, которая чтит память всех граждан Речи Посполитой, следовательно, и тех, кто молился в рамках другого обряда и на другом языке — или же вовсе не молился. Это картина захватывающая, как захватывали творцы национальной мифологии, такие как Ян Длугош или Иохим Лелевель.

Только вот рассказы о том, что в X-XI веках на польских землях одновременно действовали славянский и латинский обряды, — это чистая фантазмагория, порожденная романтизмом XIX века. Так же, как и само понятие славянского мира, выведенное из языкового родства славян. Вчувствоваться в душу великоруса, за что автор расхваливает Мариуша Вилька, — это, пожалуй, тоже не самый лучший рецепт от польских комплексов. Книга профессора Янион носит подзаголовок «Фантазмы литературы» и действительно не предлагает ничего существенно большего. Это лекарство ненамного лучше болезни.

Newsweek
ПОЛЬША

Петр Телеш

Перевод
Натальи Горбаневской

СТИХОТВОРЕНИЯ

в музее

старый человек
бродит по музею
долго разглядывает экспонаты

зацепляет молодую девушку
говорит ей: и я
тоже музей
в меня надо входить в шлепанцах
во мне ничего нельзя трогать
и надо сохранять тишину
из меня нельзя воровать
когда меня что-нибудь спросят
я не всегда отвечаю

девушка
долго вглядывается
в старого человека

старый человек
выглядит на акварели
весьма неплохо

дурной сон царя

царь плохо спал
в июльскую ночь

разум ворочался с боку на бок
в серых мундирах бегали очумелые мыши по голове
в поисках штабс-капитана — спасителя
золотые рубли градом падали на улицы петербурга
но юродивые на них не обращали внимания
смеялись в переулках а за спиной цитировали мертвые души
в гостиных офицеры украдкой пили самогон
прекрасные дамы падали в обморок чаще обычного
слишком много уж было возлюбленных

кончался век
волки были всё больше уверены в солдатах

царь плохо спал
в июльскую дождливую ночь

приснилась ему мать которую в москве
за обедом сожрали крысы
приснился ему отец которого
на параде заклевал орел
приснился ему брат который
в саду мечтал стать королем тайги
приснилась ему сестра которая
как перышко медленно падала в бездну степи

царь плохо спал
в июльскую дождливую черную ночь

но только через несколько часов
когда ему приснилось
что в комнату боковой дверью вбегают
три высочайшие крысы южных губерний
что в окно с раскрытыми клювами
влетают семь кавказских орлов
что его постель зарастает бешеной тайгой
а вместо рук и ног у него из тела
постепенно вырастают малые перышки и пучки трав
только тогда царь сорвался с постели
и начал вопить как вопиющий в пустыне
а черная пустыня неба
ответила ему
ливнем штыков

царь плохо спал
черный июльский сатана
перестал в него верить

кончался век
волки на севере
загрызли трех спящих
офицеров

Царская история

Царские солдаты. Солдаты без крови. Солдаты из плоти.
Солдаты из другой крови. Солдаты из плоти с костью в горле.
Короткий путь. Короткие дни. Долгая война. Короткий крик.
Долгая память. Долгие сны. Первые обманы. Слишком большие.
Царские солдаты. Короткий путь. Гонит тройка войны.
Гонит страх из другой крови. Падает ястреб.
Взлетают на воздух великие слова. Взлетает на воздух
маленький человек. Кости в степи. Память крови. Царские солдаты.
Живые и мертвые. Из крови и плоти. Солдаты большого обмана.
Солдаты малой правды. Долгие, кошмарные сны истории.
Царские солдаты. Короткий крик. Солдаты...

бакунин

где началась твоя улыбка
бакунин
где

мой смех начался в застенке

где начался твой плач
бакунин

мой плач начался на человеческой комедии

где началась твоя твердость
бакунин

моя твердость началась перед расстрельным взводом

где началось твое сомнение
бакунин

мое сомнение началось в боге

где начался твой крик
бакунин

мой крик начался в любви

где началось твое молчание
бакунин

мое молчание началось во вспышке ненависти

когда ты начался
бакунин
когда

а разве я хоть когда-то
начался

где ты кончишься
бакунин
где

а разве я хоть где-то
кончусь

*

стишок о польше

еще не пришел
дожидаются его
всё с бóльшим нетерпением
польские поэты

польские поэты
поэты из кракова из варшавы из вроцлава
из гданьска из козьих волек
польские поэты из геттингена из парижа
из чикаго кейптауна сиднея
из львова вильна

стишок о польше

говорят его видели у балтийского моря
на пляже в устье под вечер
он голый вошел в воду и поплыл
его ждали до поздней ночи
разжигая малые костры
напрасно
вернулись одни усталые чайки
под утро море выплюнуло капельку
посиневшей жалости

стишок о польше

говорят его обрывок слышали
в гданьском старом городе
когда внезапно погас свет в
дряхлых домах на марьяцкой
услышанный обрывок был таков:
«польша никогда не будет правдой
день который никогда не кончается
обещает безумную вечную ночь»

маленькое пламечко этих слов
передают из рук в руки
чистые и
грязные

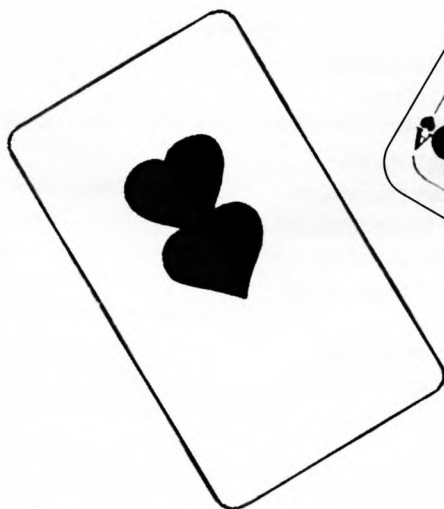

польские поэты
не спят по ночам
ждут самого настоящего стишка
рискованно высовываются из окон
поглядывают в небо ожидая какого-то знака
нервно названивают друг другу
расспрашивают простых людей
ловят каждое слово принесенное восточным ветром
кружат по кладбищам костелам
слишком просторным кабинетам

польские поэты
ни один из них не хочет потерять ту минуту
когда наконец придет
самый настоящий стишок о польше
каждый хочет быть первым
каждый жаждет чтобы под последним стихом
светилась его фамилия

польские поэты
не знают что тот к кому придут
внезапно чистые строфы
прочитав их
замолкнет
на целый век

икон семейных дальнейшие виденья

помню
бабушка перед самой смертью
просила меня бросить ее в реку рось
я этого не сделал
я как-то не смог
не была в силах моя раздерганная душа
но бабушка каким-то православным чудом
наверно туда попала

об этом свидетельствуют несколько фактов

весной опознал бабушку правнук
в ивовом листочке уносимом
течением роси в неман
значит бабушка плывет далеко
в гродно ковно — города костелов
в города в которых никогда не была
видно бог подсказал ей
что после смерти надо чуть-чуть посмотреть мир
ибо только тогда можно понять
не раньше

летом бабушка лягушкой
на заречных лугах
играет опасно со старым аистом
аист вероятней всего
родом из франции
может какой-то потомок детей войны
от наполеоновского отступления
он осторожно трогает бабушку-лягушку клювом
не нанося ей ни малейшего ущерба

осенью бабушка выходит из воды
и вплавается в гущу туманов
ложится на правый бок и так плывет
о чем тогда она думает знает только бог
и потому правнуки заходят в церковь
а вдруг в одно воскресенье
что-то шепнет им на ухо
бабушка-река-туман

зимой вся моя белорусская семья
замерзшая стоит под мостом над прорубью
притопывают молчат дышат в ладони
ждут пока бабушка седую голову высунет
из
морозного окошка и скажет что-то теплое
в эти крепкие белорусские морозы

Лешек Шаруга

В ГРОХОТЕ КОЛЕС

Поэзия — это выход за круг известного: «убиение тривиальности / банальностей мелькающих в словах / словах-ракушках / словах-снарядах». Это прекрасно знает Петр Телеш (1958 г.р.), из чьего сборника «Рядом» (2001) я взял эти слова. Он прекрасно знает, что такое состояние неустойчиво и устойчивым быть не может:

*это приходит так внезапно
и
— какое счастье —
уходит*

Это состояние либо возвращается, либо даже «переходит в грипп / в умопомешательство / в так-сяк-наперекосяк / в чёрта с копытом / звезду с хвостом» — и такими бывают судьбы «первой метафоры», которая появляется внезапно и меняет картину мира, меняет человека, участвующего в этом мире.

Поэзия Телеша, до сих пор остающаяся в тени (дебютировал он в 1980-м), наверняка заслуживает внимания как ввиду заключенного в ней незаурядного чувства юмора (в стихотворениях-песнях или в произведениях, выстраивающих двусмысленные ситуации, как, например, в двухэтажном «геббельсе», своеобразной пародии на Оскара из «Жестяного барабана»), так и ради последовательности, с какой поэт использует мотивы укоренения и лишения корней. Речь тут идет прежде всего об отголосках «кресового», окраинного былого, то есть былого на когдатошних восточных окраинах Речи Посполитой, с которыми связаны семейные традиции автора. Так происходит в стихотворении «вагоны»: «до войны / последним вагоном на станции в волковыске / (ныне западная белоруссия) / который простукивал дедушка петр / был товарный с зерном / во время спазмы войны / дед простукивал товарный с местными евреями / которых в телячьих вагонах отправляли на смерть / сразу после войны дед погрузил в поломанный вагон / все достояние и как потом оказалось / это был предпоследний репатриантский поезд в польшу». Причем это обращение к утраченному миру, заметное и в произведениях ровесников Телеша: Павла Хюлле, Александра Юревича, Казимежа Браконецкого, Тадеуша Жаковского, — направлено в будущее, куда уезжаешь в «зеленом вагоне»:

*Дедушка для верности простукает колеса (...)
залает по-немецки черная дворняжка
волковыские евреи затанцуют в до боли чистом поле (...)
а польша
польша в это время
с грохотом въедет
в новый
прекрасный мир*

В таких пейзажах, открывающихся в лирике Телеша, где отлично использована игра слов, вписанная в малое, прекрасно ритмизованное повествование, мы находим едва заметные переходы между «этим миром» и «тем». Это становится возможным благодаря тонкому сплетению чувства языка с ощущением мелкой дрожи бытия, почти неощутимой, результатом чего оказывается способность уловить соотношение на вид далеких друг от друга явлений: так, воспоминание о концерте Майлса Дэвиса становится импульсом к тому, чтобы написать «добродушное стихотворение о дедушке петре» — о том самом, который в другом стихотворении простукивает вагоны. В ритме вагонных колес рождаются мифические рассказы, порожденные семейными традициями, и реалистические репортажи о сегодняшней, проходящей действительности.

Адам Поморский

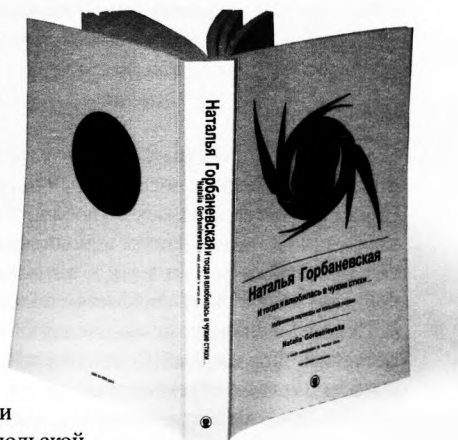
КАК СЛЕДУЕТ ДАТЬ ВЕЩИ — СЛОВО!

В тяжелые времена польско-русских политических — и геополитических — отношений, как это обычно бывает в тяжелые времена, русские переводчики непреклонно сохраняют верность польской литературе. Легион польских поэтов и прозаиков, удостоенных перевода в России, постоянно растет, а сделанное переводчиками создает куда более глубокую и обширную сферу диалога, чем сфера политических бурь и непогод.

Наталью Горбаневскую русскому читателю представлять не нужно. Видная современная поэтесса, активистка правозащитного движения, в августе 1968 г. участница знаменитой демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию, несколько десятков лет в эмиграции, в Париже, несколько лет гражданка Польши, с которой ее связала и борьба «за вашу и нашу свободу», и поэзия, — Горбаневская вложила немалый вклад в русско-польское сближение. Как автор переводов в парижском «Континенте» и член его редакции, как журналистка в прекрасном и весьма влиятельном еженедельнике «Русская мысль», она принадлежала к числу русских партнеров Ежи Гедройца и его «Культуры» — старшей сестры «Континента». Вместе с польскими создателями этого круга людей она приняла наследие межвоенного «Домика в Коломне» — литературного салона Дмитрия Философова, в эмиграции осевшего в Варшаве, где объединились польские и русские писатели, — и, как он, вошла в число тех русских, что связаны с польской жизнью и присутствуют в нашей культуре. Горбаневской принадлежат, в частности, переводы нескольких энциклик Иоанна Павла II, «Иного мира» Густава Герлинга-Грудзинского, огромного тома публицистики Юзефа Мацкевича, «Венгерского дневника» Ворошильского, многих других произведений польской прозы, но также грандиозный перевод «Поэтического трактата» Чеслава Милоша, с восхищением принятый русскими и польскими читателями. Его, в частности, с энтузиазмом рецензировал Станислав Баранчак, наградила своей премией «Культура», а Польский ПЕН-клуб тоже присудил Наталье Горбаневской премию за выдающиеся переводческие достижения.

С самого основания журнала «Новая Польша», выходящего в Варшаве с мыслью о русских читателях, Наталья Горбаневская печатает на его страницах свои переводы из польской поэзии — с преобладанием новейшей поэзии, в том числе и поэтов младших поколений. При этом не пренебрегает и классикой: от Норвида (мечту о переводе знаменитого его сборника она выразила в одном из своих стихотворений: «Мне ни грамоты, ни ордена, / На заплаты эта честь. / Но поволь мне, Боже, Норвида / «Vade mecum» перевести») до поэтов военного времени — Бачинского, Шленгеля. Нынешний сборник, суммирующий ее опыт в области перевода польской поэзии, открывается как раз стихотворениями Норвида*, а после нескольких образцов поэзии военных лет сосредотачивается на современной поэзии. Стихам обоих Нобелевских лауреатов, Шимборской и Милоша, сопутствуют принципиального значения — и, так сказать, исполнения — переводы из Анны Каменской, Збигнева Херберта, Ежи Фицовского, Ярослава Марека Рымкевича и более молодых поэтов, начиная с «новой волны» (дебютировавшей около 1968 года).

* Русским переводам Норвида, в том числе переводам Горбаневской, полемизирующей с устоявшейся уже традицией, следовало бы посвятить отдельную работу. Сознывая шершавость звучания стиха Норвида в оригинале, его контрастное соединение «высокого штиля» с «низким», она бунтует против гладкости переводов, выдержанных в «среднем штиле». Вместе с эстетикой языковых неправильностей, выбранной Норвидом сознательно, в переводе на русский это включает его в традицию оды, а не элегии — притом оды скорее в духе Тредиаковского, Радищева, Семена Боброва, Тютчева, нежели Ломоносова или даже Державина. С этой точки зрения заслуживает внимания также поэт Кюхельбекер — в этом контексте я вижу Норвидиану Горбаневской. Зато мне у нее недостает по-латински каменного звучания Норвидовской фразы.

XX век начинается в рецензируемом сборнике особым стихотворением — это «Национальные цвета» Марии Павликовской-Ясножевской, великого классика современной польской поэзии. В этих русских словах о польском знамени, в этом верном, хотя деликатно повышающем тональность переводе нашей русской польки, первые стихи которого сокращенной формой прилагательных и характерным оборотом «ты... что называешься знамя» как будто отсылают к польскому языку, сдержанное величие силой нравственного обязательства соединяет трагическую память обоих народов:

*Бело-кровава,
кроваво-бела, льняная
ты, повязка, что называешься знамя,
что одолела страшное кровотечение!
Ветер, свидетельство ран над нами вздымая,
бинт героический разворачивает над нами,
эту память,
этот долг
и поучение.*

Тот, кто мог бы быть адресатом вышеприведенного стихотворения, — в свои 23 года павший с оружием в руках в Варшавском восстании 1944 года Кшиштоф Камилъ Бачинский (его второе имя — по второму имени Норвида!), легенда польского военного подполья, — представлен в сборнике Горбаневской одним стихотворением, которое в великолепном исполнении Эвы Демарчик давно стало в Польше популярной песней. Переводчица scrupuleзно сохраняет метр и интонацию оригинала, но как будто попутно переносит его в иное измерение, придавая юношеским наивностям поэтическое величие. Это ощутимо уже в последнем стихе первой строфы. В то время как Бачинский типичным для своей юношеской риторики образом размывает смысл намеренно неграмматическим оборотом: «*Taki deszcz kochasz, taki szelest strun, / deszcz — życiu zmiłowanie*» [два последних слова дословно можно перевести так: жизни (в дат. падеже) помилование] — Горбаневская этот смысл обостряет и углубляет: «Этот дождь любишь, этот шелест струн, / дождь — к миру милосердь»*. В поэтическом величии перевода конкретизируется всё, что в оригинале банально. Польский текст на вид звучит почти по-гимназически: «Дальние поезда идут еще дальше, без тебя. Что ж? Без тебя. Что ж? В сады вод, в озера печали, в листья, в аллеи стеклянных роз», Перевод раскрывает исторический горизонт стихотворения, завершённого в феврале 1943 г. и вписанного в историю Шoa — уничтожения польского еврейства (тема, которой Горбаневская уделяет много места и в переводах из Шленгеля и Милоша):

*Идут эшелоны. Без тебя. Доколе?
До ранних рос? До первых гроз?
В леса воды, в озера скорби,
в листья, в сады стеклянных роз.*

И уже не удивляет, что метафоры, которые, собственно, только эмоциональным напряжением подсказывают, что речь идет о войне, перевод приводит намного ближе к ужасающей реальности. Оригинал: «И то, что любовь, но не та, и то, что удар недостаточно болезнен, но только темный, как птичий крик, и то, что плач, но настолько телесный. И то, что вины безвозвратны, но одна вина всё призывает другую...» Перевод:

*И то, что любим — как не любим,
и то, что пуля на излете
и бьет не на смерть, а погубит,
и то, что плач, а весь из плоти.
И то, что нет вине прощенья
и что вина вину приводит...*

И, наконец, финал, который всем опытом русской поэзии тысячекратно перерастает формулировки оригинала:

* Ср. в переводе Анатолия Гелескула (не ставившего задачи дать эквиритмический перевод): «*Твой дождь любимый — об одной струне, / желанный дождь, подобный милосердью*».

*И дождь косою полосую,
как острой по сердцу косою,
и тенью скрыты, тенью смыты...
А я с мольбой, с любовью, с боем
выйду к бездонному истоку,
руки воздею под небо боем:
как пёс под хлыст пустых побоев.*

*Не убиенный, не любимый,
несовершенный, несерьезный...*

Это попросту прекрасные русские стихи. Горбаневская как правило отображает польский текст верно и творчески, а инструментарий русской поэзии нередко открывает оригинал, который, казалось бы, превзойти трудно. Это чувствуется даже в переводах из Милоша, хотя бы в «Балладе», посвященной Тадеушу Гайцы — другому поэту, ровеснику Бачинского, погибшему в Варшавском восстании (сам факт этого восстания оставался для русского читателя цензурной тайной до конца существования СССР):

*Под землю Гайцы, под землю,
Уж навеки двадцатидвухлетний.
И без глаз он, и без рук, без сердца,
Ни зимы не знает и ни лета.
...Под землю Гайцы — не узнает,
Что Варшава битву проиграла.*

Одновременно это, пожалуй, новый тон в русской поэзии. То же происходит и с переводом «Поэтического трактата». Благодарный того пример — не попавшая в обширную подборку фрагментов этой поэмы «песенка» о гетто*, по-русски теряющая в отношении сдержанности, зато обретающая добавочную глубину:

*Когда обматывают мне шею веревкой,
Когда мне дыхание отнимут веревкой,
Качнусь я по кругу, и кем же я буду?*

*Когда меня в ребра уколут фенолом,
Когда я шагнуть не смогу под укол,
Какую ж я мудрость пророков добуду?*

*...В жестянку, в жестянку в такт песенке бил я,
И нет меня, нету, а там еще был я,
Где наша дорога свернула к застенку.*

*И в день покаяния, в день ли прощенья,
Быть может, откроют, откроют в защельи
Мой след, мой дневник, замурованный в стенку.*

Дословно верный перевод перенесен по-русски — и это естественно — в тональность, где слышен ужас народного причитания, не одной только конкретной национальности, но эхо, со дна Террора воскрешающее опыт всего человечества. Это выдающееся переводческое достижение.

Операция «окрыления» оригинала повторяется здесь чаще. Внезапным лирическим блеском чарует по-русски «Смерть птицы» Иеремии Пшиборы, который в 60-е годы был создателем по сей день не забытого «Кабаре пожилых господ»: «Птицы смерть / это смерть чуть-чуть / птицы смерть / это перышко сдуть / птицы смерть / для людского уха / четверть смерти / сто граммов пуха / малая смерть // (...) Птицы смерть / это капля крови / с твоею схожая / такая бездна / тот же порог / тревожных ворот / не пренебреги же / смертью птицы / не пренебреги».

* В рецензируемую книгу не включены фрагменты «Поэтического трактата», опубликованные в сравнительно недавнем сборнике русских переводов Милоша московского издательства «Вахазар».

Звучанием благородной поэзии поражают песни Кшиштофа Келюса и Яцека Качмарского, которых Горбаневская переводит среди широкого круга поэтов, связанных с польской демократической оппозицией времен ПНР (прибавим сюда Анку Ковальскую, Баранчака и Крыницкого, а также стихи Томаша Яструна периода интернирования или лирику Петра Мицнера). Русского читателя, привыкшего к своим либеральным или диссидентским «шестидесятникам», удивит в этих стихах отсутствие риторики правого дела, индивидуальность переживания и скептической мысли и, наконец, не тонуший в хоре голосов тон личного достоинства. Так происходит в стихах Херберта или, например, Ежи Фицовского: «Он оказался в безвыходном положении // Он стоял у открытых дверей / и молча ломился в них / так плотно были открыты / что никто и не пробьется...» Это весьма заметно выражается даже у Ворошильского, по природе склонного к некоторой декларативности. Русский язык переводов Горбаневской становится как бы родным языком поэта в его стихотворении 1978 года: «В затягивающей трясине / наших глухих всedневных боен / в этой рутине в этой тине — / я еще не был так свободен // Где газ болотный гад ползучий / ползут и душат из колдобин / с губою рваной раной жгучей — / я еще не был так свободен».

Из стихов польских поэтов в стихию родного языка возвращается в этих переводах Осип Мандельштам. Будь то из «Улицы Мандельштама», заглавного стихотворения сборника Ярослава Марека Рымкевича (1981), выдающегося поэта, прозаика и переводчика стихов великого акмеиста:

*Где она эта улица Улицы этой нету
Топчут тропу рабочие валенками по снегу*

*Где она эта улица Знаем только мы трое
Там где как кольца ствольные кости под мерзлотою*

*...Там где он с Богом под руку выведен на прогулку
В полустлевшем ватнике под щеголью погудку*

*Следом охранник тащится спотыкается пьяно
И разыгрался с Шубертом Бог на двух фортепьяно*

Или — уже в другой атмосфере (1987) — в «Воскресении Мандельштама» Яцека Качмарского — «барда «Солидарности»», как его позже называли, поначалу бравшего себе за образец Высоцкого и Галича:

*По Архипелагу слух, как телеграмма,
Что, мол, выпускают Оську Мандельштама.*

*Страшно удивился опер краснорожий:
«Как так выпускают? Мы ж его того же...»*

*Но генсек новейший отвечает: — Лапоть!
«Выпустить» сегодня значит «напечатать»!..*

Хорошо, что эта книга напечатана у нас. И не только потому, что мы задолжали нашей русской подруге, но и потому, что те «фигуры слова», которые она придала нашим «фигурам мысли» (парафразируя терминологию ученой стилистики), многих русских и многих польских читателей могут изумить и поразить новым поворотом речи. Это как бы ответ на призыв Норвида из стихотворения, которым открывается его «Vade Mecum» — и книга избранных переводов Натальи Горбаневской:

*Риторика! и Стихотворство!
Всех ваших чар всегда и снова
Превыше вечное упорство:
.....
Как следует дать вещи — слово!*

Наталья Горбаневская. И тогда я влюбилась в чужие стихи... Избранные переводы из польской поэзии. **Natalia Gorbaniewska. I wtedy pokochałam te wiersze obce...** Wybór przekładów z poezji polskiej. Варшава—Краков, Изд-во Национальной библиотеки, 2006. (Библиотека журнала «Новая Польша»). — Двухязычное издание.

Эльжбета Савицкая

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГИБРИД

Есть ли у нас молодые способные прозаики? Несомненно. Один из них — Лукаш Орбитовский (1977 г.р.), до сих пор известный главным образом любителям фантастики и литературы ужасов. Он выпустил несколько сборников рассказов и роман «Hogor show» (2006).

«Теряю тепло» — его второй роман. Написанный с размахом (почти 500 страниц), он, несмотря на весьма ощутимую связь с фантастикой, ускользает от ясных жанровых подразделений. Сам автор говорит о соединении ужасов с «религиозной фантастикой», однако в его новой книге есть и кусок романа нравов, и детективный сюжет, и немалая доля гротеска.

Роман состоит из трех частей. Лучше всего написанной, цельной, с отлично уловленными реалиями представляется мне часть первая — «Нулевой год». Место действия — Казимеж, в прошлом еврейский район Кракова. Ныне восстановленный и крайне модный, у Орбитовского он еще дикий и подозрительный. Казимеж мошенников и мелких аферистов, опасный, пролетарский, мрачный. Вокруг распадающиеся квартиры с уборными в коридорах, пьяницы и молодежь, торгующая чем придется, например старыми порнографическими журналами.

Заглавный «нулевой год» — это год 1990-й, начало польских перемен в политике и нравах. Двое мальчишек заканчивают неполную среднюю школу в Казимеже. Куба — книжный червь и недотепа. Конрад принадлежит к школьной банде силачей, мучающих Кубу. В один прекрасный день в школьной раздевалке, в воде, хлынувшей из лопнувшей трубы, тонет сторож — нелюдим и пьяница. Полиция подозревает убийство, под главным подозрением — учительница музыки.

Оказывается, Куба и Конрад обладают паранормальными способностями — они начинают «видеть» обстоятельства убийства. Оба видят «озёра» — это как бы подкладка действительности, таинственно текущая вода, переносимая во времени и пространстве. Видят они и духов умерших, привидения и ангелов. Они договариваются вместе разрешить дело и по этому случаю начинают дружить. Мотивы мужской дружбы и «иной действительности» выступают и в следующих частях романа.

Вторая часть называется «Обрывки», третья — «Царство воздуха». Пересказывать их — занятие головомое. Очень сжато: вместе с героями мы попадаем в Кальборню, небольшое местечко, которое живет сентиментальной легендой о польско-немецком любовном романе и ухаживает за двойной могилой (герои видят духов возлюбленных). Мы знакомимся также с историей секты, возглавляемой глуповатым на вид силачом, который велит называть его «Неоиаковом от Большого Колокола». Гуру не пренебрегает выпивкой, находится в постоянном контакте с ангелом Азраилом, а своих приверженцев побуждает говорить «божьем языком, которого мы не знаем». Окрашенная в гротескные тона, история кончается кровавой резней. Так же, как и последние приключения героев в Кальборне, третья часть романа, «Царство воздуха» — это уже чистые ужасы в атмосфере «Ночи живых трупов».

Может ли такое нравиться? Еще как! Рецензент портала «Гильдия литературы» не скрывает своего восхищения: «Быстрое повествование, не занимающееся всякими ля-ля-ля, практически столь же беспардонное, как и герои романа, приносит читателю удовольствие. Притом оно течет откуда-то из глубины мужского «я». Это роман для парней, ибо они откроют его глубину, хотя женщины тоже не будут разочарованы».

Пишет женщина: «Орбитовского спасают хорошие идеи, чувство юмора и язык — умелый, текучий, неподражаемый. Губит — пристрастие к ужасам. Это весьма любопытный гибрид, а автор хорошо себя чувствует в большинстве жанров — он умеет писать и реалистический роман, и репортаж, и гротеск. Лучше всего было бы, если бы Орбитовский или ограничился первой частью, или умел во всем романе сохранить ту же атмосферу. Это ведь что-то типа польского магического реализма».

Польский магический реализм? Почему бы и нет?

Лукаш Орбитовский. *Теряю тепло*. Краков, Выдавництво литерачке [Литературное издательство], 2007.

Барбара Цешевская

ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЙ ЗАВОД В СИБИРИ

Польские заводы горного оборудования начинают задыхаться на внутреннем рынке. Поэтому группа «Глиник» из Горлиц совместно с российским партнером купила завод в Сибири.

Польские заводы горного оборудования прекрасно чувствовали себя на российском рынке еще в 80-е годы. Там реализовали свою продукцию «Копэкс», Забжанский механический завод и «Фамур». В следующем десятилетии положение ухудшилось: многие связи прервались. Группа «Глиник» из Горлиц, а точнее принадлежащий ей Завод горных машин, вернулась на российский рынок четыре года назад, поставляя в Россию механизированные крепи, гидравлические конвейеры, осуществляя ремонты и техосмотры.

Группа «Глиник»

Доходы — 531 млн. зл.
Прибыль — 29 млн. зл.
Работают 2250 человек

Данные за 2006 г.

Однако правление фирмы хотело более тесных связей с сибирским углем. В последнее время оно установило контакты с угольной шахтой в Кузбассе. «Глиник» поставлял туда механизированные крепи и гидравлические комплексы. Поляков заинтересовал завод в Киселевске, который долгие годы был их партнером по ремонту горного оборудования на российских шахтах, главным образом в Кузбассе. Как раз тогда этот завод, на котором работают 546 человек, был выставлен на продажу. В конечном итоге «Глиник» купил его не один, а совместно с российской компанией «Анжеромаш» из Анжеро-Судженска — фирмой с многолетними тради-

циями проектирования и производства конвейеров.

Совместное предприятие позволит расширить предложение «Глиника» для российских шахт. У обоих акционеров — по 50% акций. Инвестиция обошлась в полтора десятка миллионов злотых. «Наша позиция на рынке несомненно улучшится. Кроме того, мы сэкономим на транспортировке некоторых изделий и на стоимости рабочей силы», — говорит президент «Глиника» Мечислав Брудняк.

Для польских заводов горного оборудования российский рынок очень привлекателен, поэтому крупнейшие производители, т.е. «Глиник», Забжанский механический завод, «Копэкс» и «Фамур», яростно конкурируют друг с другом.

— Россия — один из наших крупнейших торговых партнеров, — говорит Вальдемар Лаский, президент группы «Фамур». — На российских шахтах увеличивается добыча угля, поэтому их спрос на горное оборудование растет еще быстрее, чем темпы продажи угля. Между тем тамошний парк горных машин нуждается в обновлении и модернизации.

За последние годы «Фамур» увеличил поставку машин на российский рынок в четыре раза — с приблизительно 15 млн. злотых в 2005 г. до 60 млн. в прошлом. Однако пока что ни «Фамур», ни «Копэкс» не стали совладельцами сибирских заводов. «Глиник» проторяет дорогу.

RZECZPOSPOLITA

Анна Селянко

СОЗДАТЕЛИ ОДЕЖДЫ ВЫСОКОГО КЛАССА

16 лет тому назад, когда они только создавали фирму «Акус» («Acus»), денег им хватило лишь на закупку тканей и аксессуаров. За пошив заплатили после частичной продажи коллекции. Сегодня марка «Катерина» («Caterina») — знак женской одежды высокого класса.

В фирме работает около 400 человек. Одежда шьется на двух собственных фабриках в Варшаве и Остроге, а также в 30 мастерских, которые принадлежат другим предпринимателям. В 21 фирменный магазин в Польше и на экспорт каждый месяц поступает 25-30 тысяч штук одежды. Больше половины продукции продается в дорогих московских салонах. В последние годы доходы компании росли примерно на 30% в год. В прошлом году они превысили 60 млн. злотых.

Кто тут управляет?

За подготовкой коллекции и изготовлением продукции всегда присматривает Мария Собех, для работников — пани Малина. Она и решает, какие модели попадут в швейные цеха, а потом — на полки магазинов.

— Делает она это с любовью. Она очень требовательна, но к себе, может быть, особенно, — так считает Эльжбета Грабовская, заведующая отделом экспорта, работающая в «Акусе» с момента его создания.

Каждое изделие фирмы тщательно контролируется, контроль проходят и все импортируемые ткани. За качество продукции фирма неоднократно получала премии.

— Особым знаком отличия было для нас посещение фирмы женой бывшего президента США Хиллари Клинтон, — вспоминают сотрудники.

За производство и планирование отвечает Петр Стефанюк. Но все самые важные решения принимаются сообща.

— Конечно, тогда мы часто ссоримся и спорим, — говорит пани Мария. — Но в итоге приходим к согласию.

Когда компания создавалась, Мария Собех уже имела опыт производства и продажи продукции. Вообще-то она окончила Главное сельскохозяйственное училище, но, едва получив диплом, променяла сельское хозяйство на моду: это её интересовало больше. Уже в конце 1970-х она выпускала готовую одежду.

— Вначале я сама придумывала модели, кроила ткань, красила полотно и фланель, — вспоминает она. Ее авангардная одежда понравилась.

А Петр Стефанюк в те годы думал только о научной работе — кончал аспирантуру по политологии в Варшавском университете.

Перемены в экономике и жизни

Экономические преобразования конца 1980-х совпали у них с переменами в личной жизни. Петр Стефанюк тогда решил оставить университетскую карьеру и начать зарабатывать деньги. Причиной была встреча с Марией.

— Мне пришлось в голову использовать, с одной стороны, способности и опыт Марии, с другой — базу рушившейся легкой промышленности, — рассказывает он. — На небольшие сбережения мы купили ткани, аксессуары. Малина создала первые модели, а их выполнение мы поручили одежному кооперативу «Мода».

— Наш капитал рос из года в год как снежный ком, — вспоминает пани Мария. — Каждый сезон на тогдашнем еще пустом рынке увеличивал наши доходы. Сначала мы готовили единичные модели. Но спрос был так велик, что по каждому образцу мы выпускали несколько десятков тысяч изделий.

— Когда число заказов перешло за сто тысяч, я поверил, что мы справимся, — добавляет пан Петр.

Очень быстро «Акус» вышел на экспортный рынок. Изделия под маркой «Катерина» теперь доступны в самых элегантных московских бутиках — рядом с тем, что предлагают самые известные в мире модельеры. Для русского рынка фирма разрабатывает особые коллекции. Как подчеркивает Мария Собех, состоятельные русские женщины любят модную одежду, особенно авангардную, рискованно и одновременно богато декорированную, с выразительной цветовой гаммой.

Несколько лет «Акус» сотрудничал с кооперативом «Мода». В конце 90-х годов его владельцы арендовали этаж у фабрики одежды «Кора», позже пытались перекупить эту рушившуюся фирму, но не получилось. В 2005 г. компания купила дом в районе Прага-Юг (правобережная Варшава) и сюда перенесла свою резиденцию.

Сейчас империя Собех и Стефанюка — это одеждажная фирма «Акус», которой принадлежит марка «Катерина», «Акус консалтинг» — компания, созданная четыре года тому назад, и два пансионата: в горах и на озерах.

«Акус консалтинг», как объясняет Петр Стефанюк, возник почти случайно. Когда Польше предстояло вступить в Евросоюз, «Акус» нанял экспертов, чтобы советовать, как действовать в условиях ЕС, как приспособиться к европейским предписаниям, как пользоваться фондами. Хозяева «Акуса» быстро пришли к выводу, что подобные знания могут пригодиться и другим малым и средним предпринимателям. В результате был создан «Акус консалтинг» с резиденцией в Остроге и филиалом в Варшаве. В прошлом году фирма принесла прибыль.

Рождение марки и коллекций

Переломным моментом в деятельности «Акуса» было открытие первых фирменных магазинов «Катерина» во второй половине 90-х.

— Тогда мы пришли к выводу, что наступило время готовить целые коллекции для сети собственных магазинов, — говорит пани Малина.

«Акус» в настоящее время находится в хорошем финансовом состоянии, но фирма переживала и тяжелые времена. Угрозу принес российский кризис 1998 года.

— Он ударил по нам вдвойне — как по экспортеру, который на российском рынке продавал большее половины своей продукции, и как по польскому производителю, так как все, что случалось у соседей, оказывало влияние на экономику в Польше, — рассказывает Петр Стефанюк. — У нас были серьезные трудности, задолженности по оплате. Первые финансовые трудности помог нам преодолеть один друг.

— Но кризисы учат, укрепляют, показывают, где слабые места, — убеждают владельцы «Катерины».

Почему «Катерина» решила одевать очень состоятельных женщин?

— Мы еще раньше размышляли, какой выбрать путь, — говорят владельцы. — Можно было выбрать такую концепцию, как например «Моннари», которая предлагает коллекции для людей среднего достатка. Мы решили замахнуться выше.

А конкуренция? Хозяева «Катерины» утверждают, что коллекции «Гекселейн», «Симпл» или «Дени Клер» не составляют большой угрозы их марке. По их мнению, то, что предлагают эти фирмы, отличается от предлагаемого «Акусом». На самом деле все шьют на состоятельного потребителя, но в каждом магазине клиенты ищут, пожалуй, чего-то иного.

С этим мнением соглашается Хана Гайос, главный редактор журнала «Рынок моды». По ее мысли, предложение «Катерины» обращено к женщинам, не только имеющим деньги, но и любящим блистать, обращать на себя внимание, отличаться в одежде. «Гекселейн» или «Дени Клер» остаются, пожалуй, верны более классической моде.

— Нашим главным противником и теперь остается скромное содержимое кошелька полек, — говорит Петр Стефанюк. — В Польше, в отличие от западных стран, немногие женщины могут себе позволить покупку дорогой одежды. Мы, однако, считаем, что это будет постепенно меняться.

Фронтальный удар

Поэтому «Катерина», которая до сих пор финансово опиралась преимущественно на экспорт, решила закрепиться на польском рынке. Запланировано на протяжении двух лет увеличить сеть магазинов на 50%. Магазины будут расположены в торговых центрах больших городов; в самое ближайшее время — во Вроцлаве, Жешуве и Люблине. Расходы на рекламу уже увеличены в пять раз.

— Наши планы все же опираются и на одновременное увеличение экспорта, — подчеркивает Петр Стефанюк.

Коллекции «Катерины» попадают в бутики Швейцарии, Германии, Швеции и Великобритании, но фирма хочет выйти на европейский рынок со своими магазинами. Уже найдены места в торговых центрах Вильнюса и Бухареста, фирма думает о Болгарии и Венгрии.

«Akus»

Доходы — 62 млн. злотых
Прибыль — 5,8 млн. злотых
Сотрудники — 320 человек

Серьезные намерения касаются немецкого рынка.

— Мы считаем, что там есть место для наших коллекций. Эта инвестиция требует, однако, особой подготовки, — объясняет Петр Стефанюк. — В том числе и финансовой. Поэтому мы думаем в ближайшие два года выйти на биржу и деньги от выпуска акций предназначить на создание сети зарубежных магазинов. Прежде всего мы хотим укрепить фирму, перекупив еще один подобный кооператив. Первые переговоры по этому делу уже начались.

Халина Завадская, совладелица фирмы «Гекселейн»:

«Акус» работает на рынке элегантной одежды высокого класса уже 16 лет. Они создавали фирму с нуля. В течение трех лет удвоили сеть своих магазинов в Польше, доведя их число до 30-ти. Коллекции одежды обращены к состоятельным клиенткам старше 30 лет. Фирма имеет собственную швейную фабрику, но, как и «Катерина», часть пошива передает другим производителям. Огромное внимание они уделяют качеству ткани и пошива одежды. Несколько раз в год они представляют свои последние коллекции на показах, собирающих множество деловых женщин, женщин из мира искусства и СМИ. В планах у них — дальнейшее развитие сети фирмы в Польше и за границей.

 RZECZPOSPOLITA

Тадеуш Корнась

КШИШТОФ ВАРЛИКОВСКИЙ — МРАК И СВЕТ

Кшиштоф Варликовский

В декабре прошлого года московский Творческий центр им. Всеволода Мейерхольда принимал Кшиштофа Варликовского со спектаклем «Крум». Этими гастролями начался цикл Мейерхольдовских встреч, в рамках которого планируется приглашать известных режиссеров. Кшиштоф Варликовский стал также первым лауреатом премии им. Мейерхольда, присуждаемой за самые выдающиеся достижения в мировой режиссуре.

Кшиштоф Варликовский (р. 1962) — сейчас, безусловно, один из самых интересных польских режиссеров. А ведь первые спектакли отнюдь не предвещали такого расцвета его таланта. Впрочем, он и пришел-то в театр очень поздно — экзамены в театральную школу на режиссуру он сдал, когда ему было 27 лет. До того Варликовский изучал романскую филологию (а также историю и философию) в краковском Ягеллонском университете, затем классическую филологию — в Сорбонне. Его первое представление в краковском Старом театре, «Маркиза О.» по Генриху фон Клейсту (1993), было сочтено бездарным подражанием его педагогу из Высшего государственного

театрального училища Кристиану Люпе. Сходным провалом завершилась и следующая его премьера в Кракове — «Возьмем на работу старого клоуна» Матей Вишнека* (1995). Словом, Краков оказался для режиссера городом несостоявшихся свершений. Лучшие спектакли Варликовского появятся позже, прежде всего в Варшаве.

Но трудное начало, недооценка со стороны зрительской аудитории, едкие рецензии на первые постановки — это лишь одна сторона медали. Его талант довольно рано заметили и оценили самые крупные творцы мирового театра. Увидев спектакль Кшиштофа, поставленный еще в театральной школе, его пригласил на свои мастер-классы Питер Брук (Варликовский стал в 1992 г. его ассистентом на спектакле «Впечатления Пелеаса» по опере Клода Дебюсси «Пелеас и Мелизанда»); в 1994-м он принимал участие в мастер-классах, которые вел Джорджо Стрелер, а в 1998-м поставил в его миланском «Пикколо-театро» шекспировского «Перикла»: присматривался Варликовский и к работе Ингмара Бергмана.

Риск неудачи был с самого начала вписан в стратегию Варликовского. В одном из первых своих интервью он провозглашал: «Как режиссер и как зритель я предпочитаю — и это, пожалуй, непопулярно — представление, бросающее вызов и идущее на риск, пусть даже не до конца удачное, но смелое и новаторское, нежели безукоризненно корректное, но лишь в очередной раз тиражирующее придуманную когда-то схему». Однако его не интересовал ни театр чисто экспериментальный, где высшая ценно-

* Вишнек Матей (1956 г.р.) — румынский драматург, писатель и поэт. — *Здесь и далее прим. пер.*

сть — техника актера, ни авторский, где он сам тоже писал бы тексты или радикально перерабатывал их. Из примерно сорока спектаклей, поставленных до сих пор Варликовским, большинство опирается на драматические произведения выдающихся авторов прошлого (чаще всего он обращается к Шекспиру и античной трагедии). «Готовя сценарий, я стараюсь оставаться верным литературному первообразу и, как правило, не дописывать собственных диалогов, считая, что я должен подстраиваться под произведение, подчиняться ему, коль уж решился поставить его, а не наоборот, а также доказать, что именно это произведение интересно в театре», — утверждал Варликовский в 1995 году.

Кшиштоф Варликовский никогда не создавал собственного театра-лаборатории, однако ему все-таки удалось собрать вокруг себя группу творцов, которая вместе с ним ставила очередные спектакли. Прежде всего это его жена Малгожата Щенсяк — сценограф и театральный художник, Павел Микетин — композитор, Яцек Понедзялек — актер. Нашел он и свой театр, где создавались самые важные из его представлений, — театр «Розмаитости» («Всякая всячина»), переименованный позднее в «ТР Варшава», которым руководит его младший коллега по краковскому театральному училищу Гжегож Яжина.

Первые варшавские постановки создали образ режиссера-скандалиста. В 1998 г. Варликовский поставил в Драматическом театре Варшавы «Укрощение строптивой». Он деконструировал эту комедию, сосредоточившись прежде всего на показе борьбы женщины и мужчины за господство. Шекспира Варликовский прочитал с позиций феминистской критики. В представлении появилось много сильнодействующих, рискованных сцен унижения и дрессировки женщины. Режиссер эпатировал также проявлениями некой расшатанности сексуальной идентичности — это останется устойчивым, почти фирменным знаком его театрального творчества. Катарину, к примеру, в «Укрощении» обучают манерам и приемам поведения трансвеститы, потому как они знают женственность словно бы извне.

В варшавском театре «Розмаитости» Варликовский нашел превосходные условия для работы, репетиции можно было проводить в условиях полного доверия, без всякого давления и чрезмерной спешки. Нашел он там и преданный актерский коллектив, который полностью доверял режиссеру, соглашаясь во имя художественного творчества даже на самые спорные, неоднозначные замыслы и идеи. Варликовский строит роли на столкновении текста пьесы с самыми интимными ощущениями и переживаниями актера. Такое столкновение может, по его мнению, раскрыть, обнажить правду персонажа. Слова должны быть вбиты в тело. Тело же представляет собой материю, полную сексуальности и насилия. Но оно еще и способно на любовь. Так в конечном итоге и возникают роли, полные противоречий, но нацеленные на показ всей полноты поступков человека, его поведения.

В 1999 г. Варликовский поставил в театре «Розмаитости» «Гамлета». «У меня не было честолюбивых притязаний ставить эту драму, — заявлял он. — Возникло уже столько спектаклей, и мне казалось, что мне не удастся добавить ничего умного. В «Гамлете» я хотел прикоснуться к людям, уловить их в самых крайних реакциях и страстях, которые у Шекспира действуют, словно лавандовое масло: будучи разведенным, оно доставляет наслаждение, а в сконденсированном виде вызывает головокружение». Разумеется, Варликовский попотчевал зрителей конденсированным благоуханием. Его внимание привлекла также «глубокая мистическая структура — преступление в семье и необходимость мести, тема, присутствующая в Ветхом Завете и греческой трагедии». Однако самые важные дилеммы разыгрывались в пространстве отношений между людьми, здесь эмоции были раскалены до максимума. Появились также сцены, очень сильно видоизменяющие (дополняющие?) смысл драмы: Гамлет оказывался в спальне у матери нагим, Розенкранца и Гильденстерна играли женщины, переодетые мужчинами. Представление создается с помощью импрессионистических приемов: прикосновениями, страстями, настроениями. Драма не стремится к кульминации — ни к фабульной, ни к эмоциональной. Спектакль обрывался внезапно. После слов Гамлета «Дальнейшее — молчанье» в зрительном зале загорался свет.

Помимо великолепной работы с актером Варликовский выстраивает свои представления еще и с помощью визуальных и музыкальных средств. Обычно они обретают форму в единообразном, многофункциональном сценографическом пространстве. Большую роль играет свет, который создает настроения и образы. Музыка (часто электронная) звучит — как бы ниже порога восприятия (ее вовсе не замечаешь) — на протяжении почти всего спектакля. Свет, образ, мизансцены, музыка — все они участвуют в создании настроений на равных правах со словами.

Крупным успехом Варликовского оказалась инсценировка драмы Сары Кейн** «Очистившиеся» (2001). Произведения Кейн квалифицировались как brutальные — в них полно насилия, секса, убийств, ненависти, жестокости, извращений. И в «Очистившихся» таких сцен тоже можно отыскать в избытке. А между тем критики утверждали, что это представление — «пьеса не о насилии и жестокости, а об отчаянной потребности в любви». Однако часть зрителей чувствовала себя оскорбленной и возмущенной. Писали, что перед нами спектакль, «эпатирующий наготой и гомосексуальной порнографией». Крайние позиции польской критики отражали и позицию зрителей — одни поклонялись Варликовскому и прославляли его, другие винили его искусство в переизбытке эффектов и в извращенности. Спектакль — впрочем, подвергавший метафоризации и попыткам поэтизации все сцены насилия — вызвал дискуссии по поводу того, куда и до каких границ может доходить театр.

Зло остается одним из мотивов, едва ли не с маниакальным упорством повторяющихся в творчестве режиссера. «Зло исходит не от дьявола, зло присутствует в нас. Нам нет нужды отыскивать его в сверхъестественной галлюцинации, — утверждает Варликовский. — Вовсе не сверхъестественные силы толкают целые народы к ненависти, преступлениям, алчности и ко всему, от чего нас должны уберечь кодексы и заповеди». Проблема, однако, заключается в том, что театральные миры Варликовского постсовременны в любом значении этого слова. Добро и зло уже не защищаются у него какими-нибудь обусловленностями или заповедями. Человек должен каждый раз заново и самостоятельно устанавливать для себя границы. Временами кажется, что Варликовскому хочется через углубленное постижение природы зла отыскать искры добра в мире и человеке.

В 2003 г. Варликовский поставил «Бюрю» Шекспира. Он говорил, что хочет посредством этого текста тактично и деликатно обратиться к реалиям посткоммунистической Польши, затронуть вопрос о примирении между недавними палачами и жертвами, о прощении и умении забывать перенесенные обиды. Только вот как это сделать, если неизвестно, где добро, а где зло? Когда все смешано в страшной сумятице? Когда прощение кажется невозможным? Варликовский делает театр, весьма современный по форме, — однако же в «Бюрю» он включил сцену из совершенно иного ряда: обряд благословения молодых во время сельской свадьбы совершают женщины, одетые в традиционные красочные наряды, которыми славится Лович и его окрестности. Их играли не актрисы, а действительно простые деревенские женщины. «Эти женщины вышли из головы Просперо, — разъяснял Варликовский свой режиссерский ход. — Подобное воспоминание позволяет воспрянуть духом и придает надежду, что у человечества есть смысл. Произносимые ими слова, что нужно верить в Бога, чтить родителей и заполнить свою жизнь другим человеком, звучали как слова прощения, которого мы не увидим, когда встречаются враги». От этого и иных спектаклей Варликовского возникает весьма отчетливое ощущение, что добра-то хочется, а оно невозможно и достичь его никак не удастся.

После посещения Москвы Кшиштоф Варликовский сказал в интервью Екатерине Беляевой, что вовсе не считает, будто театр непременно должен быть солнечным и ярким. И признался, что мало знает о природе радости. Если же говорить о свадебной развязке многих шекспировских комедий, в том числе и «Бури», то это может служить исключительно как успокаивающая таблетка на сон грядущий. После чего режиссер добавил, что посещение театра никоим образом не должно увязываться с возможностью комфортабельно посидеть в мягком кресле. По мнению Варликовского, от мрака ближе к свету, чем от света.

Наряду с представлениями в Польше Варликовский ставит много спектаклей и за границей. Он постоянный гость Авиньонского фестиваля, сопродюсера последних спектаклей режиссера. По заказу этого фестиваля он поставил и «Дибук» по Симону Ан-скому и Ханне Краль. Две части этого спектакля принципиально отличались. Первая, касающаяся легенды о великой любви, когда Ханан после смерти вселился в тело любимой им Леи, еще несла в себе многозначность метафоры. Вторая, построенная на основании новеллы, которая обращалась к травме Катастрофы, поражает реализмом. Парадоксально, но в этом представлении появились сюжетные линии, похожие на те, что уже были в «Очистившихся»,

** Сара Кейн (1971-1999) — британский драматург, вызывающая много споров и заслужившая себе уже с первой пьесы (1995) репутацию «enfant terrible».

— мотив сплетения душ и тел, достижения абсолютной полноты единения. В «Очистившихся» Тинкер, оперируя героиню, хотел путем изменения биологии создать невозможное единство, соединить брата и сестру, любящих друг друга, в одно целое. Трагическая грусть финала показывала, насколько ложным был этот путь, который порождает лишь углубившееся чувство неудовлетворенности и нереализованности. В «Дибук» путь вел не только через телесность, но и через совместный духовный порыв двух людей. Но любовь на земле несбыточна. Обнаженные Лея и Ханон уходят сквозь ворота вселенной. Со стены раскрашенной синагоги уходят и райские животные, львы и единороги — медленно, поодиночке. Свертываются розетки, блекнут краски (это достигается великолепной компьютерной анимацией). Рай на земле невозможен, да и мир прошлого, мир еврейских легенд и раскрашенных стен у синагог, — уже тоже прошлое. Начинается вторая часть — разыгрывающаяся в кабинете психотерапевта. На смену многозначности приходит эпическое повествование, которое иллюстрируется действиями актеров, а понятие тайны куда-то подевалось, как будто мир на самом деле выплел и поблек.

После «Дибук» мир театрального воображения Варликовского изменился довольно принципиальным образом. Режиссер словно бы уже не пробовал прикоснуться к миру больших чувств и страстей, больших метафор (Шекспир и античность перестают быть для него полем вдохновения), а хотел теперь заняться делами обычных людей, теми проблемами, где основные элементы — неудовлетворенность, неспособность выразить себя и смиренная покорность. Представляется, что такой перелом совершился между двумя частями «Дибук». Если, однако, вторая часть того спектакля была не слишком удачной, то «Крум» Хноха Левина*** оказался подлинным событием в мире польского театра. Это представление сумело также примирить рассорившиеся лагеря критиков и зрителей. Как раз «Крум» смогли увидеть и зрители в центре им. Мейерхольда в Москве (это были первые гастроли театра Кшиштофа Варликовского в России).

В предшествующих спектаклях Варликовского — до середины «Дибук» — межчеловеческие ситуации были экстремальными, а стремление к нарушению принятых норм выражалось напрямую. На сей раз болтовня вполне банальна, а ситуации, захваченные в самые болезненные моменты, полностью обнажаются. Но эта банальность существования отнюдь не менее пронзительна и остра. Словно бы Варликовский хотел показать квинтэссенцию жизни — самой обычной, неупорядоченной. Эту перемену очень ярко и выразительно комментировал актер всех сколько-нибудь важных представлений Варликовского, играющий заглавную роль и в «Круме», Яцек Понедзялек: «Варликовский не описывает жизненные ситуации, а извлекает из них самую суть. Она вытекает у него из наблюдений, из встреч с людьми». Уже многие годы режиссером владеет навязчивая идея документального представления жизни в театре. Документального — то есть отвергающего сценическую драматургию, формальную или ремесленную, прогнозируемую, хоть зачастую и совершенную, в пользу реального делания. Чтобы разговоры и действия персонажа не были нацелены на актерство. «Хочу найти нечто случайное, такую неочевидную густоту, плотность, интенсивность, какая наблюдается в жизни. Искусство органического делания. Даже если зрители не хотят этого замечать и мучаются, поскольку ждут слова, выразительного жеста, который им что-то подскажет, избавит от беспокойства. А тем временем нужно попросту смотреть, словно ты видишь человека в жизни».

Судя по голосам российской прессы, «Крум» был принят в Москве очень тепло. В открытую писалось, что у Варликовского все звучит очень по-чеховски. Что отчужденные, обособленные герои жестоки по отношению к себе в стремлении к тому, чтобы хоть раз в жизни где-либо и что-либо пережить взаправду и произнести слова правды. Чтобы причинить страдания другому человеку — и тем самым защитить право на реальность собственного существования (в таком тоне писала, в частности, Ольга Рогинская). Алена Карась отметила, что «Крум» — это три часа бесконечной медитации, слов, лунатических блужданий. Только нет здесь никакой метафизики. В основе спектакля лежит необычайный чувственный опыт, опыт поражений, боли, утраты, тоски, страха перед смертью. Опыт неудачника, который посвящает всю свою жизнь тому, чтобы примириться с отсутствием успеха, и в конечном итоге приходит к выводу, что примирение невозможно. Карась обнаружила в этом представ-

*** Хнох Левин (1943-1999) — один из самых плодотворных израильских режиссеров, а также писатель и поэт.

лении разные источники вдохновения: жесткость и суровость Чехова, чуткую восприимчивость Фасбиндера, изысканность и метафизику Люпы. А завершила она свое высказывание констатацией, что никогда ничего подобного не видела.

Варликовский, однако, не застрял на выработанной им же самим эстетике. В 2007 г. он поставил «Ангелов в Америке» Тони Кушнера****. Представление это поднимало тему гомосексуализма, которая в Польше по-прежнему остается табуированной. Спектакль должен был стать своеобразным синтезом перемен, происходящих в мире и рассматриваемых с точки зрения геевских сообществ. «В моем случае и для нескольких актеров никакого табу нет, — говорил Варликовский в интервью солидной газете «Жечпосполита», — поскольку мы являемся той частью польского общества, которая располагает гомосексуальным опытом. Но я прошел тяжкий путь: муку внушаемой нам болезни, отторжение, травму расставаний — трудных тем, зондирование которых в театре дорого обошлось не только мне, но и сотрудничающему со мной коллективу. Возьмем хотя бы тех, кому адресованы «Очистившиеся», их сосредоточенность на гомосексуализме, хотя он был всего лишь одним из многих мотивов того спектакля. Такое отношение подтвердило, насколько сильно замалчивался в Польше этот вопрос, а тем самым — насколько задавлено до сих пор наше общество. Едва только оно начало дышать, как его уже ограничивают, отуманивают. Однако я не жалуюсь на общество, хотя оно бывает легковверным и наивным. Для человека театра это даже хорошо, когда каждый спектакль, затрагивающий некое табу, может стать для зрителей открытием. Только что я был в России. И когда захотел рассказать там историю «Ангелов», из зрительного зала доносились смешки, которые означали, что большинство не знало, кто такие мормоны или drag queen*****».

После премьеры этого почти шестичасового спектакля критика и зрители вновь сильно разделились. Некоторых раздражала тематика представления, других — его своеобразный дидактизм, до той поры отсутствовавший в постановках Варликовского, наконец, еще кого-то — неравноценность и наивность отдельных фрагментов пьесы (и представления). Зато уровень актерской игры был признан необычайно высоким. Свои свершения и открытия, сделанные в ходе работы над образом Крума, когда от актера требовалось пропускать через себя реальную жизнь, Варликовский перенес на совершенно иную драматическую материю — которая не поддавалась окончательной рационализации. Премьера спектакля состоялась недавно, а спектакли Варликовского со временем созревают. Быть может, так случится и с «Ангелами в Америке».

Не подлежит, однако, сомнению, что Кшиштоф Варликовский — это один из самых важных режиссеров современного польского театра, которого уже сегодня ставят в один ряд с Гротовским, Вайдой, Кантором, Яроцким и Люпой.

**** Тони Кушнер (р. 1956) — американский драматург, более всего известный как раз эпической драмой в двух частях «Ангелы в Америке. Гей-фантазия на национальные темы» (1993). В его пьесах видят влияние Маркса, Фрейда и Брехта.

***** Drag queen (буквально «королева под кайфом») — гомосексуалист, особенно трансвестит, который одевается как вызывающая женщина, делая это, в частности, ради достижения комического или театрального эффекта.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

■ Самым шумевшим событием Варшавской международной книжной ярмарки стало изгнание Дэвида Ирвинга, британского историка, который в своих книгах неоднократно подвергал сомнению официальную историографию Катастрофы. «А я-то думал, что в Польше есть демократия и свобода слова», — сказал Ирвинг. — Я встречаюсь с читателями во всем мире. Скажу коротко: это большой позор для поляков». Однако организаторы 52-й книжной ярмарки были неумолимы. «Это наш долг перед миллионами жертв Холокоста», — сказал директор музея в Аушвице Петр Цивинский. К счастью, это было не единственное событие на ярмарке. В этом году ее почетным гостем была Украина, представившая множество новинок своей литературы, а давно известный и весьма ценимый на польском рынке Юрий Андрухович был одним из самых расхваливаемых гостей. Из польских новинок на ярмарке был впервые представлен последний роман Мартина Светлицкого «Тринадцать». Этот детектив был признан одним из самых интересных явлений в польской литературе последнего времени.

■ Показом «Канала» Анджея Вайды началось празднование 50-летия польской школы кино. «Пожалуй, это был лучший период в истории польской кинематографии», — написано в проспекте Института киноискусства, напечатанном в преддверии юбилейных торжеств. — Относительная свобода после октября 1956 года дала выход скопившейся энергии, талантам и творческому энтузиазму. В течение всего нескольких лет были созданы такие фильмы, как «Пепел и алмаз» Анджея Вайды, «Эроика» Анджея Мунка, «Последний день лета» Тадеуша Конвицкого, «Мать Иоанна от ангелов» Ежи Кавалеровича, «Прощания» Войцеха Ежи Хаса. Фильмы этого течения награждались на крупнейших международных кинофестивалях (...) Благодаря им польское кино приобрело мировую известность». К этому списку следовало бы добавить еще несколько имен: писателя и сценариста Ежи Стефана Ставинского, а также режиссеров Казимежа Куца и Станислава Ружевица. И несколько слов комментария режиссера Филипа Байона, младшего коллеги создателей польской школы: «Польская школа — это также великая, универсальная тема, которой мы покорили мир, — человек и Большая История в иронически-трагической трактовке. Каждый пытается что-то сделать, за что-нибудь бороться, а История и так показывает ему фигу».

■ О сегодняшнем мире рассказывают фильмы, представленные в Варшаве на организованном уже в четвертый раз Фестивале мирового документального кино. «Planete Doc Review доказывает, что сегодня мировое документальное кино нашло себе обширную нишу, свободную от того, чего так опасался Кесслёвский: от телевизионных стандартов, давления очевидности, тенденциозности, спешки, преобладания информации над мыслью, — пишет Тадеуш Соболевский. — Представленные фильмы — это эссе, поэмы, семейные саги, а иногда личные исповеди, после которых трудно прийти в себя». «Мы ищем источники, которые рядом с нами, — говорит директор фестиваля Артур Либхарт. — Это наше послание. А единственное условие, которое мы предъявляем к фильмам, — это качество». В этом году героем фестиваля стал Вернер Райнер Херцог — в специальной ретроспективной программе было показано десять его документальных фильмов. Главную премию фестиваля завоевал фильм датской кинематографистки Розы Гронкьяер «Монастырь. Господин Виг и монахиня» — рассказ об эксцентричном датчанине, который решил основать в своем замке православный монастырь. Зрители признали лучшим фильмом «Мост» Эрика Стила, повествующий о самоубийцах, прыгающих с моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

■ Prix Visionica — так называется новый телевизионный фестиваль, организованный во Вроцлаве Польским телевидением (ТВП), международным культурным каналом «Arte» и российским телеканалом «Культура». «Фестиваль напоминал программу хорошего цифрового телевидения — на нем было представлено столько всего одновременно, что участники были обречены на эквилибристику (...) как зрители, перескакивающие с одного канала на другой. Там было все — дискуссии интеллектуалов, поп-музыка, театр телевидения, художественные фильмы, немного публицистики (...) Фестиваль ответил на вопрос о будущем телевидения: оно сохранится, если ему будет что предложить как людям, жаждущим духовной пищи, так и тем, кто просто хочет развлечься в субботний вечер. Тем более, что зачастую это одни и те же люди», — пишет Войцех Орлинский. Организаторы хотят, чтобы вроцлавский фестиваль мог сравниться с итальянским Prix Italia или швей-

царскими «Розами Монтрё». Первым лауреатом гран-при Visionica стал Пшемислав Войцешек за телевизионную постановку спектакля «Made in Poland».

■ 3 мая новый тематический канал государственного телевидения ТВП «История» начал свое вещание со сведения счетов с Третьей Речью Посполитой (в передачах, которые вели историки Института национальной памяти) и с оценки царствования последнего польского короля Станислава Августа. Тем временем одним из главных пунктов программы исторического канала ТВН должен стать сериал «Гданьский вокзал», посвященный одной из самых горьких страниц истории послевоенной Польши, — еврейской эмиграции после событий 1968 года. Пока что был показан анонсирующий его репортаж Марии Змаж-Кочанович, привлечший более полутора миллионов зрителей. «В фильме слово представляется нескольким из 20 тысяч уехавших, — пишет Тадеуш Соболевский. — Чтобы на минуту мы почувствовали то же, что и они. Чтобы мы сами оказались на этом вокзале и чтобы у нас перехватило дыхание так же, как у них, когда они рассказывают об этом в курортной атмосфере пляжа в Ашкелоне (...) Да, они могли не уезжать. Надо было только стерпеть травлю, допросы, увольнения или исключения из вузов (...) В этом фильме речь идет не об их мучениях. Речь идет о нас. О стране, которая на крутых поворотах истории с такой легкостью избавляется от «чужаков», уничтожает собственную интеллигенцию».

■ «Гданьский вокзал» был одним из самых интересных фильмов на кинофестивале «Еврейские мотивы». «Главные темы фестиваля — это эмиграция и все еще не зарубцевавшиеся раны, связанные с 1968 годом, — пишет Павел Т. Фелис. — (...) Герои «Рахили на Гданьском вокзале» выбрали Швецию, потому что она была ближе всего. Они не хотели терять связь с Польшей». Именно с Гданьского вокзала отправлялся в те годы поезд «Фредерик Шопен», на котором уезжали в Вену польские евреи.

■ В Варшаве на 80-м году жизни умер Ежи Яницкий — писатель, сценарист, активист Общества друзей Львова. Его похороны на варшавском Повонзковском кладбище прошли под аккомпанемент музыки из сериалов «Польские дороги» и «Дом», а также львовских песен. «Он был мастером телесериала. Когда сегодня человек смотрит телевизор, он может только мечтать о таких фильмах, как «Польские дороги» или «Дом», — сказал на похоронах председатель Общества польских кинематографистов Яцек Бромский. — Кроме Львова его большой любовью были Бещады. Но во Львове он знал каждый кирпичик».

■ «Отмечая 250-летие со дня рождения Войцеха Богуславского, мы хотим вспомнить человека, который своей деятельностью определил масштаб творческой и социальной ответственности польского театра, — сказал директор Театрального института Мацей Новак, объявляя о большом хэппенинге в варшавском Национальном театре, именуемом Богуславского своим отцом. — Чем он только не занимался — был драматургом, режиссером, директором театра, строителем, актером, оперным певцом, учителем актерского мастерства. Всесторонне одаренный директор Национального театра наметил программное направление этой сцены. Он хотел ставить актуальные, побуждающие к действию спектакли и играть их по-польски». Добавим, что 250 лет назад, когда на сценах царили итальянский и французский, это вовсе не было очевидно.

■ Человеком года «Газеты wyborczej» стал митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Жицинский. Премия была присуждена в 18-ю годовщину со дня создания первой независимой газеты на постсоветском пространстве. В речи, произнесенной в здании «Агоры», где прошла церемония вручения, архиепископ, в частности, сказал: «С польской перспективы мы можем с удовлетворением и надеждой смотреть хотя бы на перемены в области диалога между народами, на дружеское сотрудничество между многочисленными центрами в Германии и Польше (...) Перемены эти заметны и в отношениях с нашими украинскими друзьями (...) Во многих областях я вижу, как создается новая ментальность нового поколения и с какой надеждой мы смотрим на те формы сотрудничества, которые уже стали фактом. Несомненно, в этом диалоге, в этом наведении мостов христианское видение человеческого достоинства, диалога между культурами, играет очень важную роль. Итак, мы можем с надеждой ожидать, что в наших контактах с Россией культурные и духовные ценности тоже окажутся сильнее политических трений». (Полностью речь архиепископа Юзефа Жицинского и похвальное слово проф. Барбары Скарги будут опубликованы в следующем номере «Новой Польши».)

■ Выставка иностранных изданий книг Павла Хюлле и встреча переводчиков его прозы прошли в Гданьске в связи с 20-летием со дня выхода в свет «Вайзера Давидека» — первого романа писателя. В Польшу приехали переводчики произведений Хюлле из России, Голландии, Германии, Хорватии, Великобритании, Венгрии и Израиля. «Я была заворожена этим романом. В нем заключена тайна, попытка проникнуть в неведомое», — сказала Рената Шмидгалль из Германии. «Я смотрю на эту книгу так, как каждый взро-

слый человек смотрит на свое прошлое, — признался Хюлле. — С одной стороны, с симпатией, с другой — критически. Нет уже ни времени, ни возможности что-нибудь исправить».

■ В Варшаве на 76-м году жизни скончался Анджей Курyleвич. «Он был совершенно исключительной фигурой в нашем музыкальном мире, — написал музыкальный критик Павел Штомпке. — Он формировал польскую джазовую сцену, будучи ее первой звездой (...) основал Фонд современной музыки, для которого создавал иногда авангардные партитуры. Одновременно он писал вещи простые, но в то же время необычайно волнующие. Автор музыки к художественным фильмам, сериалам и телевизионным спектаклям был композитором, у которого огромный музыкальный талант сочетался с красивым подходом к жизни, исполненным духа романтизма и свободы. В своем искусстве он соединял множество талантов, был истинным музыкальным эрудитом (...) И хотя он написал сотни произведений, для меня он навсегда останется создателем простой, но полной славянской мудрости мелодии из сериала «Польские дороги»».

■ В этом году на церемонии вручения премий Фонографической академии, называемых «Фредериками», главной героиней стала вокалистка Аня Домбровская. Она была номинирована в восьми категориях, а статуэтки получила в четырех, в т.ч. в категории «вокалистка года». Композиторского «Фредерика» удостоился Анджей Смолик. Премии получили также Катажина Носовская и Мацей Маленчук, а золотые «Фредерики» за творчество в целом были вручены Ирене Сантор и Яну Пташину-Врублевскому.

■ «Последний альбом Анны Марии Йопек восхитителен, — пишет Петр Ивицкий. — Вокалистка и ее муж Мартин Кудринский записали его за свои деньги, на свой страх и риск, с музыкантами, которые прежде им только снились (...) Понравится ли этот альбом слушателям, зависит от их вкуса, потому что Анну Марию Йопек можно любить или нет. Однако с музыкальной и технической точки зрения альбом «ID» — это шедевр. Пожалуй, в развлекательной музыке на берегах Вислы такого диска еще не было. Теперь вокалистка планирует мировую премьеру альбома и серию заграничных концертов».

■ В познанском Национальном музее открылась ретроспективная выставка работ Томаша Тетерского «Томаш Тетерский. Картины и работы на бумаге, 1972-2007». «Тетерский представляет собой редкий пример художника, который начинал с живописи и на протяжении 30 лет остался ей верен, — пишет Ивона Торбицкая. — Со временем его работы приобрели характер художнических размышлений о живописи и сосредоточились на самом процессе создания картин».

■ В той же Познани фурор произвела большая выставка работ из коллекции Гражины Кульчик, ставшей одним из крупнейших меценатов современного искусства. Гражина Кульчик заявила, что хочет показывать в Польше собрания известных коллекционеров со всего мира.

■ «После 1989 г. [по Польше] прокатилась волна иконоборчества, — пишет Дорота Ярецкая. — Рухнули памятники, символизировавшие господство чужой власти (...) Вскоре мы узнаем подробности разработанного министерством культуры законопроекта о местах национальной памяти. Пока известно (...) что новый закон даст волеводцам право ликвидировать памятники, являющиеся «свидетельством двух главных тоталитарных систем XX века — коммунизма и нацизма». Известно также, что он не коснется кладбищ. Неизвестно, как министр определит «свидетельство тоталитарной системы». Быть может, у него не возникнет с этим проблем. У меня возникают (...) Разрушение всегда имеет один результат: остается пустое место, а через год никто уже не помнит, что тут, собственно, стояло. Соответствующим образом описанное свидетельство тоталитарной системы часто бывает лучше, чем благоустроенная клумба с анютиными глазками (...) Каждое место имеет свое значение. Тут действует исторический контекст, окружение, эмоции людей, которые ежедневно смотрят на памятник. Закон ничего не изменит, кроме того, что легализирует иконоборчество, которое начиная с 90-х годов и так стало в Польше государственной политикой».

■ Уже давно поляки не чувствовали такого единства, как в тот момент, когда в недалеком Цюрихе Мишель Платини сообщил, что организаторами чемпионата Европы по футболу 2012 года будут Польша и Украина. Вероятно, в тот момент народный энтузиазм мог бы сдвинуть горы и преодолеть все препятствия. Хорошо бы воспользоваться им, пока он не иссяк, а поляки не начали снова ссориться и заниматься разрушением (не только памятников) вместо строительства.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я вернулся из Вены, где занимался главным образом современной польской литературой, и придумал такую комбинацию: опишу здесь дискуссии по актуальным вопросам нашей словесности, в особенности о профессионализме литературной критики (то, что я уже затрагивал в этих обзорах), а также о том, что связано с возвращением тематики авангарда. По первому из этих вопросов взял слово Михал Табачинский на страницах краковского культурного еженедельника **«ха!арт»** (2006, №25) в статье «Услуги населению, сервис человечеству», не лишенной иронии и говорящей о жизнеспособности метакритики. Немало высказываний по второму вопросу принес последний номер варшавского журнала **«Литература на свете»** (2006, №11-12), целиком посвященный явлению под названием «конкретная поэзия», — тут мое внимание остановили тексты «Переводчики — в отпуск!» Ежи Ярневича и «Подделаться под анонима» Петра Зоммера. Авангардными тенденциями занимается и последний номер ежеквартального журнала **«Текстуалия»** (2006, №4), посвященный таким модным явлениям, как метафигция и гипертекст.

Но ничего у меня не вышло. Восполняя пробелы в чтении, возникшие за время моего отсутствия, я опять убедился в том, как неверно мнение одного из главных идеологов польской правящей команды, провозгласившей возникновение Четвертой Речи Посполитой, — профессора Рышарда Легутко, который в свое время призывал творческую интеллигенцию перестать вмешиваться в политику и отправлял ее заниматься чем-то менее раздражительным для власти: на страницах газеты **«Жечпосполита»** он писал, что «существует жизнь вне политики». Может, и существует, но лишь тогда, когда политика перестает заниматься моей жизнью. Пока она это делает, мы не можем пренебрегать таким положением вещей, и я не особо люблю, чтобы кто-то за меня решал, что мне во благо. И вот после этой Вены — где я, кстати, «побывал» у своего любимого Босха — я снова попался в поставленный на меня капкан дискуссии о люстрации, т.е. предписанной журналистам и ученым обязанности писать заявления, чтобы доказать, что они не верблюды.

Может, меня это так и не втянуло бы, если бы не тот факт, что дело приобретает международную и даже, скажем смело, глобальную известность. Ибо всё, чем занимается Россия на политической арене, носит глобальный характер. И вот, представьте себе, я не без изумления вычитал, что Россия оказывает нажим на Евросоюз, чтобы тот занялся вопросом «нарушения прав человека», которое допускают польские власти, предписывая люстрацию, т.е. обязывая представителей некоторых профессиональных групп подписывать заявления, что они не сотрудничали с репрессивным аппаратом ПНР (или, наоборот, признавать, что сотрудничали). Ну, подумал я, ничего себе винегрет. Если уж российские власти беспокоятся о нарушении прав человека в Польше, то будет над чем посмеяться. И сразу прибавил: да пусть не беспокоятся, чёрт возьми, — из-за соломинки в чужом глазу не видят бревна в собственном. Насколько я знаю, в российской печати не так уж часто встретишь тексты, авторы которых прямо и открыто выступают против принятых Государственной Думой законов.

В Польше такую критику встречаешь сплошь да рядом. Вот, например, профессор Ян Сродонь (и это лишь один из многих примеров) печатает на страницах **«Газеты wyborчей»** (2007, №99) свое «Заявление» об обязанности люстрации. Сродонь работает в Институте геологических наук ПАН, за ним прекрасное оппозиционное прошлое. Вот что он пишет:

«Публично заявляю, что до решения Конституционного суда я люстрационного заявления не напишу и рассматриваю этот акт гражданского неповиновения как логическое следствие всего моего жизненного пути. Навязывая этот закон, польское государство вышло за рамки полномочий, которыми оно располагает по отношению к польским гражданам, поэтому нужно всеобщее сопротивление, чтобы это узаконение не стало прецедентом. (...) Вытаскивать на свет человеческие грехи, притом грехи дав-

ние, не входит в задачи государства. Поэтому люстрационный закон в его нынешнем виде я считаю вредным для польской демократии. (...) До сих пор польское государство не требовало от своих граждан подписывать заявления о том, что, например, они что-то украли или никогда ничего не украли. Я себе не представляю, чтобы сами авторы закона не понимали бессмысленности такого замысла. (...) Запрет на профессию за отказ подписать люстрационное заявление — это, ввиду несоразмерности вины и наказания, деяние на грани государственного терроризма. Во всей истории Польши я не нахожу аналогий такому узаконению».

Резко сказано. Интересно, что особенно радикальные формы гражданское неповиновение принимают в высказываниях представителей естественных наук — может, это дает повод задуматься. Но гуманитарии тоже не молчат. Один из самых выдающихся польских режиссеров, Кристиан Люпа, в большой статье «Это болезнь» на страницах «**Тыгодника повзшехного**» (2007, №17) не оставляет сухой нитки на законе о люстрации. Приведем отрывки из его текста:

««Это болезнь», — сказал Лех Качинский о позиции академических кругов по вопросу об индивидуальной обязанности люстрации. (...) Если кому-то во время ссоры говорят: «Ты болел, поди полей», — то в этом слышно презрение к «невменяемому», попытка лишить аргументы противника всякого веса. (...) Чем больше растет страсть к очищению снаружи, тем безнадежней закрываешься изнутри от возможности самопознания. Индивидуум как Авгиева конюшня, индивидуум как ящик Пандоры... Все эти проекты очищения, порнографически детальные, маниакально взлелеянные, содержат в себе императив, которым правит ницшеанский принцип удовольствия. Ибо за этим стоит какое-то удовольствие, какая-то почти сексуальная потребность. Достаточно посмотреть на архивы самых разных маньяков «очищения». То есть селекции, раскладывания по полочкам, иерархизации людей. Эти антропологические снимки, эти картотеки, этот научный механизм, механизм-монстр, сконструированный из законных, ура-патриотических и демократических деталей... Страсть тем более приятная, что автоматически воспринимается (самим собой, разумеется), как миссия. (...) Я должен написать, что не убивал ближних, что не воровал, что не истязал несовершеннолетних, что я ариец, что я гомосексуалист, что ростом я 191 см, что я... — и что там еще? Ибо властитель желает, чтобы я очистился, или сам хочет меня очистить... (...) Его воображению не поддается мысль, что больше всего он унижает людей, которые никогда с органами не сотрудничали. (...) Властитель с таким недостатком воображения не может быть зрелым лидером демократического государства».

Вынесем, однако, проблему демократии за скобки (если это возможно) и обратим внимание на другой аспект люстрации. Вот мы живем, с одной стороны, в мире институциональном, т.е. в мире политики, с другой — в мире ценностей. Существенным представляется вопрос, каким образом гармонизировать эти две сферы, которые, как это показал Софокл в «Антигоне», не всегда друг другу созвучны, и иногда это приводит к трагедиям. Отношение к люстрации в какой-то степени входит в тот же круг вопросов, что весьма драматически показывает текст Кристиана Люпы (недаром автор — режиссер, притом, напоминая, выдающийся). Люпа пишет:

«А если заглянуть поглубже? Положим, что вступать в активное сотрудничество с органами ПНР — поступок, подлежащий моральному осуждению, грех и т.п. даже тогда, когда человек, вступивший в сотрудничество, был идейным коммунистом. Даже такого человека обязанность выдавать других людей на растерзание государству должна была надумать, что что-то тут не в порядке».

Вслед за этим верным суждением у Люпы возникают другие вопросы:

«Разве людям неопытным нельзя было верить в те идеи, в тот строй? Люди рождались в той действительности, росли и формировали свое мировоззрение (каково бы оно ни было) в самых разных ситуациях, обстоятельствах (...). Не всегда человек обязан пронести через всю жизнь то, в чем вырос и сформировался, — да откровенно говоря, так поступают только люди духовно несамостоятельные. (...) Вопрос: действительно ли от всех, кто жил, рос, формировался в ПНР, можно требовать критического и сознательного представления о действительности, то есть от всех ли в самом деле можно требовать, чтобы они свои контакты с ГБ — если таковые были — воспринимали сознательно, с полным пониманием всего, что за этим стоит? (...) Достаточно почитать Достоевского (человека, которого, кстати, по нынешним критериям оценки раз и навсегда отовсюду вычеркнули бы), чтобы вникнуть в тайники

духовной перемены и понять еще одну, самую главную вещь: нередко люди, нравственно творческие и достигающие большой этической харизмы, обладающие волей и энергией «доброго дела», — это те, кто в прошлом «согрешил». (...) Есть ли у нас чувство отождествления с тем, чем был или бывал человек в моменты затмения, в моменты давления? Да это же так просто и очевидно, говорят те, кто никогда в жизни ни в чем не признавался и признаться неспособен, кто за собой не знает никаких грехов и заблуждений, хотя невооруженным глазом видно, что нравственная непреклонность им по меньшей мере не к лицу. Мы живем в этическом пространстве христианства, а там есть нечто, называемое тайной исповеди. Думаю, что это мудрая и нужная тайна, защищающая человека, который упал и хочет подняться — и не только в жизни подняться, но и в смысле нравственного обновления. Без охраны тайны исповеди грешник предан мирскому суду, который редко позволяет ему возродиться. Чтобы исповедовать свои провинности «былых времен», нужно иметь доверие к исповеднику. Можно ли о чем-либо подобном говорить сегодня? Многие «грешники» умирали со своей тайной, но оставляли миру свои новые труды, труды своего возрождения, труды своего искупления. Я не могу смириться с моралью, изничтожающей людей. Не могу принять нормы, лишенные любви и понимания человеческих падений и заблуждений. Мир ПНР был особым лабиринтом, действительностью, заводящей в ловушки, и не всегда было личной заслугой не попасться в эти ловушки, и не всегда было личной виной в этих сетях запутаться. (...) Этот суд над былой совестью, которая по-прежнему носит наши имена, кажется мне чем-то постыдно примитивным... Это посев ненависти, это узурпация справедливости, народы платят за это трагедиями (...). Вышли ли мы из этой кошмарной действительности? Я все больше в этом сомневаюсь. Единственное, что может сделать человек мудрого и справедливого, — это сказать себе и другим: «У меня нет возможности, нет ни малейшего шанса это осудить!» И никакие документы с той стороны — со стороны аппаратов и аппаратчиков террора — ничего не изменят в этом состоянии сознания. Между тем перед мрачным застенком стоит новая гвардия очистителей, людей, которые не видят в себе никакой порчи или греха. И известно: если бы не (к счастью) уже достаточно прочная сеть демократии, то молодые заблуждающиеся снова входили бы в подворотни особых домов, в особые помещения, где снова должны были бы доносить на своих близких и снова подписывать какие-то бумаги...» Ибо — договорим за автора — цена оглашения правды неважна...

Многие, кстати, рассматривают подписание люстрационного заявления именно как принуждение — в ореоле закона — подписать «какую-то бумагу». В этом контексте неважно, каким будет вердикт Конституционного суда, оценивающий закон, который ввел эту самую подпись. Важно зато вести дискуссию — открытую и неподцензурную, а она же у нас и не подлежит цензуре! — по основополагающему вопросу: можно ли систему ценностей институционализировать? И следующий вопрос: можно ли и следует ли оценивать государственные институты в нравственных категориях? Ибо в действительности те, кто вступил в дискуссию о принципах люстрации в Польше, не того добиваются, чтобы люстрацию отвергнуть, — они спорят о том, как она должна проводиться, как следует относиться к документам органов, как их воспринимать, и, наконец, о том, чтобы каждый случай «греха», о котором пишет Люпа, рассматривать индивидуально. Спор идет и о том, какой характер должны носить институты власти в Польше и какие отношения связывают политику с моралью: существующие польские традиции по-прежнему не позволяют отделить сферу политики от сферы этики.

Интересно, как обстоит дело в России. Я имею в виду вот что: я хотел бы понять, каким законным оправданием обладают российские власти, стремясь поставить на повестку дня Евросоюза польские хлопоты с люстрацией как вопрос нарушения прав человека в Польше. Хотел бы я знать и то еще, каковы у граждан Российской Федерации возможности таких открытых публичных выступлений против решений властей, как те, примеры которых я привел, цитируя польские тексты. Что ожидало бы автора, сказавшего о Путине, что он «не может быть зрелым лидером демократического государства»? И где в России он мог бы такое определение опубликовать? Я спрашиваю не без причины — речь идет не о том, согласен ли я с цитированными текстами, но о том, что, даже с ними не соглашаясь, я всегда выступал бы в защиту права на их публикацию. Запрещают это как правило те системы, в основу которых положен принцип институционализации ценностей.

Магдалена Байер

КЛИНГЕРЫ — ДВА ПОКОЛЕНИЯ БОГОСЛОВОВ

Доктору Михалу Клингеру довелось в мальчишеском возрасте видеть оригинал портрета Зигмунта Красинского, висевший в гостиной внуки великого поэта в Познани, и потом он сравнивал его с репродукцией в школьном учебнике литературы. В том же доме он видел оригинал Караваджо — картину, которую графиня перед смертью подарила познанским иезуитам. Еще долго после войны здесь сохранялся — словно оазис или скансен — круг русских эмигрантов, которым Вторая Речь Посполитая предоставила гостеприимство и условия для скромной, но достойной жизни. Ближайшей подругой госпожи Красинской была Александра Мельницкая, дочь царского губернатора Риги, которая на протяжении многих лет содержала больного отца на зарплату университетской преподавательницы нескольких иностранных языков. Обе родовитые дамы часто навещали дом Клингеров и его хозяйку — бабушку пана Михала Раису, родом из русской православной семьи Бакалинских.

■ Очаг двух культур

Георгий (Ежи) Клингер (свои богословские труды, выходявшие по-русски, Клингер всегда подписывал именем Георгий. — *Ред.*), единственный сын великого античника Витольда Клингера*, родился в Киеве, откуда в возрасте четырех лет приехал вместе со своей русской матерью в Познань. Он рано начал писать стихи, на обоих языках сразу — то по-польски, то по-русски. Его сын Михал, тоже единственный, подчеркивает, что это было не просто двуязычие, но глубокая укорененность в обеих культурах, самым естественным образом ощущавшихся как свои. От отца Михалу не раз доводилось слышать, что самые великолепные знатоки русской культуры, если не считать самой России, были среди польской интеллигенции межвоенного периода, что никто и ни на какой язык «не умел так перевести Блока или Пушкина, как Юлиан Тувим — на польский».

Тувим бывал в познанском доме Клингеров — юный Ежи разговаривал с поэтом, а пан Михал бережно хранит открытки, которые писал отцу еще один великий польский поэт — Леопольд Стафф, побуждая юношу продолжать попытки писательства. К нему по наследству перешло дружеское знакомство с Чеславом Милошем, и уже после смерти отца подтверждались в беседах с этим писателем мнения о почтении обоих блистательных умов к русской культуре, опирающиеся на глубоком ее знании.

Ежи Клингер начинал учиться в родительском доме. Позднее его отдали в гимназию св. Марии Магdalины, где польский язык и литературу преподавал, в частности, поэт Войцех Бонк**. Во время оккупации, когда родители скрывались в Варшаве, а профессор Витольд Клингер подпольно преподавал, его сын ходил на подпольные курсы. Сразу же после войны Ежи «в ускоренном порядке написал и защитил диплом по философии» у Владислава Татаркевича***. Знакомство с Романом Ингарденом****, завязавшееся в период краткого пребывания семьи в Кракове, заинтересованность феноменологией, выдающимся представителем которой был Ингарден, а в еще большей степени — его эстетикой — все это легло в основу опубликованной им работы «О структуре поэтического произведения».

В трудных жизненных обстоятельствах он одновременно готовил кандидатскую диссертацию о творчестве Александра Блока. Постоянно разъезжая между Варшавой, где находился профессор Татаркевич, Краковом, где Ежи Клингер получил должность ассистента в Ягеллонском университете, и Познанью, где жила семья, он... потерял в каком-то из переполненных поездов все свои записи и уже никогда больше не возвратился к Блоку.

* Витольд Клингер (1875-1962) — филолог-классик и историк античности, переводчик, преподаватель Киевского университета, профессор Познанского университета им. Адама Мицкевича.

** Войцех Бонк (1907-1961) — поэт, драматург, эссеист. Важная фигура в культурной жизни Познани.

*** Владислав Татаркевич (1886-1980) — философ и историк философии, эстетики и искусства, профессор Варшавского университета, автор фундаментальной «История философии», которая многократно переиздавалась.

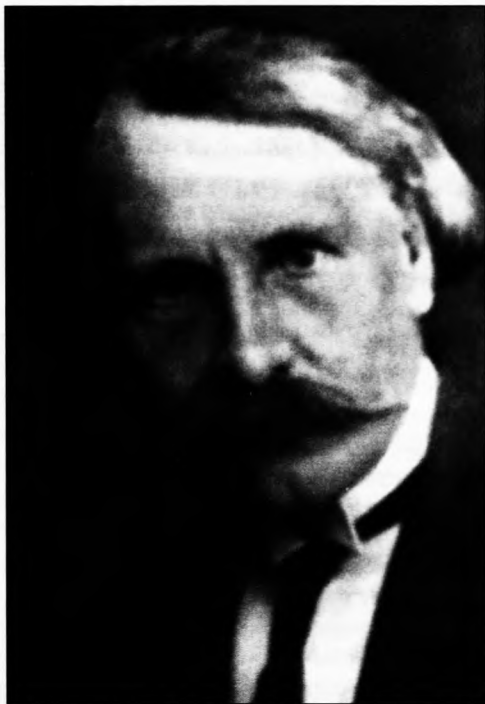
**** Роман Ингарден (1893-1970) — философ, теоретик литературы и искусства, ученик Эдмунда Гуссерля, профессор Львовского университета им. Яна Казимира и краковского Ягеллонского университета.

■ Приверженность возмущениям. Выбор

В ранней молодости наш герой познакомился с Владиславом Бронеvским и на какое-то время стал приверженцем его «довоенного, слегка духовного, слегка морального, слегка эстетического социализма». Мой собеседник не раз слышал от родителей: «Михась, ты представить себе не можешь, чем была польская Церковь до войны. Каким страшным было равнодушие и Церкви, и всех высоких авторитетов к социальной несправедливости».

Отец после войны преподавал Маркса, интересовался молодым Марксом, хотя больше всего его всегда привлекали мистики, а также греческая философия. Когда в университет поступили очередные сталинские инструкции, левые склонности не выдержали, и в 1950 г. Ежи Клиnгер ушел из университета.

Ежи (Георгий) Клиnгер

Богословом он стал, имея за плечами чтение отцов Церкви, над которыми он корпел по ночам в Ягеллонской библиотеке, а также «духовный фундамент, вынесенный перед войной из познанского православного прихода». Воистину внушительное впечатление производят и этот внутренний багаж, и крепкая всесторонняя образованность человека, который тогда не прошел еще даже половины своего научного и жизненного пути. А православный приход в Познани неотрывен от семейной истории: именно Клиnгеры построили вблизи казарм маленькую деревянную церквушку, чтобы она служила многочисленным православным солдатам. Армейский капеллан, он же и настоятель, собирал у себя весь круг послереволюционных эмигрантов-аристократов и верующих не столь высоких сословий, как штатских, так и облаченных в мундиры.

Ежи, наверняка не предвидя в ту пору собственного богословского будущего, поддерживал до войны контакты с православным митрополитом Дионисием, который после революции учредил в Польше автокефальную Церковь, дабы отделиться от советской России.

Во время войны Ежи недолго учился в Варшавской духовной семинарии, а позже посвятил себя философии — как оказалось, навсегда.

Тому, кто принял решение стать богословом и покинул университет, нелегко было найти себе занятие, позволяющее содержать семью. Тут Ежи Клиnгеру помог случай. Встреченный им на вокзале Богуслав Лятавец, поэт и довоенный преподаватель гимназии Марии Магдалины, который был в то время инспектором школьного округа, устроил обоих родителей

Михала (его мать в свое время получила высшее образование) в лицей, расположенный в Козьмине-Великопольском. Там их учеником был нынешний выдающийся философ, профессор Ягеллонского университета Владислав Стружевский, который всегда подчеркивает, какое духовное и интеллектуальное влияние оказал на него «проказник» Клиnгер. Этот школьный эпизод, который пришелся на период самого абсурдного натиска, имевшего целью воспитать «социалистического человека», длился три года.

■ Новосельский в приходе

Приняв в 1952 г. рукоположение, Ежи Клиnгер вместе с семьей поселился в Кентшине, став... сельским священником. Однако с самого начала он вел жизнь, совсем не типичную для своего нового положения.

Дело в том, что в его приходе сразу же появился Ежи Новосельский, и они оба решили расписать стоявшую у них в городе старую прусскую конюшню... византийскими фресками. В итоге в 1954 г. возникли первые фрески Новосельского — по мнению пана Михала, первые в мире, сделанные в каноническом православном стиле.

Нужно помнить, что происходило всё это до возрождения древней иконы в церковной жизни православия. Начавшийся в России возврат к древним традициям иконописи свела на нет революция. А Новосельскому удалось представить икону как произведение искусства с одновременным соблюдением всех требований канона.

Михал Клиnгер помнит горячие дискуссии в кентшинском приходском доме с участием старых русских эмигрантов, у которых неизвестно как сохранились домашние библиотеки, а в них — книги Николая Бердяева, Льва Шестова, других знатоков религиозной проблематики. Возвращаясь к воспоминаниям тех лет, он отступает от темы

и рассказывает о заслугах тех, кого запомнил как завсегдатаев своего дома: Софьи Лихаевой, которая организовала все музейное дело на доставшихся Польше землях Восточной Пруссии, Евгения Гаудзевича, библиофила, владельца собрания книг русских религиозных мыслителей и создателя сети городских библиотек в Кентшине.

Среди этих людей, гостей Ежи Клингера, Новосельский и формировался как православный религиозный художник. Вместе они заново восприняли иконографический канон, и в соответствии с этим восприятием была построена церковь, стоящая по сей день и, по мнению моего собеседника, опять-таки первая в мире, выстроенная и обустроенная в подлинном византийском стиле.

■ Снова наука

После октября 1956-го был восстановлен существовавший в Варшаве до войны православный Богословский факультет, и вскоре его преобразовали в Христианскую богословскую академию. Священника и кандидата наук Ежи Клингера, философа и богослова, превосходно знающего древние языки, вызвали туда из Кентшина.

Он тяжело переживал расставание с приходом и с Новосельским, располагая в качестве утешения его росписями крипты в церкви варшавского района Воля, неподалеку от академии. Сам он погрузился в научную работу, написав основополагающие книги о связях великого русского православного богословия с западной религиозной мыслью. Ежи Клиnger сравнивал учение о Святой Троице у восточных и западных мистиков, изложил богословский смысл православной литургии. Сын называет его искателем «связующих мотивов», что принесло отцу признание в польских интеллектуальных кругах.

Ежи Клиnger скоропостижно скончался в 1976 г., не дождавшись того времени, когда экуменизм стал составной частью учения католической Церкви, — а ведь он посвятил делу единства христиан так много научных работ и огромный труд всей своей жизни активного богослова. Он всегда очень страдал из-за того, что коммунистические власти делали совершенно невозможным диалог православных Церквей с католической. Сам Клиnger долго был не в состоянии поехать ни на один богословский конгресс, включить свои труды в какой-либо сборник, принять участие в совместном богослужении, выступить с проповедью перед католиками... Зато экуменические дискуссии непрестанно велись в доме семейства Клингеров, который посещали многие католические богословы, философы и другие гуманитарии, открытые тому, что принес II Ватиканский собор. У хозяина этого дома имеются огромные заслуги в популяризации православия среди польской интеллигенции.

После 1956 г., когда политическое давление ослабло, Ежи Клиnger смог выезжать за рубеж и лично изучать сложную проблематику отношений между Западом и русскими православными мыслителями, а также представлять собственное истолкование происходящего. Новаторский вклад в развитие современного богословия представляют собой его историко-литературные исследования текста Священного Писания.

■ Внук, сын, ученик

Михал изучал астрономию. Любительски занимался театром. В 1975 г. он поступил в богословскую академию и еще успел послушать лекции своего отца, а тот успел порадоваться выбору, который сделал сын.

В науке он избрал библиистику. А в общественной деятельности продолжает дело отца, то есть знакомит заинтересованные круги с тем, какие существуют связи между духовностью Востока и Запада, какой смысл имеет православное богословие для западных людей, с «блеском литургического и иконографического содержания православия».

Михал Клиnger не думает, что в ближайшем будущем все христиане окажутся в одной Церкви: «Если инаковость не захватывает меня, а остается чуждой, неприятной, тревожной, то я не приближаюсь к ней, а отворачиваюсь от нее». В разговоре на эту тему он использует такие слова, как крестный путь, который проходят в Польше сторонники экуменизма, оказавшегося, по его мнению, сломленным под воздействием триумфального переживания освободительных перемен.

В Третьей Речи Посполитой православным живется хорошо: растут церкви, развиваются монастыри, заполняются семинарии, появляются издательства, но... все это происходит вне стремления к единству, без экуменического духа, особняком. «В психике пока еще нет места для братства. Мы его можем себе позволить, но нужны авторитеты, которые потянули бы за собою всех».

Встреча с Михалом Клиngerом закончилась рассуждениями о восприятии Евангелия, постижению которого он посвятил немало своих работ. Он считает, что сегодня мы имеем дело с фарисейством, которое приписывает Богу роль судьи и сводит Его к моральной санкции, в то время как Христос «ходил к грешникам, а вовсе не к святым и не к сильным мира сего». Думаю, большие задачи ставит перед собой этот потомок рода, который осознаёт обязанности, связанные с духовным наследованием.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Главному редактору «Новой Польши»
Ежи Помяновскому

Как вроцлавянка с более чем пятидесятилетним стажем сообщаю Вам, что в моем городе «с незапамятных времен» есть улица Герцена, расположенная неподалеку от железнодорожного вокзала. Есть также улица Андрея Потемкина рядом с улицей Франческо Нулло в прекрасном районе Семпольно. Значит, есть в Польше такие улицы и дальше будут.

Среди улиц, подлежащих переименованию, оказалась ул. Франклина Делано Рузвельта.
По-моему — правильно.

С уважением,
Данута Шастынская-Шваб,
пенсионерка

От редакции:

Это письмо мы получили после того, как в эфире одной из польских телепередач Ежи Помяновский сказал, что раз уж в Польше будут менять названия улиц, данные в честь советских деятелей, то стоит взамен называть их именами русских друзей Польши.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Стихи Яна Лехоня

Казик Сташевский - бард двух поколений

О. Закиров: из воспоминаний

А. Рыбак о Дворце культуры и науки в Варшаве

Живопись Анджея Врублевского

Г. Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?

Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Б. Поцей о Ванде Ландовской

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,

А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.

Беседы Сильвии Фролов с Е. Аксером, А. Полоны, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Лучшие писатели и критики Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczość@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczość

dwutygodnik ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

odra

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiązki@wp.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

a akcent

literatura i sztuka • kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.nowpol.ru

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел.: +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail: teatr@bn.org.pl

Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czasopatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 7 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558072

06